

РУСКАЯ СТАРИНА.

РУСКАЯ СТАРИНА.

КАРМАННАЯ КНИЖКА

ДЛЯ

ЛЮБИТЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОГО,

НА 1825 ГОДЪ.

ИЗДАННАЯ

А. КОРНИЛОВИЧЕМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1824.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предпріизвѣнны были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, августа 9 дня, 1824 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Ни объ одномъ изъ нашихъ Государей не писали столько, сколько объ Императорѣ Пётрѣ первомъ; но не смотря на это, царствование его принадлежитъ къ числу малопзвѣстныхъ въ Руской исторіи. Я старался объяснить, ка~~кимъ~~ образомъ онъ вводилъ между предками нашими правила европейскаго общежитія: успѣлъ ли я въ этомъ или нѣтъ, предоставляю на судъ публики.

По желанію Гг. Издателей Полярной Звѣзды написалъ я

для нихъ спашью о первыхъ балахъ въ Россіи. Лесный опзывъ о ней особъ, которыхъ мнѣніемъ я дорожу, побудилъ меня къ продолженію начатаго. Въ первомъ отдѣленіи Руской Старины читатели увидятъ плоды сихъ трудовъ. Для повѣрки сказаннаго мною и для облегченія тѣхъ, кои захотѣли бы слѣдовать по тому же пути, означены въ концѣ источники, коими я пользовался.

Второе отдѣленіе написано г. С., воинственнымъ питомцемъ знаменитаго Дона. Оно заключаетъ въ себѣ общешитіе Донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII вѣкахъ. Авторъ пользовался современными актами и опчаспи

преданіями, которыя еще свѣжи въ народѣ, сильно привязанномъ къ родинѣ и потому свято сохраняющемъ память о прошедшемъ.

Въ объявленіи о Руской Старинѣ обѣщана была вишьешка. Наводненіе, постигшее Цепербургъ въ прошломъ мѣсяцѣ, повредивъ домъ гравера, которому поручено было ее сдѣлать, уничтожило его труды и опіяло у него возможность начать оный снова. Надѣюсь, что Публика извинитъ меня въ сей невольной не-исправности.

Я намѣренъ былъ украсить изданіе это каршинками, представляющія изображенія нѣкоторыхъ лицъ, костюмы ихъ, и пр.; но

УІІІ

время и обстоятельства не позволили мнѣ сего исполнить. Если Русская Старина будетъ принята благосклонно, и ничто не помѣшаетъ мнѣ продолжать сего изданія; то надѣюсь къ будущему году придашь этой книгѣ лучшей наружный видъ.

А. К.

С. Петербургъ.
Декабря, 1834.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Нравы Рускихъ при ПЕТРѢ I.

И однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни: все Его началомъ имѣетъ, и чшобъ впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпашъ будущъ.

Журналъ Ив. Ив. Неплюева.

РУСКАЯ СТАРИНА.

О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I.

Вы не разъ удивлялись Петру I, вы слушали со вниманіемъ рассказы о подвигахъ его на полѣ брани, о его неутомимости въ дѣлахъ государственныхъ, его посполярной любви къ Россіи. Вы съ равнымъ участіемъ видѣли его въ холстинной курткѣ плотникомъ на Заандамской верфи, потомъ побѣдителемъ подъ Полтавою во время его пріумфальнаго въѣзда въ Москву, и наконецъ, по заключеніи Нейштадтскаго мира, торжественно принимающимъ

благодарность народа. Но любопытство ваше завлекло васъ далѣе. Вы сдѣлали мнѣ вопросъ: какая была частная жизнь Петра I? Покажите мнѣ его, говорили вы, не повелишь едемъ многочисленнаго народа, а гражданиномъ, въ домашнемъ быту, посреди его семейства. Какія были его частныя занятія, его домашнія забавы?

Вошъ мой отвѣшъ.

Императоръ Петръ I былъ феноменъ своего вѣка. Физическія и нравственныя его свойства, добродѣтели и недостатки, занятія его по дѣламъ государственнымъ и частныя, которыми онъ посвящалъ часы досуга, все въ немъ являетъ что-то необыкновенное, носитъ на себѣ отпечатокъ какого-то неизъяснимаго величія, безпокойной, никогда не устающей дѣя-

шельности, которыя не могутъ не возбудить удивленія.

Начинаю описаніемъ его наружности. Петръ Первый былъ слишкомъ 2 аршинъ 14 вершковъ ¹⁾, и сколько отличался ростомъ отъ другихъ что во время пребыванія его въ Голландіи, въ Заандамъ, жены корабельщиковъ, рабопавшихъ на шамошпей верфи, унимали дѣшей своихъ отъ шалостей, грозя гнѣвомъ *высокаго плотника изъ Московіи* ²⁾. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лице круглое, нѣсколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшой ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Сила его была соразмѣрна необыкновенному росту. Заспоривъ однажды съ Августомъ, Королемъ Польскимъ, въ

Биржѣ въ 1701 году, онъ велѣлъ подашь себѣ шпуку сукна и бросивъ ее вверхъ, коршикомъ прорубилъ оную на воздухъ 3). Въ другой разъ, сидя съ нимъ же за ужиномъ, онъ свертывалъ въ трубку по двѣ серебряныя тарелки вдругъ, и потомъ между ладоньми сплющилъ большую серебряную же чашу. Въ Амстердамѣ въ 1697 году, въ довольно сильный вѣтеръ, оспанавливалъ рукою мельничныя крылья, чпобъ лучше разсмощрѣшь механизмъ нѣкоторыхъ частей. Впрочемъ, однажды Петръ чуть было не заплашилъ жизнь за подобную самонадѣянность. Это случилось въ 1717 году, въ Утрехтѣ на шелковой фабриктъ купца фанъ Моллема 4). Дабы узнать быспрошу воды, приводившей въ обращеніе колеса фабрики, Государь вздумалъ было во время дѣйствія оныхъ останоить самое боль-

шое колесо; но оно подняло его, и вѣрно Петръ сдѣлался бы жертвою своего любопытства, еслибъ одинъ изъ бывшихъ шуть работниковъ, схвативъ его обѣими руками, не опорвалъ насильно отъ колеса. Походка его, обыкновенно скорая 5), дѣлалась еще скорѣе когда онъ занятъ былъ какою нибудь мыслию или увлекался разговоромъ. Одинъ изъ иностранныхъ министровъ, находившихся въ то время при Россійскомъ дворѣ, а именно Цесарскій посолъ Графъ Кинскій, довольно толстый мужчина, говаривалъ, что онъ согласился лучше выдержать нѣсколько сраженій, нежели пробыть у Царя два часа на переговорахъ; ибо долженъ былъ, при всей шутности шѣла, бѣгать за нимъ во все это время.

Петръ любилъ веселиться въ общесшвахъ, на праздникахъ, кошорые

давались ему въ честь; любилъ видѣть вокругъ себя блескъ и пышность: но въ частной жизни представлялъ во всемъ образецъ спрочайшей умѣренности. Обыкновенная одежда его была самая простая: лѣпомъ б) черный бархатный карпузь или треугольная поярковая шляпа, французскій кафшанъ изъ толстаго сукна сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца Серикова, шафшяные камзолъ и нижнее платье, цвѣшныя шерстяныя чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ съ мѣдными или стальными пряжками. Зимой шопъ же нарядъ, кромѣ того, что вмѣсто бархатнаго карпуза носилъ онъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ 7), вмѣсто суконнаго кафшана надѣвалъ другой изъ красной машеріи, въ коемъ переднія полы подбишны были соболями, а спинка

и рукава бѣличимъ мѣхомъ 8), и вмѣсто кожаныхъ башмаковъ, родъ сапоговъ изъ сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ. Царь не охотно разсвалялся съ сею простою, и даже не измѣнилъ ей въ 1717 году въ Парижѣ, гдѣ въ молодость Лудовика XV пышность и частыя перемѣны въ одеждѣ составляли отличительную черту людей лучшаго общества. Приѣхавъ туда, онъ заказалъ себѣ новый парадный парикъ: ему принесли сдѣланный въ послѣднемъ вкусѣ, широкій съ длинными кудрями. Государь обрѣзалъ его по мѣркѣ прежняго своего парика 9), такъ что онъ едва только прикрывалъ волосы. Нарядъ его, состоявшій изъ кафшана безъ галуновъ, манишки безъ манжетъ, короткаго парика, шляпы безъ перьевъ и черной кожаной поршупеи черезъ плечо, до того отличался отъ прочихъ, что,

спустя нѣсколько времени послѣ отъѣзда его изъ Франціи, оный вошелъ у Парижанъ въ моду подъ названіемъ: *habit du tzar* или *habit du farouche*. Случалось иногда, что при аудіенціяхъ или въ большихъ церемоніяхъ онъ являлся въ одеждѣ, болѣе приличной празднуемому торжеству; но всегда при окончаніи онаго тотчасъ ее сбрасывалъ. Были однакожь дни, въ которыя и онъ любилъ наряжаться съ нѣкоторою пышностію: такъ напри-мѣръ, при спускахъ кораблей, Петръ встрѣчалъ госпей, всходившихъ на вновь спущенное судно, въ богатомъ шишомъ золотомъ адмиральскомъ мундирѣ и въ Андреевской лентѣ черезъ плечо. Въ день коронаціи Императрицы Екашерины имѣлъ онъ на себѣ голубой гродешуровый кафшанъ, шитый серебромъ самою Государынею ¹⁸). Ког-

да она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафшанъ въ руки, и взглянувъ на шишье, пряхнулъ имъ, ошъ чего нѣсколько канишели осыпалось на полъ: « Смотри, Кашенька, » сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блесшки, « слуга смешетъ эшо вмѣстѣ съ соромъ « а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдаша. »

Вообще Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до него собственнo, и могли ли онъ жить распочипельно, имѣя для своихъ расходовъ не болѣе 969 душъ въ Новгородской губерніи? 12) Въ первое путешествіе свое по чужимъ краямъ, прибывъ вечеромъ инкогнишо съ небольшою свисою въ Нимвегенъ, онъ остановился въ пракширѣ и потребовалъ ужинашъ. Ему дали 12 яицъ, сыру, ма-

сла и двѣ бушылки вина. Когда надлежало расплачиваться, трактирщикъ, вѣроятно узнавъ *кто* былъ его гость, запросилъ сто червонныхъ. Петръ велѣлъ гофмаршалу своему Шепелеву заплатить сіи деньги, но не могъ за-быть этой издержки, и угощая въ Петербургѣ пріѣзжавшихъ на судахъ Голландцевъ, всякій разъ почти съ упреками напоминалъ имъ о корыстолобїи Нимвегенскаго трактирщика ¹³). «Мнѣ «мешать не изъ чего,» говаривалъ онъ въ другое время; «жалованья за-«служеннаго у меня не много, а «съ государственнымъ доходами на-«длежитъ поступать оспорожно: я «долженъ отдавать въ нихъ опчесть «Богу» ¹⁴). Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ заплашанныхъ и чулкахъ, штопанныхъ его супругою; носилъ по году и по два одно платье,

и въ 1723 году давалъ Персидскому послу Измаиль-Бегу опшускную аудіенцію въ шомъ самомъ голубомъ кафтанѣ, съ серебряными нашивками по боршю, въ кошоромъ 1717 года явился въ первый разъ къ Французскому Королю Лудовику XV ¹⁵).

Ѣздилъ онъ лѣпомъ въ длинной, выкрашенной въ красную краску одноколкѣ, на низкихъ колесахъ, парюю; зимою въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь съ двумя деньщиками, однимъ, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и другимъ, ѣхавшимъ сзади верхомъ. Одинъ только разъ 25 маія 1723 года ¹⁶), удивилъ онъ Пешербургскихъ жителей необыкновенною пышностію. Увидѣли его окруженнаго опрядомъ гвардіи, въ выложенномъ краснымъ бархатомъ длинномъ фаззонѣ тогдашняго вкуса, цугомъ, съ лакеями позади въ

либреѣ. Онъ поѣхалъ за городъ на встрѣчу князю Гр. Ѳед. Долгорукому и графу А. Г. Головкину, которые пробывъ около 15 лѣтъ въ званіи посланниковъ при разныхъ иносстранныхъ дворахъ, возвращались въ Россію просвѣщенными Европейцами. Петръ, остановившись въ 4 верстахъ отъ города, ждалъ ихъ около четверти часа. Когда они подъѣхали, посадилъ къ себѣ въ фаяшонъ, провезъ по главнымъ улицамъ столицы во дворецъ, куда созваны были знашійшія особы, и шутъ, передо всѣми, изъявивъ имъ свое благоволеніе, принесъ новую дань уваженія ихъ познаніямъ и усовершенной образованности.

Таже простота, какую наблюдалъ Царь въ одеждѣ и въ экипажѣ своемъ, господствовала и въ его обращеніи. «Если хопиште оспалъся мои-

« ми друзьями, « говорилъ онъ Заандамскимъ корабельщикамъ въ 1698 году¹⁷⁾, « то обходишься со мною не какъ съ « Царемъ; иначе я не буду ученикомъ « вашимъ. Я ищу не почестей, но полезныхъ знаній. Оставьте всѣ церемоніи; мнѣ свобода въ тысячу разъ « милѣе, нежели песносное принужденіе, котораго требуетъ свѣтъ.» Указомъ отъ 30 декабря 1701 года, рабское обыкновеніе предковъ нашихъ повергаться на землю или падать на колѣни при встрѣчѣ съ царствующими особами, было замѣнено поклономъ¹⁸⁾. Бывало, если на улицѣ кто нибудь изъ проходящихъ, поклонившись останавливался передъ Государемъ, онъ подходилъ къ нему, и взявъ за кафшанъ, спрашивалъ: « чего ты? » и если шопъ опивчалъ ему, что остановился изъ уваженія къ его

особѣ: « эхъ братъ, » продолжалъ Петръ, ударивъ его по головѣ: « у
 « себя свои дѣла, у меня мои; за чѣмъ
 « спрашивать время по пустому; спу-
 « пай своей дорогой » 19). Запрещено
 было въ письмахъ къ Государю назы-
 ваться словомъ *холопъ*, давать себѣ
 уменьшительныя имена Ивашки, Мить-
 ки и т. п., или снимать шапки предъ
 царскимъ дворцемъ, какъ сіе водилось
 въ старину, и шеперь еще въ обык-
 новеніи у насъ въ нѣкошорыхъ дво-
 рянскихъ домахъ для крестьянъ, при-
 ходящихъ на барскій дворъ. « Какое
 « различіе между Бога и Царя, когда
 « воздавать будутъ равное обоимъ по-
 « чтеніе? » говорилъ онъ при семъ слу-
 чаѣ 20). « Къ чему уничижать званіе,
 « безобразить достоинство челоѣка?
 « оказывать дому моему въ жестокіе
 « морозы безплодную почестъ, обна-

« жая голову, вредно для здоровья, ко-
 « шорое милѣе мнѣ въ подданномъ вся-
 « кихъ пуспыхъ поклоновъ. Менѣе ни-
 « зоспи, болѣе усердія къ службѣ и
 « вѣрноспи къ государству и ко мнѣ —
 « вопъ почести, которыхъ я хочу. »
 Вообще не было челоуѣка настойчи-
 вѣ Петра въ церемоніальныхъ эпи-
 кетахъ; но съ другой стороны, не
 лѣзя было обходиться съ людьми оп-
 кровеніе и дружелюбнѣе въ частной
 жизни.

Вопъ примѣръ, какъ онъ мало чи-
 нился съ особами, которыхъ даже со-
 всѣмъ не зналъ. Находясь въ Парижѣ,
 онъ хотѣлъ видѣть заведеніе Сенъ
 Сиръ для воспитанія дворянскихъ дѣ-
 вицъ, и основательницу онаго госпо-
 жу Меншенонъ, копорая нѣкогда упра-
 вляла Людовикомъ XIV и всею Фран-
 ціею, и въ шо время проводила послед-

нїе годы своей жизни въ сей обителѣ покоя ²¹). — Ему сказали, что Г-жа Меншенонъ почла бы за счастье видѣть его, но что она лежитъ больная, и потому не можетъ принимать никакихъ посѣщеній. « Это немѣшаетъ, » отвѣчалъ Государь; « я ей не буду въ « тягость; мнѣ надобно ее видѣть; она « много принесла услугъ Королю и « Франціи, хотя увлекаясь суевѣріемъ « и дѣлала глупости, гнавъ проше- « спаншовъ. » Съ сими словами поѣхалъ онъ въ Сень-Сиръ, вошелъ не сказавшись въ комнату Меншенонъ, одернулъ занавѣсы ея кровати, дружески поклонился больной, и сѣвъ на постель у ногъ ея, « извините, » сказалъ онъ ей, « что я прїѣхалъ не « во время и можетъ быть не соблюлъ « всѣхъ формъ приличія, являясь къ вамъ; « но я прибылъ въ вашъ край, чтобы

« видѣть все замѣчательное въ Парижѣ и
 « въ Версали: въ такомъ случаѣ могъ ли
 « уѣхать изъ Франціи, не изъяснивъ вамъ
 « моего уваженія. » За симъ, не давъ ей
 отвѣчать и не спуская съ нее глазъ,
 спросилъ у нее: Чѣмъ она нездоровъ-
 ва? « Болѣзнь моя есть спаросшь, »
 отвѣчала встревоженная Меншенонъ
 слабымъ голосомъ. « Мы всѣ рано или
 « поздно потерпимъ отъ нее, » ска-
 залъ Монархъ, всталъ, пожелалъ ей
 выздоровленія, и поклонившись, вы-
 шелъ вонъ.

Въ Пешербургѣ Царь былъ тоже, что
 отецъ въ большемъ семействѣ. Онъ
 крестилъ у однихъ, при чемъ родильни-
 цамъ давалъ на зубокъ, при поцѣлуѣ въ
 голову, по рублю серебромъ; пировалъ
 съ другими; плясалъ на свадьбѣ у ша-
 кого-то и ходилъ за гробомъ у иного.
 Случалось ли ему имѣть къ кому

нибудь дѣло, вельможѣ, купцу или ремесленнику ²²), онѣ часто, взявъ съ собою камышевую просѣ съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, болѣе извѣстную подѣ именемъ *дубинки*, отправлялся къ нему запросто пѣшкомъ, и если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ чиновъ садился за столъ; приказывалъ подавать себѣ тоже, что подносили другимъ, толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заспавлялъ при себѣ чашать и писать дѣшей, прѣбуя, чтобъ обходились съ нимъ безъ чиновъ. Онѣ былъ весьма пріятенъ въ обществѣ, въ немногихъ словахъ говорилъ много, и любилъ изъясняться аллегоріями ²³). Считалъ Эзопа однимъ изъ величайшихъ философовъ въ свѣтѣ, и часто, въ опившѣ на длинныя разсужденія, прочитывалъ одну изъ его басень. Отправляясь въ

ноходъ противъ Турокъ въ 1711 году, просиль онъ содѣйствія у Римскаго Императора Карла VI, который подавалъ въ шомъ надежду Царю; но не обѣщаль ничего положительнаго. Когда походъ подъ Прушомъ былъ конченъ, Императорскій посоль въспрѣшилъ Петра въ одномъ мѣспечкѣ въ Польшѣ, поздравляя его ошъ имени своего Государя съ шѣмъ, что онъ такъ счастливо избавился ошъ опасности 24). Петръ, выслушавъ посланника весьма хладнокровно, спросиль у него, знаетъ ли онъ по Лапынѣ? и послѣ ушвердительнаго ошвѣта, взялъ состола Эзопа, пріискалъ ему басню о Козлѣ и Лисицѣ, сошедшихся у колодца, подаль ее Посланнику и сказавъ ему: « шеперь желаю вамъ доброй ночи » вышелъ изъ комнашы. — Часшо видали его на улицахъ идущимъ подъ руку

съ честнымъ фабрикантомъ или иноземнымъ мажоромъ; иногда бродящимъ въ толпѣ прислушиваясь молвѣ народной.

Но обращаясь открыто со всѣми, онъ того же требовалъ отъ всѣхъ для себя, и худо тому, кто вздумалъ бы въ разговорахъ или поступкахъ съ нимъ позволить себѣ малѣйшую ложь. « За признаніе прощеніе; « за ушайку, нѣтъ помилованія, » повсюду онъ часто ²⁵⁾; « лучше грѣхъ « явный, нежели тайный. »

Онъ любилъ правду, даже въ такихъ случаяхъ, когда она могла бы другому показаться оскорбительною, и радовался ²⁶⁾, слушая въ 1697 году въ Англійскомъ парламентѣ пренія оппозиціи и министровъ. « Усматривающій « вредъ и придумывающій добро, объя- « влять можешь мнѣ прямо безъ боя- « зни; полезное слушаешь я радъ и отъ

« послѣдняго; руки, ноги и языкъ не
 « скованы, а доступъ до меня свобо-
 « день. » Такъ говорилъ онъ не разъ
 своимъ приближеннымъ 27). « Князь
 « Яковъ въ Сенапѣ, » опзывался онъ
 о Долгорукомъ, « прямой помощникъ.
 « Онъ судитъ дѣльно и мнѣ не поща-
 « каешь; безъ краснобайства рѣжешь
 « прямо правду, не смотря на лице 28). »
 Случалось иногда, что въ пылу гнѣва,
 увлеченный пламеннымъ характеромъ,
 Петръ обнаруживалъ негодованіе про-
 ниву шѣхъ, которые безъ покрова оп-
 крывали ему истину; но за то какое
 раскаяніе показывалъ онъ послѣ, какъ
 щедро награждалъ потерпѣвшихъ въ
 такомъ случаѣ отъ его горячности?
 Я могъ бы насказать множество то-
 му примѣровъ; приведу одинъ: « Ты
 « хочешь истребить лихоимство, пи-
 « шешь указы, наказываешь корысто-

« любцевъ, а самъ берешь взятки, » говорилъ Петру Ив. Ив. Бушурлинъ 29), когда, ворошившись изъ вшораго путешествія по чужимъ краямъ, онъ повелѣлъ изслѣдовать неуспройства, случившіяся въ его ошсуществованіи. Государь весь измѣнился въ лицѣ. « Не гнѣвайся, а слушай далѣе, » продолжалъ Бушурлинъ: « Когда мы ѣхали черезъ « Тверь, мнѣ отвели квартиру въ домѣ какой-то купчихи. За столомъ « входилъ въ комнату шаросша и « пребуешь сша рублей въ счешъ суммы, которую городъ опредѣлилъ поднести тебѣ въ подарокъ. Не имѣя « денегъ, она просилъ подождать; но « шаросша настаиваетъ: или пошлась деньги, или въ шюрму. Она ошдаетъ съ себя жемчугъ; но онъ ошсается при своемъ шребованіи, и бѣдняжку вѣрно ошвели бы, когда бы я не

« ссудилъ ее своими. Вопъ шебѣ до-
« бровольной подарокъ. » — Петръ
обнялъ Бутурлина, обдарилъ его, ве-
лѣлъ возвращишь взяшья деньги и при-
нялъ мѣры, чтобъ впредь не случилось
болѣе подобныхъ безпорядковъ.

Во время своего пребыванія въ Пе-
тербургѣ, Царь жилъ лѣтомъ во двор-
цѣ Лѣшняго сада, зимою въ Зимнемъ,
находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ ны-
нѣ Эрмитажъ 30). Онъ ложился въ 10
часовъ, вставалъ лѣтомъ и зимою въ
три ушра, и ходилъ часъ по комнатамъ;
читалъ въ это время С. Петербург-
скія вѣдомости, которыми иногда самъ
держалъ корректуру, или пересматри-
валъ въ рукописи переводы книгъ, сдѣ-
ланные по его повелѣнію. Петръ зналъ
хорошо по Латынѣ, по Нѣмецки и по
Голландски, и понималъ Французскій
языкъ, хошя не могъ на немъ изъ-

ясняшься 31). Остерманъ и Паспоръ Глюкъ переводили съ Нѣмецкаго 32); Кононъ Зошовъ, Волковъ и Гарлицкій съ Французскаго; Шафировъ и Коніевичъ съ Голландскаго, а съ Лапынскаго также Коніевичъ и Новгородскіе монахи подъ руководствомъ Теофана Прокופовича. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣнною самимъ Государемъ. Въ 4 или 5 часовъ Петръ, безъ чаю и кофey, выпивъ рюмку анисовой водки, ошправлялся съ шросію въ одной и записною книжкою въ другой рукѣ, смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы, а послѣ того въ свой натуральный кабинетъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Смольный монастырь, или въ Адмиралтейство. Однажды назначилъ онъ вновь пріѣхавшему въ Пешербургъ Брандебургскому посланнику Фонъ Принцу

пріємную аудіенцію въ 4 часа утра 33). Аудіенція сія была вѣрно единственная въ своемъ родѣ. Посланникъ, не полагая, чтобъ Государь вставалъ такъ рано, думалъ, что не опоздаешь явившись во дворецъ въ пять; но уже не заспалъ Петра. Онъ былъ на верфи и работалъ на марсѣ какого-то военнаго корабля. Фонъ Принцъ, имѣвшій важныя порученія и не могшій вступитъ въ переговоры съ Рускими министрами, не видавъ Царя, принужденъ былъ опсправиться въ слѣдъ за нимъ въ адмиралтейство. « Пусть побезпокоишься взойти сюда, если не умѣлъ найти меня въ назначенный часъ въ аудіенцъ-залѣ, » сказалъ Петръ, когда ему доложили о пріѣздѣ. Посланникъ принужденъ былъ, по веревочной лѣстницѣ, взбираться на грошъ-мачшу, и Государь, сѣвъ на

бревню, принявъ отъ него вѣрющую грамашу и обыкновенныя при подобныхъ случаяхъ привѣтствія подь ошкрытымъ небомъ, на корабельномъ марсѣ.

Въ шесть или семь часовъ Петръ отпраплялся въ сенашъ или кошпоруу нибудь изъ коллегій и оставался тамъ до одиннадцати ³⁴⁾, слушалъ дѣла и споры сенашоровъ, излагалъ свои мнѣнія, надписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его при семь случаѣхъ достойна удивленія. Одинъ современный писатель ³⁵⁾ говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ бы сдѣлать въ чешыре. За то Государь умѣлъ и беречь время. Эшо примѣнно въ его разговорахъ, указахъ, писмахъ и во всемъ, что выходило изъ подъ его пера. Нигдѣ не найдете больше ясности и менѣ мно-

гословія. 16 Марша 1711 года ³⁶), отпра-
 вляясь въ Прутскій походъ, написалъ
 онъ о совершенно разныхъ предметахъ
 32 собственноручныхъ указа въ се-
 напъ, изъ коихъ ни одинъ не зани-
 малъ болѣе чепырехъ строкъ. Въ 11
 часовъ Петръ обыкновенно уходилъ
 изъ сената, при чемъ подносили ему
 рюмку анисовой водки и крендель ³⁷).
 Время до полудня назначено было для
 приѣма просишелей. Государь давалъ
 имъ аудіенцію въ средней галлерей
 лѣшняго сада, построенной на берегу
 Невы ³⁸), или въ хорошую погоду въ глав-
 ной аллеи. Туда могъ приходилъ вся-
 кій: и богатый и неимущій, и знап-
 ный вельможа и человѣкъ проспаго
 званія. Петръ отбиралъ у просише-
 лей прозбы, выслушивалъ ихъ жа-
 лобы и немедленно давалъ свои рѣ-
 шенія. Въ 12 часовъ вороша лѣшняго

сада запирались 39). Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ своемъ семействѣ. Чпобъ кушанья не просывали, споловая его была обыкновенно рядомъ съ кухнею; поварь передавалъ въ первую блюда прямо изъ печи, чрезъ окошечко, и всегда одно за другимъ, а не вмѣстѣ. Молодой радисъ, лимбургскій сыръ, шарелка шей, спудень, вешчина, каша и жареная ушка въ кисломъ соусѣ, копорый приправлялся лукомъ съ огурцами или солеными лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимымъ условіемъ его обѣдовъ 40). Мозельскія, венгерскія вина и вино эрмишажъ предпочиталъ онъ всѣмъ прочимъ. У прибора его клались всегда деревянная ложка, оправленная слоновою костью, ножикъ и вилка съ зелеными костяными черенками, и дежурному деньщику

вмѣнялось въ обязанность носить ихъ съ собою и класъ передъ Царемъ, если даже ему случалось обѣдать въ гостяхъ 41).

Петръ не перпѣлъ многочисленной услуги и вообще называлъ лакеевъ шпионами, копорые худо слышатъ, а еще хуже рассказываютъ слышанное 42). Дежурный деньщикъ служилъ Государю, Императрицѣ и Великимъ Княжнамъ. Онъ находился при Царѣ безотлучно днемъ и ночью; былъ довѣренною его особою и занималъ мѣсто камердинера, адъютанша, секретаря. Въ послѣдніе годы своего царствованія Петръ имѣлъ слѣдующихъ деньщиковъ 43): Афанасія и Алексѣя Тапищевыхъ, Ив. Мих. Орлова, Мурзина, Поспѣлова, Алекс. Борис. Бушурлина, любимца Имп. Елисаветы Петровны; Андрея Консп. Нартова, копорый училъ его

почишь; наконецъ Древника, взяшаго въ Гамбургъ, и Василя Нелюбохшова, кошорый прежде былъ придворнымъ иѣвчимъ. Для дальнихъ посылокъ употребляемы были Шемякинъ и Чебошаевъ, а для спальныхъ услугъ камердинеръ Полубояровъ. Государь столько любилъ деньщиковъ своихъ, что часто въ большихъ собраніяхъ, прервавъ важный разговоръ, обращался къ нимъ и шушилъ съ ними по цѣлымъ часамъ 44). Вообще Петръ былъ мало вдругъ, не былъ разборчивъ въ пищу, и не шертилъ причудъ въ другихъ. Такимъ образомъ онъ охотно поилъ тѣхъ, кои припворялись, что не могутъ употреблять вина; кормилъ сыромъ, и усприцами особъ, кошорымъ сіи кушанья были прошивны; и сколько любилъ щекопать боявшихся этого, что многіе припворялись таковыми,

жеманились и смѣялись отъ души, когда ихъ щекопали, чѣмъ только угодишь Государю 45). Онъ садился за столъ по нѣскольку разъ въ день, и если ему случалось заходить куда нибудь въ послѣ-обѣденное время, то хозяинъ вышелъ къ нему на встрѣчу, приводилъ его прямо въ комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ съ разными холодными кушаньями. Впрочемъ, пріемъ шакого рода дѣлался не для одного Царя, а былъ въ правахъ тогдашняго времени.

Ошкушавъ, Петръ обыкновенно читалъ Голландскія газеты и дѣлалъ на поляхъ замѣчанія карандашомъ, съ означеніемъ, что должно переводить въ С. П. бургскія вѣдомости 46); пошомъ уходилъ на свою яхту, стоявшую передъ дворцемъ, ложился шупъ и ошдыхалъ часъ или

два. Иногда, во время торжественныхъ обѣдовъ онъ для эшого вспаваль изъ застола, приказавъ однакожь гостямъ не расходиться прежде его возвращенія 47). Въ чепыре часа уходиль онъ въ шокарную или въ кабинетъ: сюда приходили къ нему по дѣламъ 48) канцлеръ графъ Головкинъ, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ и Т. С. Осшерманъ, генераль-прокуроръ Ягушинскій, генераль-фельдцейгмейстеръ графъ Брюсъ, графъ П. А. Толстой, сенаторъ князь Я. Ѳ. Долгорукій, князь Меншиковъ, генераль-полицмейстеръ Девиеръ, или другой кто нибудь изъ его министровъ. Одни только князь Ромодановскій и фельдмаршалъ Шеремешевъ могли входить безъ доклада; ихъ однихъ Государь всегда провожалъ до двери своего кабинета; всѣ прочіе, даже сама Императрица

Екатерина Алексѣевна, должны были напередъ сказаться 49.) Окончивъ дѣла государственныя, Пётръ развертывалъ свою записную книжку, въ которой опмѣчалъ все, что ему приходило въ шопъ день на мысль, и, удостовѣрившись, что все означенное въ ней исполнено, остальное время дня посвящалъ собственнымъ занятіямъ.

Ничто не поселишь въ васъ столько уваженія къ памяти Петра, сколько сіи занятія, предпринимаемыя безъ свидѣтелей, или иногда въ мирномъ кругу немногихъ, искренно преданныхъ Царю особъ, раздѣлявшихъ съ нимъ его шруды. По дѣятельности Петра, по его любви ко всему полезному вы можете судить сколько занятія сіи были разнообразны: но не смотря на это разнообразіе, всѣ имѣли одну, постоянную, неизмѣнную

цѣль. Хошишли знать ея? — « Тру-
 « дисься надобно, брашець, » говорилъ
 ПЕТРЪ ИВ. ИВ. Неплюеву, когда опре-
 дѣлялъ его лейпенапомъ во флотъ ⁵⁰),
 « я и Царь вашъ, а у меня на рукахъ мозо-
 « ли, а все для того, чтобъ показашъ
 « вамъ примѣръ, и хопябъ подъ спаросить
 « увидѣшь мнѣ доспонныхъ изъ васъ
 « помощниковъ и слугъ опечесшву. »

Площадь, извѣстная нынѣ подъ име-
 немъ Царицына луга, усажена была
 во время ПЕТРА деревьями въ нѣ-
 сколько аллей ⁵¹). Между деревьями раз-
 бросаны были небольшіе домики съ
 шесовыми крышками, принадлежав-
 шіе собственно ПЕТРУ. Въ одномъ
 изъ нихъ содержался слонъ и два льва,
 привезенные въ Пешербургъ въ 1714
 году изъ Персіи шамошнимъ нашимъ
 посланникомъ Волынскимъ; въ дру-
 гомъ поставленъ былъ славный Голш-

торпскій глобусъ, имѣвшій до 14 футовъ въ діаметръ и подаренный Петру Первому въ 1715 году правителемъ герцогства Голштинскаго; въ шрепш-емъ домикъ находились математическіе инструменшы, нѣсколько минераловъ, небольшой физическій и анатомическій кабинеты. Тупъ въ одномъ углу стоялъ шокарный спанокъ; въ другомъ лежали мѣдныя доски съ приборомъ для рѣзанія на мѣди и гравированія; въ шрепшемъ модели различныхъ машинъ; на полу разбросаны были орудія, необходимыя для плотника, шполяра, слесаря. Здѣсь, послѣ краткаго отдохновенія отъ дневныхъ шрудовъ, Государь проводилъ почти ежедневно по нѣскольку часовъ за работою.

Море было любимую спихією Петра. Одинъ Голландскій шхиперъ сказалъ ему 52), когда Государь объявилъ, что

предпринимаетъ кашанья по Невѣ, чшобы не забышь морскихъ эволюцій : « нѣтъ, Царь, пы не забудешь, я чаю пы и во снѣ командуешь фло-помъ. » Всѣ его дворцы въ Пешербургѣ и окрестностяхъ, или посшроены на морскомъ берегу или окружены каналами, надѣ копорыми онѣ часшю самѣ прудился. Онѣ ушвер-ждалъ, чшо морской воздухъ естѣ луч-шее для него лѣкарство опѣ болѣз-ней, и если случалось ему занемогашъ въ приморскомъ городѣ, шо приказывалъ переносить себя на одно изъ судовъ, споявшихъ въ гавани. Въ Пешергофѣ, онѣ говаривалъ, чшо ему душно во дворцѣ и въ садахъ, и всегда ночевалъ въ Монплефирѣ, омы-ваемомъ водами Финскаго залива. До-микъ сей, посшроенный на Голланд-скій образецъ, напоминалъ ему время

его молодости, его воспитанія: на стѣнахъ развѣшены были каршины, работы Адама Сило, учителя его въ теоріи кораблестроенія; онѣ представляли виды Голландскихъ приморскихъ городовъ, и между прочимъ на одной изображенъ былъ самъ Царь на верфи Остѣ-Индской компаніи въ Амстердамѣ. Движимый сею страстію къ морю, Пётръ всегда присушествовалъ при спускахъ кораблей, проводилъ по нѣскольку часовъ съ зрительною трубою въ Монплезира или въ Екашерингофскомъ *подзорномъ* дворцѣ, ожидая прибытія купеческихъ судовъ къ Пешербургу; выѣзжалъ на встрѣчу шѣмъ, которые приходили къ Кронштапу, и самъ, какъ искусный лоцманъ, вводилъ ихъ въ гавань, за что получалъ отъ хозяевъ по шалеру или по кронѣ 54). Онъ позволялъ иноземнымъ шхице-

рамъ свободный къ себѣ доступъ; охотно слушалъ рассказы объ ихъ путешествіяхъ, объ опасностяхъ плаванія по Балтійскому морю ⁵⁵), и не разъ, за кружкою вина, съ глиняною трубкою въ зубахъ, проводилъ цѣлые вечера въ таковыхъ бесѣдахъ. Долго находившись въ Голландіи, Государь свелъ тамъ знакомство со многими корабельщиками: они привозили ему въ подарокъ сыръ, Императрицѣ платно, и пряники для малолѣтнихъ Великихъ Князей Петра Петровича и Петра Алексѣевича. Царь съ своей стороны заботился о томъ, чѣмъ имъ въ Пешербургѣ доставить все возможное удовольствіе.

Занимаясь упрямъ на адмиралтейской верфи пракшикою кораблестроенія, онъ вечеромъ трудился надъ теоріею: перечислялъ съ капишанъ-

лейтенантомъ Мухановымъ составленныя симъ послѣднимъ правила навигаціи; черпиль на бумагѣ изображенія различныхъ судовъ; сравнивалъ ихъ размѣры; вычислялъ степень сопротивленія воды и степень глубины, потребной для разнаго рода кораблей. **Ө. А. Мухановъ** учился въ чужихъ краяхъ вмѣстѣ съ **Петромъ** мореходному искусству и столько успѣлъ въ ономъ что прозванъ былъ Рускимъ Голландцемъ. **Петръ** говаривалъ, что онъ лучше понимаетъ оснастку корабля; но въ наукахъ, которыя нужны для моряка, уступаетъ преимуществу **Өедору**. Однажды, когда они перечисывали вмѣстѣ навигацію сего послѣдняго, вышелъ у нихъ споръ, который положено было рѣшить на морѣ. **Мухановъ** командовалъ 50 пушечнымъ фрегатомъ **Арондель**. Въ назначенный

для состязанія день приглашены были на корабль всѣ флагманы и нѣкошорые значнѣйшіе вельможи. Рускій Голландецъ одержалъ верхъ, и Петръ въ благодарность подарилъ корабль образомъ Спаса, а въ память того, что ночевалъ въ шопъ день въ каютѣ Муханова, ошдалъ ему съ себя рубашку⁵⁶).

Изученіе мореходнаго искусства ознакомило Царя съ астрономією, механикою и архитектурою. Онъ учился первой изъ сихъ наукъ въ 1697, у извѣстнаго Роттердамскаго астронома Гарпзукера, и для наблюденій приказалъ себѣ выстроитъ небольшую обсерваторію на городскомъ валу въ Амстердамѣ. Въ Пешербургѣ Государь весьма часто проводилъ по нѣскольку часовъ вмѣстѣ съ графомъ Яковомъ Вилимовичемъ Брюсомъ въ Готторпскомъ глобусѣ, разсмащривая обращеніе

небесныхъ свѣтилъ, изображенныхъ на
внутреннихъ онаго спѣнахъ. Въ 1715
году 57), по случаю солнечнаго за-
шмѣнія, онъ для предупрежденія всякихъ
полковъ, за мѣсяць до зашмѣнія, из-
далъ объ эшомъ указъ; построилъ надъ
домикомъ, гдѣ былъ глобусъ observa-
торію, и въ день зашмѣнія, приказавъ
собраться на Царицынъ лугъ сенату,
членамъ коллегій, канцелярскимъ слу-
жителямъ и особенно духовенству,
проселъ шуть цѣлый день, подводя каж-
даго къ шрубѣ для наблюденій и объ-
ясняя причины видѣннаго явленія.

Искусный въ корабельной и въ во-
енной архитектурѣ, Петръ имѣлъ такъ-
же понятіе о гражданской. Почитаю
излишнимъ говорить, сколь много спо-
собствовалъ онъ приращенію Петер-
бурга, имъ самимъ основаннаго. Самъ
составлялъ и чертилъ планы строи-

мыхъ шуть домовъ ; любилъ, когда его приглашали къ закладкѣ оныхъ, и съчиснымъ, душевнымъ удовольствіемъ осушалъ задравные кубки въ честь хозяина и архипекшора, обыкновенно испиваемые въ такихъ случаяхъ.

Механика была одною изъ любимыхъ наукъ Петра. Онъ практически занимался ею въ Амстердамѣ у знаменитаго Фанъ - деръ - Гейдена ⁵⁸); шрудился у него надъ дѣланіемъ часовъ и въ знакъ признательности оставилъ ему нѣсколько моделей своей работы. Вообще онъ былъ самый послушный и поняшливый ученикъ, безъ ропота исполнялъ самыя шрудныя порученія, переносилъ строгіе выговоры. Вотъ потому доказательство. Герцогу Марльбургу, находившемуся въ Голландіи въ 1697 году, хотѣлось видѣть Петра. Онъ пріѣхалъ нарочно изъ Ло въ Ам-

спердамъ и явился для этого къ хозяину, у котораго Царь былъ въ учении 59). Домъ сего мастера находился на берегу залива Эй: передъ окнами между плотниками работалъ Петръ. « Я назову его по имени, » сказалъ мастеръ Марльборугу, « онъ оборотится и вы успеете свободнѣе разсмотрѣть его. » Въ это время нѣсколько человѣкъ пронесли на плечахъ большое бревно. « Петръ изъ Заандама, « чтожь ты зѣваешь? поди помогать « другимъ, » продолжалъ мастеръ обращаясь къ Царю. Государь шопчасъ вспалъ, бросилъ шопоръ, и подспавивъ плечо свое подъ бревно, перенесъ его съ другими въ надлежащее мѣсто. Въ другой разъ въ Заандамѣ въ сентябрѣ того же года 60) случилось ему проходить мимо пильной мельницы. Петру показалось, что она дѣйств-

вуеть медлѣнно; онъ хотѣлъ что-то въ ней поправишь: но опъ того ли, что забылъ опустить щипы и пѣмъ остано-
новишь воду, или что захотѣлъ сдѣ-
лать это слишкомъ поспѣшно, чуть
было не испортилъ колесъ и самъ не
попалъ подъ оныя. « Лучше бы тебѣ
« оставаться въ своей Московіи, не-
« жели пріѣзжать сюда мѣшаться не
« въ свое дѣло и причиняшь убытокъ
« честнымъ людямъ, » сказалъ ему по-
доспѣвшій хозяинъ мельницы. Царь, не
отвѣчавъ ни слова, ушелъ съ пошуп-
леннымъ взоромъ; но черезъ нѣсколь-
ко дней прислалъ мельнику богатый
подарокъ съ прозьбою бытъ къ нему
впередъ снисходительнѣе.

Анапомія, медицина, а особенно
хирургія и натуральная исторія также
занимали досуги Петра. Онъ слушалъ
курсъ въ первой изъ сихъ наукъ въ

Амстердамъ въ 1697 году у извѣстнаго своею ученостію профессора Рюйша⁶¹); для избѣжанія толпы любопытныхъ, собиравшихся на городскихъ улицахъ, чѣмъ видѣть его, нанялъ для себя комнашу въ гостинницѣ Св. Петра, рядомъ съ домомъ профессора, и приказалъ на свой счетъ сдѣлать между ними двумя зданіями коридоръ, слѣды коего до сихъ поръ еще видны. Онъ купилъ у Рюйша его анатомическій кабинетъ, который вмѣстѣ съ собраніемъ аптекаря Себа составилъ собственный его кабинетъ натуральной исторіи (нынѣшній музей Императорской академіи наукъ): раза два или три въ недѣлю Петръ посѣщалъ оный, пополняя шѣлами уродовъ, разными живошными и растѣніями, изъ коихъ нѣкоторые находилъ самъ, и всегда присутствовалъ при анато-

мическихъ операціяхъ, дѣланныхъ въ его время въ Пешербургѣ.

Любовь Петра къ хирургіи была слѣдствіемъ познаній въ анапоміи. Однажды, гуляя по масляному рынку въ Амстердамѣ, въ 1697 году, остановился онъ у лавки одного шарлапана, который дошелъ до такого совершенства, что рвалъ зубы ручкою чайной ложки, концемъ шпаги, и т. п. Государь призывалъ его къ себѣ ⁶²), велѣлъ ему повторить опыты своего искусства, и послѣ нѣсколькихъ уроковъ, не уступалъ уже своему училелю. Уроки сіи бралъ онъ въ шпактиръ подъ выѣскою слона, на площади маслянаго рынка, и вмѣсто того, чтобъ получать по грошу съ пѣхъ, которые приходили къ нему рвать себѣ зубы, какъ это обыкновенно дѣлалось, онъ самъ плашилъ ихъ по шиллингу. Еще и теперь

хранился въ музеумъ Императорской академіи наукъ цѣлый мѣшокъ зубовъ, вырванныхъ самимъ Государемъ.

Во второе путешествіе свое по Голландіи, Пётръ свелъ знакомство съ Боэргавомъ, который тогда былъ ректоромъ Лейденскаго университета, и почерпалъ отъ него новыя свѣденія въ медицинѣ и ботаникѣ: гербарій Петра существуетъ до сихъ поръ ⁶³⁾: при каждомъ распѣніи Государь опмѣчалъ собственноручно день, въ который оно имъ сорвано, и мѣсто, гдѣ найдено. Онъ всегда носилъ въ карманахъ два флушяра ⁶⁴⁾, одинъ съ математическими, другой съ хирургическими инструментами. Кромѣ того что рвалъ зубы, онъ пускалъ кровь и даже въ 1723 году произвелъ операцію надъ женою Голландскаго купца Борста ⁶⁵⁾, которая спрала водяною болѣзнію. Когда случа-

лось въ госпиталѣхъ опрѣзывать кому нибудь руку или ногу, онъ всегда при этомъ присушествовалъ и самъ перевязывалъ раны спраждущимъ.

Но я никогда не кончилъ бы, если бы захошѣлъ исчислять всѣ роды упражненій Императора Петра I, если бы вздумалъ подробно рассказывать какъ онъ шкалъ въ Упрехтѣ на фабрикахъ Моллема полошно, ковалъ желѣзо на заводѣ Миллера не подалеку отъ Ишпечкихъ минеральныхъ водъ и бралъ за пудъ по алтыну; какъ работалъ у разныхъ слесарей, стекольщиковъ, и ш. п. Довольно если скажу, что не было науки, не было ремесла, копорыми бы онъ не занимался, или по крайней мѣрѣ, о коихъ не имѣлъ бы яснаго понятія. Здѣсь упомяну еще о занятіяхъ, копорымъ онъ особенно посвящалъ свои досуги въ послѣдніе годы своей жизни,

а именно, о токарномъ искусствѣ и о вырѣзываніи на мѣди.

Токарное искусство любилъ онъ столько, что въ каждомъ изъ дворцовъ своихъ имѣлъ особенную комнапу съ токарнымъ станкомъ и даже возилъ его съ собою въ дорогѣ. Токарную комнапу Государь называлъ мѣстомъ отдыха, и, чпобъ избавишься отъ беспокойныхъ посѣпшителей, прибилъ къ дверямъ слѣдующую собственноручную надпись: *кому не приказано, или кто не позванъ, да не входитъ сюда, не токмо посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы хозяинъ хотя сіе мѣсто имѣлъ покойное* ⁶⁶), Здѣсь производились всѣ государственныя пайны; здѣсь, вручая инспрукціи отправляемымъ за границу посламъ, Петръ давалъ имъ прощальный поцѣлуй въ голову; здѣсь изливаль онъ

милости на достойныхъ и хозяйски наказывалъ виновныхъ. Если случалось кому нибудь изъ знатнѣйшихъ вельможъ пропустить въ важномъ дѣлѣ, а особенно въ лихоимствѣ, онъ, выславъ всѣхъ изъ комнаты, призывалъ его къ себѣ, запиралъ двери и наказывалъ дубинкою изъ своихъ рукъ, говоря, что поступаетъ въ семъ случаѣ не какъ Императоръ съ подданными, а какъ отецъ съ дѣтьми, кошорыхъ надобно исправлять. Никто не зналъ никогда о семъ исправленіи: потерпѣвшій наказаніе выходилъ изъ шокарной съ веселымъ лицомъ, и Государь, кошорый вовсе не былъ злопамятенъ, чшобъ не дасть постороннимъ примѣшить происходившаго, или провожалъ исправленнаго до двери, или приглашалъ его къ себѣ, или самъ отправлялся къ нему посидѣть, и обходился съ

нимъ, какъ будто бы ничего не бывало. Петръ работалъ за токарнымъ станкомъ всегда почти подъ надзоромъ мастера Андрея Нарпова, котораго любилъ чрезвычайно. Онъ оставилъ попомству драгоценные плоды своихъ трудовъ. Большая часть вещей, выпеченныхъ имъ изъ кости, заключается въ паникадилахъ или другихъ предметахъ, служащихъ къ украшенію храмовъ Божіихъ. Особенно любилъ онъ трудиться надъ изображеніемъ святыя Екашерины, котораго до насъ дошло слишкомъ десять экземпляровъ.

Предметы для вырѣзыванія на мѣди были совсѣмъ другаго рода. Государь изображалъ на оной достопамятные случаи своего царствованія. Вообще Петръ чувствовалъ цѣну великихъ дѣлъ своихъ, и гордился ими, пошому

что видѣлъ въ нихъ благо Россіи. Онъ охотно говорилъ о своихъ походахъ, о сраженіяхъ, въ кошорыхъ участвовалъ; охотно рассказывалъ объ опасностяхъ, кошорымъ подвергался на сушѣ и на морѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся о томъ времени, когда онъ въ 1716 году командовалъ на Балтійскомъ морѣ флотами чешырехъ державъ: Англійскимъ, Голландскимъ, Дашскимъ и Россійскимъ. Обыкновенно былъ онъ молчаливъ, говорилъ опривисшо, изъяснялся корешко; тушь румянецъ выступалъ на блѣдное лице, въ глазахъ блистали радостныя слезы; слова лились рѣкою, и одна мысль быспро смѣняла другую. Съ какимъ жаромъ описывалъ онъ выгоды, кошорыхъ ожидалъ отъ учрежденія 12 коллегій, мечты о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ

просвѣщенія, насаждаемаго имъ въ Россіи! Какъ сильно опровергаль пристрастные сужденія иностранцевъ, называвшихъ его жестокимъ, шираномъ, варваромъ! Онъ любилъ изображать себя въ видѣ каменщика, обтесывающаго молотомъ обрубокъ мрамора, до половины обдѣланный, или кормщика, проводшаго чолнъ чрезъ бурю и уже близкаго къ благополучной пристани, цѣли постоянныхъ его трудовъ и пламенныхъ желаній. Самъ изобрѣталъ и вырѣзывалъ большую часть медалей, при немъ вычеканенныхъ, и всегда составлялъ прозрачныя картины фейерверковъ, которыми оканчивалъ свои праздники. Картины сіи относились къ полипическимъ происшествіямъ того времени, изображали въ иносказательномъ видѣ или побѣды Россійскаго оружія, или

успѣхи Рускихъ въ просвѣщеніи и
гражданской образованности.

Я представилъ одного Петра: въ
другое время постараюсь показать
нѣкоторыя черты его семейственной
жизни.

ОБЪ УВЕСЕЛЕНІЯХЪ РУСКАГО ДВОРА ПРИ ПЕТРѢ І.

Вѣкъ Петра І есть одна изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ исторіи нашихъ нравовъ. Царствованіе его представляеть странную борьбу между обыкновеніями, освященными временемъ, и обычаями прививными, вывезенными изъ за - моря; смѣсь прежнихъ полуазіатскихъ обыкновеній, со вновь вводимыми полуевропейскими. Въ доказательство опишу тогдашнія увеселенія Рускаго двора, имѣвшія непосредственное вліяніе на начало и забавы нашихъ обществъ.

Свѣтскія общества, въ которыхъ участвовали мужчины и женщины,

начались при Петрѣ Великомъ. Государь ввелъ оныя, справедливо полагая, что ничто болѣе обращенія съ женщинами не можетъ благопріятствовать развитію нравственныхъ способностей Рускаго народа. Чшобъ сблизить всѣ состоянія, дворъ давалъ праздники, учреждалъ гулянья, маскарады. Торжественные дни и воспоминанія о побѣдахъ, которыя были часты въ блистательное царствованіе Петра, не рѣдко подавали къ шому поводъ. Въ шо время указами предписываемо было участвовать въ забавахъ двора, и шакимъ образомъ жишли столицы съѣзжались часто, ибо одна шолько болѣзнь извиняла отсутствующихъ.

Придворные праздники дѣлились на лѣтніе и зимніе. Первые давались въ царскомъ и царицыномъ саду (нынѣ

шіе лѣшніе — верхній и нижній); послѣдніе сперва въ царской австеріи или гостинницѣ, которая находилась у самаго канала, окружающаго Петропавловскую крѣпость, подлѣ ворощъ, не подалеку отъ Троицкаго собора; потомъ въ сенапѣ на Петербургской сторонѣ, или на почтовомъ дворѣ (тамъ, гдѣ нынѣ Мраморный дворецъ). Иногда сзывали гостей барабаннымъ боемъ или афишками; иногда, послѣ обѣдни въ соборѣ Св. Троицы, желтый флагъ съ изображеніемъ двуглаваго орла, держащаго въ когтяхъ чепуре моря (Бѣлое, Балтійское, Черное и Каспійское), выставленный на одномъ изъ бастіоновъ Петропавловской крѣпости, и пушечные выстрѣлы, возвѣщали жителямъ столицы, что должно собираться послѣ обѣда въ садъ. Чиновныя особы, дворяне,

канцелярскіе служители, корабельные мастера и даже иностранные мастера, имѣли право приходить сюда съ женами и дѣтьми. Въ 5 часовъ по полудни являлись въ садъ Государь и вся Императорская фамилія. Въ то время, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находишься рѣшетка сада, построены были три галлерей: посѣщители прѣзжали къ саду въ лодкахъ, и привязавъ оныя къ кольямъ на берегу Невы, взбирались по узкой пропикѣ къ средней галлерей. Тутъ Государыня и Великія Княжны, держась спариннаго обыкновенія, какъ хозяйки сада, подносили знашнѣйшимъ изъ гостей по чаркѣ водки или по кружкѣ вина. Императоръ же, черпая большими деревянными ковшами изъ ушаповъ, несомыхъ за нимъ двумя гренадерами, угощалъ такимъ образомъ гвардію, полки Преображенскій

и Семеновскій, которые строились на Царицыномъ лугу. Прочимъ постьпшителямъ предоставлено было самимъ черпать изъ бочекъ съ пивомъ, водкою и винами, кошорыя стояли въ сторонѣ отъ главныхъ аллей. Послѣ того каждый могъ забавляться по произволу. Одни гуляли по саду; другіе оспавались въ галлерейхъ, гдѣ былъ пригошовленъ полдникъ, въ средней галлерей сахарныя закуски для дамъ, въ боковыхъ холодныя блюда для мужчинъ. Иные сажались въ разныхъ углахъ сада за круглыя столики, на кошорыхъ находились прубки съ пабакомъ и деревянными спичками, или бупылки съ винами. Болѣе всего замѣчательны господствовавшія на сихъ праздникахъ непринужденность и проспоша въ обращеніи, опличительныя чершты обществъ во время Петра I.

Казалось всё были заняты однимъ желаніемъ веселиться и забывали о различіи состояній. Самъ Государь, отбросивъ весь этикетъ, обходился со всѣми, какъ съ равными: иногда, сидя съ трубкою за столомъ съ мажорсами, въ главной аллеѣ, на второй площадкѣ отъ Невы, у большаго фоншана, говорилъ онъ о трудностяхъ морской службы, или ходя съ нѣкоторыми подъ руку по длиннымъ аллеямъ сада, рассказывалъ о своихъ походахъ. Въ другое время разсуждалъ о богословскихъ предметахъ съ духовными, собиравшимися въ дубовой рощѣ подлѣ дворца, или велъ переговоры съ иностранными министрами. Съ наступленіемъ вечера, садъ освѣщался. Начинались танцы въ аллеяхъ, или въ дождливое время, въ гаммереяхъ сада. Праздникъ оканчи-

вался фейерверкомъ, или, какъ сіе тогда называли, *огненною потѣхою*, зажигаемою на судахъ, расположенныхъ на Невѣ. Тутъ, между прочимъ, горѣли всякій разъ прозрачныя картины съ аллегорическими изображеніями, приличными предмету празднуемаго торжества. Во все время праздника ворота сада были закрыты; никто не смѣлъ уйши отъ онаго прежде Государя, безъ особеннаго на то позволенія.

Главныхъ побѣдныхъ праздниковъ было четыре: 27 іюня въ память Полтавской битвы, 9 августа въ воспоминаніе взятія Нарвы, 28 сентября въ память сраженія подъ Лѣснымъ, и наконецъ 18 октября, въ который торжествовали побѣду подъ Калишемъ. Здѣсь упомяну о двухъ, болѣе достойныхъ вниманія: объ одномъ, который

данъ былъ 27 іюня 1721 года въ воспоминаніе Полшавской побѣды, и другомъ, по случаю заключеннаго въ Нейштатѣ мира. Въ первый служили молебень въ открытой палаткѣ, предъ соборомъ Св. Троицы. У входа палатки стоялъ Государь съ эспоншономъ въ одной и проспрѣленной шляпою въ другой рукѣ, и въ томъ же плащѣ, кошорое носилъ во время сраженія: въ зеленомъ мундирѣ съ небольшими красными обшлагами и старою лядункою чрезъ плечо, и въ зеленыхъ чулкахъ съ башмаками на высокихъ каблукахъ; позади находились подполковники гвардіи: фельдмаршалъ князь Меншиковъ и генераль - лейтенантъ Бутурлинъ. Императрица съ Царицею Прасковьею Ѳедоровною и придворными дамами расположилась въ близлежащемъ домѣ на балконѣ. Во весь день

производилась пушечная пальба съ помоща сего царскаго фрегата, с появившаго на Невѣ противъ лѣшняго сада. Въ вечеру послѣ гулянья и танцевъ въ сѣмъ саду, данъ былъ фейерверкъ, въ копоромъ аллегорическія картины изображали успѣхи Рускаго оружія противъ Шведовъ.

Праздники 5 сентября и 22 октябрю 1721 года, данные въ С. Петербургѣ, по случаю Нейштапскаго мира, отличались необыкновеннымъ великолѣпіемъ. При полученіи о сѣмъ извѣстія, герольды въ рыцарскомъ одѣянн сѣ бѣлыми перевязями черезъ плечо и бѣлыми знаменами, на копорыхъ изображена была увѣнчанная лаврами масличная вѣтвь, и музыканты сѣ лишаврами и трубами, возвѣщали на всѣхъ улицахъ ошъ утра до вечера о пред-

стоящемъ торжествѣ. Въ день праздника собрались въ соборъ Св. Троицы Царь со всею фамиліею и знатнѣйшіе чины; кругомъ церкви выспрое-ны были находившіеся въ Петербургъ полки, а за ними толпился во множествѣ народъ. Когда кончилась обѣдня, Петръ въ Преображенскомъ мундирѣ съ Андреевскою лентою чрезъ плечо, взошелъ на высокій помостъ передъ церковію, снялъ шляпу, и поклонившись народу, произнесъ громкимъ голосомъ: «Здравствуйте пра-
« вославные! благодарите Бога. Онъ
« кончилъ шрудную войну, продолжав-
« шуюся 21 годъ и даровалъ намъ со
« Швеціею вѣчный миръ.» За симъ, велѣвъ подать себѣ ковшъ вина изъ большихъ кадей, которыя стояли передъ помостомъ, и повторивъ:
«Здравствуйте любезные! да помо-

« жещь намь Богъ подь сѣнію мира
 « шрудисься для пользы и прибышка
 « вашего и облегчить тягости, поне-
 « сенныя вами въ войнѣ; здравствуй-
 « те, » выпилъ за здоровье народа.

Громкія восклицанія признашель-
 ныхъ Россіянъ служили опвѣстомъ
 Монарху, который весь шопть день
 провелъ на Троицкой площади, уча-
 ствуя въ народныхъ увеселеніяхъ,
 и опшложивъ торжество мира до 22
 окшября. Въ сей день, по оплѣтїи
 божественной литургїи, также въ
 Троицкомъ соборѣ, прочтена была ра-
 тификація мирнаго договора съ Шве-
 дією. Теофанъ произнесъ слово, въ
 кошоромъ исчисливъ всѣ дѣла Петро-
 вы, его военные подвиги и граждан-
 скія добродѣтели, приглашалъ народъ
 увѣковѣчить достопамятный шопть
 день, изъявивъ Монарху должную при-

знашельность. По слову Архипасшы-
ря главѣйшее духовенство, сенать
и знатнѣйшее дворянство, приблизи-
лись къ Петру. Канцлеръ графъ Га-
врила Ивановичъ Головкинъ, какъ
сшаршій, выступилъ впередъ, благода-
рилъ Петра отъ имени всѣхъ под-
данныхъ за дарованное имъ Россіи про-
свѣщеніе, за распространеніе ея вла-
дѣній, за силу и богатство, которымъ
онъ положилъ начало, и заключилъ
прозьбою всѣхъ, чшобъ онъ принялъ
названіе Петра Великаго, Отца оте-
чества, Императора Всероссійскаго,
*дабы потомки не упрекали насъ въ
равнодушій къ великимъ подвигамъ
ПЕТРА.* Едва онъ кончилъ, какъ
громкія восклицанія народа внутри и
внѣ церкви, ура! вивать! да здрав-
ствуетъ Императоръ Петръ! раздались
въ воздухъ. Звуки трубъ и лишавровъ,

барабанный бой, пальба съ адмирал-шейства, крѣпости и 125 галеръ, стоявшихъ на Невѣ, и выстрѣлы 23 полковъ, расположенныхъ на Троицкой площади, какъ будто освящали желание народа.

По окончаніи шоржества, дворъ, иностранные министры и всѣ знашійшія особы обоого пола оправились въ домъ сената. Мужчины были въ праздничныхъ кафтанахъ, дамы въ плащяхъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ, съ великолѣпными головными уборами. Одна только вдовствующая Царица Прасковья, супруга Іоанна Алексѣевича, сохраняла право одѣваться по старинному обыкновенію, т. е., въ черной бархатной шубейкѣ съ мѣховою шапкою на головѣ. Послѣ пышнаго стола, который былъ накрытъ на 1000 кувершовъ, раздавались

золотыя медали, выбитыя по случаю мира изъ Рускаго золота. Праздникъ кончился танцами, за коими послѣдовалъ великолѣпный фейерверкъ. Между прочимъ представлялся шуть храмъ Януса, освѣщенный 20.000 разноцвѣтныхъ огней, и два воина, которые, зашворивъ врага онаго, подали другъ другу руки въ знакъ примиренія. За храмомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, видны были на волнахъ синѣющаго моря корабли, надъ коими лешалъ голубь съ маслячною вѣшью, а впереди на высокихъ подмосткахъ, лежали для народа жареные быки съ позлащенными рогами; по сторонамъ били фоншаны бѣлаго и краснаго вина.

Въ орденскіе кавалерскіе праздники, одинъ изъ кавалеровъ (обыкновенно Меншиковъ) давалъ обѣдъ; всѣ

же другіе угощали другъ друга тремя кружками вина: одну выпивали за благоденствіе флота и войска, другую за здоровье всѣхъ кавалеровъ, третью за здоровье хозяина. Число кавалеровъ въ сиполицѣ опредѣляло число кубковъ, осушенныхъ ими въ таковые дни.

Любимою забавою Петра было кашанье въ лодкахъ. Кашанья дѣлились на лѣтнія и зимнія, на общія и частныя. Извѣстно, что въ Петербургѣ во все время царствованія Петра не было на Невѣ мостовъ. Государь роздалъ всѣмъ для переправы суда, написавъ собственноручно инструкцію для управленія оными. Первокласнымъ вельможамъ подарено было по яхтѣ, по буеру и по двѣ шлюпки, одной въ 12, другой въ 4 весла. Прочимъ изъ жителей менѣе, смотря по чинамъ. Каждый

хозяинъ обязанъ былъ содержать суда
 свои въ цѣлости и отвѣчалъ за нихъ.
 Въ назначенный для капанья день, вы-
 ставляли въ четырехъ концахъ горо-
 да флаги: всѣ суда, подъ опасеніемъ
 значительнаго штрафа, должны были
 собраться близъ Петропавловской крѣ-
 пости у австеріи 4 фрегатовъ, не
 подалеку отъ Троицкаго моста. По
 пушечному выстрѣлу флотилія сія вы-
 ступала въ походъ. Адмиралъ Апраксинъ
 открывалъ шествіе съ своею яхтою,
 имѣвшею для отличія красный съ бѣ-
 лымъ флагъ. Никто не смѣлъ опе-
 редить его или уѣхать безъ его поз-
 воленія. Потомъ слѣдовала Император-
 ская шлюпка, гдѣ находились Госуда-
 рыня и Великія Княжны, а рулемъ пра-
 вилъ самъ Петръ, одѣтый въ бѣлое
 матросское платье; а за сею шлюпкою
 прочія безъ разбора. На нѣкоторыхъ

лодкахъ спавились качели; лодки сіи должны были подъѣзжать къ гуляющимъ, спрашивая нѣтъ ли желающихъ позавѣдаться. Знапные возли съ собою музыку. Сіе множесиво судовъ, спройно слѣдовавшихъ одно за другимъ, изъ коихъ нѣкопоры были вызолочены, украшены рѣзбою и внутри обиты краснымъ или зеленымъ бархашомъ, съ широкими золошыми позуменшами по краямъ; согласныя усилія гребцовъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, и звуки трубъ, литавровъ и валторнъ, далеко раздававшіеся по волнамъ, очаровывали зрѣніе и слухъ.

Капанья обыкновенно оканчивались у загородныхъ дворцовъ Екашерингофа и Спрѣльны. Тамъ всякій разъ готовы уже были закуски; гуляющіе, вышедъ на берегъ, полдничали, ходили по рощамъ и съ наступленіемъ вечера

возвращались въ городъ въ томъ же порядкѣ. Иногда предпринимались дальнѣйшія поѣздки, т. е., въ Пешергофъ, Ораніенбаумъ, принадлежавшій князю Меншикову, въ Кронштадтъ и даже въ Ревель. Безпрестанная пальба съ судовъ и громъ музыки оглашали воздухъ во время пуги. Иногда сіи забавы имѣли непріятныя слѣдствія. Не говоря уже, что многія дамы долго не могли пріучиться къ плаванію въ открытомъ морѣ, неумѣніе управлять судами во время бури приводило въ страхъ и часто подвергало опасности гуляющихъ. Подобный случай былъ 21 мая 1714 года. Въ то время пріѣзжалъ въ Пешербургъ посланникъ Бухарскаго хана Гаджи-Могамедъ-Багадиръ. Царь пригласилъ его принять участіе въ предполагаемомъ путешествіи въ Кронштадтъ. По неопытности

капишана, шнява, на которой находился посланникъ, канцлеръ графъ Головкинъ и нѣсколько сенапоровъ, попала между мѣлей. Пока было тихо, опасность была не велика; но къ 9 часамъ вечера возсталъ сильная буря: разбило шлюпку, привязанную сзади; оторвало якорь и бросило судно на мѣль; все, казалось, грозило шнявѣ гибелью. Посланникъ, никогда до того не видавшій моря, дрожалъ отъ страха; но видя наконецъ, что нѣтъ надежды на спасеніе, закутался въ шелковое одѣяло, легъ на палубѣ и вслѣлъ муллѣ своему, ставъ на колѣна, читая надъ нимъ молитвы изъ корана. Къ утру буря утихла, и присланные отъ Царя галеры привели шняву въ Кронштадтъ.

Зимнія катанья въ лодкахъ были не столько опасны. Отъ дворца до Петро-

павловской крѣпости разтищали на Невѣ ледъ; боты и другія небольшія суда спавили на полозья или на коньки, и напянувъ паруса, пускались по вѣтру въ такомъ же порядкѣ, какой наблюдался въ лѣшнихъ капаньяхъ. Адмиральская шлюпка указывала путь прочимъ судамъ; соображаясь съ ея движеніями, онѣ лавировали и дѣлали разные манёвры по льду, *« для того чтобъ не забыть морскихъ эволюцій, »* говорилъ Петръ. Сія кашанья продолжались по нѣскольку часовъ. Во время опдыха подносили всѣмъ мужчинамъ, отъ имени Государя, горячій пуншъ, а дахамъ глинтвейнъ.

Въ частныхъ кашаньяхъ участвовала одна Императорская фамилія. Государь въ шхиперскомъ плащѣ, управлялъ дѣйствіемъ яхты, въ копорой сидѣли Императрица, Великія Княжны Анна

и Елисавета, и Царевны Екатерина; Анна и Прасковья Ивановны, одѣшья всѣ въ канифасовыхъ кофточкахъ, юпкахъ изъ красной матеріи и небольшихъ шляпкахъ, на подобіе того, какъ и теперь еще одѣваются жены Заандамскихъ корабельщиковъ. Цѣлю кашанья былъ обыкновенно Екатерингофъ. Здѣсь иногда, близъ приспани, встрѣчалъ высокихъ постышишей адмиралъ Апраксинъ съ пушечною пальбою. « Приучаю семейство мое къ водѣ, чѣмъ не боялись и полюбили море, » говорилъ Петръ своимъ приближеннымъ, когда заходилъ разговоръ о шаковыхъ прогулкахъ.

Описывая кашанья по водѣ, могли не упомянуть о закладкѣ и спускахъ кораблей. Петръ, создатель Рускаго флота, не могъ не радоваться успѣхамъ великаго своего предпріятія.

Ошъ того всякій подобный случай былъ
 для него истиннымъ праздникомъ. На-
 канунъ извѣщали о семъ происшествіи
 барабаннымъ боемъ. Въ самый день
 корабельной закладки или спуска, по
 пушечному выстрѣлу изъ крѣпости,
 всѣ отправлялись въ адмиралтейство.
 Въ первомъ случаѣ, послѣ молебна, глав-
 ный корабельный мастеръ Головинъ
 вбивалъ въ киль первый гвоздь и мазалъ
 его смолою. За нимъ дѣлали тоже Царь
 и прочіе корабельные мастера. Во все
 время работы производилась изъ ад-
 миралтейства пушечная пальба. По
 окончаніи закладки, Императоръ со
 всею фамиліею и всѣми присутство-
 вавшими отправлялся въ флагман-
 скую залу, кошорой сѣны и пото-
 локъ увѣщаны были взятыми отъ Шве-
 довъ знаменами. Тутъ ждалъ посѣпи-
 шелей сыпый обѣдъ, послѣ кошораго

всѣ съѣзжались къ генераль-адмиралу Апраксину, чтобъ за кубкомъ вина пожелать благополучнаго окончанія начатому дѣлу.

Во время корабельныхъ спусковъ, по совершеніи молебна на новопосроенномъ суднѣ, Царь, взявъ въ руки шопоръ, подрубалъ одну изъ подпорокъ, на которыхъ стоялъ корабль. Звуки пилу и лишавръ, громкія восклицанія народа и пушечные выстрѣлы съ крѣпости и адмиралшейства оглашали воздухъ. Когда якорь былъ брошенъ, Петръ, въ богатомъ, шипомъ золотомъ адмиральскомъ мундирѣ, съ Андреевскою лентою черезъ плечо, всходилъ первый на корабль и привѣтствовалъ всѣхъ, приходившихъ къ нему съ поздравленіями, поцѣлуемъ въ голову. Императрица и Великія Княжны подносили имъ по рюмкѣ вина.

Между тѣмъ въ каютахъ накрыты были столы, въ верхнихъ для дамъ, а въ нижнихъ для мужчинъ. За столъ, гдѣ находился Государь, сидѣли по правую сторону корабельные мастера, плотники и всѣ участвовавшіе въ постройкѣ вновь спущеннаго судна; по лѣвую значнѣйшія особы. Не было обѣдовъ шумнѣе: самъ Петръ былъ всегда за оными чрезвычайно веселъ. Между гостями его царствовала совершенная непринужденность: шотсы быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Вино, особенно Венгерское, лилось полной чашей. Сія пирушка на корабляхъ продолжалась отъ 4 часовъ по полудни до 2 часовъ по полуночи, и всякій обязанъ былъ принимать въ оныхъ равное участіе. Въ концѣ обѣда общество пирующихъ представляло спранныя группы: такъ напримѣръ,

27 іюля 1721 года, при спускѣ корабля Панпелеймона, видѣли въ одномъ углу Валлахскаго князя Каншемира, борющагося съ оберъ-полицмейстеромъ графомъ Девіеромъ; въ другомъ, спарикъ адмираль Апраксинъ, со слезами на глазахъ, дрожащею рукою подносилъ послѣдній кубокъ полусоннымъ своимъ пріятелямъ. Вездѣ слышны были чоканья стакановъ и обѣты вѣчной дружбы; нѣрѣдка шумъ и споры.

Говорить ли вамъ о масляничныхъ маекарадахъ, гдѣ маски, собравшіеся по пушечному выстрѣлу на площади, пропивъ собора Св. Троицы, у шакъ называемой пирамиды 4 фрегатовъ (*), по сигналу, поданному самимъ Государемъ, кошорый былъ одѣтъ барабан-

(*) Пирамида сія была деревянная и построена въ память первой морской побѣды надъ Шведами при Гангёудѣ въ 1714 году.

щникомъ, скидали плащи и показывались въ своихъ нарядахъ? Тутъ посреди множества Испанцевъ, Грековъ, Турокъ, Кипайцевъ и Индѣйцевъ, являлись карлы съ длинными бородами, возившіе въ шельжкахъ гайдуковъ Царскихъ, спеленанныхъ какъ дѣти. Говорить ли вамъ о кашаньяхъ, гдѣ между множествомъ огромныхъ саней, копорыя сдѣланы были на подобіе лодокъ, иныя въ 20 фузовъ длины, и въ копорыхъ находились въ носиломахъ Царская фамилія, иносстранные министры и знаменитѣйшія особы обоего пола, видны были: Непшунъ въ раковинѣ съ презубцемъ, влекомый двумя Сиренами; Бахусъ на бочкѣ, съ кубкомъ въ одной и ливеромъ въ другой рукѣ; Государевъ шупъ, одѣшый медвѣдемъ, въ саняхъ, запряженныхъ шестью медвѣдами же; Камчадалъ и Камчадалка,

ѣхавшіе въ парть на собакахъ, и наконецъ множество арлекиновъ и масокъ, изображавшихъ разныхъ звѣрей и птицъ? Подобныя маскарады продолжались цѣлую недѣлю. Учаспвовавшіе въ оныхъ собирались за нѣсколько дней къ князю Меншикову, который назначалъ каждому его мѣсто во время маскараднато шествія; всѣ служащіе, должны были подъ ошасеніемъ шпирфа 50 рублей, ходишь во все это время въ костюмахъ и маскахъ, если даже не учаспвовали въ кашаньяхъ. Опасаясь наскучишь вамъ подробностями, ограничусь однимъ только замѣчаніемъ, что всѣ масляничныя маскарады во время Петра I носили на себѣ отпечатокъ вкуса грубаго, необразованнаго, въ то время еще общаго въ Европѣ.

Качели, составляющія нынѣ главнѣйшее увеселеніе Рускихъ въ масланицу,

были въ употребленіи и при Петрѣ; но съ разницею, что сія забава тогда не исключительно принадлежала простому народу, какъ теперь. Всѣ сословія принимали въ ней участіе. Въ 1722 году въ Москвѣ, въ понедѣльникъ сырной недѣли, Царь съ офицерами гвардіи открылъ праздноство масляницы, на площади у Красныхъ воротъ, нѣсколько разъ провертѣвшись на качеляхъ. За симъ качались солдаты. Петръ между тѣмъ сѣлъ за столъ, приготовленный подъ открытымъ небомъ у самыхъ воротъ, и народъ, признательный за то, что самъ Царь принимаетъ участіе въ его увеселеніяхъ, толпился вокругъ, оглашая воздухъ радостными восклицаніями. Точно тоже было и съ ледяными горами: онѣ обыкновенно были покрыты до вторника масляной недѣли. Въ сей день народъ

собирался на рѣку: по данному знаку шаперъ, подъ которымъ находились горы, раскрывался, и Государь, а за нимъ Императорская фамилія, первыс скашывались съ оныхъ.

Я упомяну подробнѣе о музыкѣ въ письмѣ моемъ о Рускихъ ассамблеяхъ. Нѣкоторые вельможи имѣли свои капеллы; но между высшимъ сословіемъ, весьма немногіе сами занимались музыкаю. По извѣстіямъ современныхъ писателей; изъ Рускихъ дамъ, княгини Кантемиръ и Черкаская и графини Головины, воспитанныя въ Швеціи, гдѣ отцы ихъ, генераль-лейтенантъ князь Трубецкой и генераль-адмиралъ Головинъ находились въ плѣну, умѣли только играть на фортепіано. Прочія считали неприличнымъ посвящать часы досуга сему занятію. Концерты были однако же въ модѣ.

Прусскій посланникъ баронъ Мардефельдъ, самъ превосходно игравшій на лютий, не разъ забавлялъ оными Петербургскую публику. Голстинскій министръ графъ Бассевицъ также давалъ музыкальныя собранія. Въ великій постъ 1722 года, вся Москва съѣзжалась къ нему слушать духовныя орапоріи, игранныя музыкантами Голстинскаго герцога Карла Фридриха. Музыканты сіи пользовались большою славою въ Петербургѣ: въ дни того года, Свѣтлаго Воскресенья или именинъ Государыни, Герцогъ до разсвѣта являлся съ ними подъ окнами Императрицы и серенадами приносилъ ей свои поздравленія. — Рюмка вина, подносимая Великою Княжною Анною Пепровою Герцогу и всей его свитѣ, была обыкновенно наградою за ихъ вниманіе.

Наконецъ ошаша мнѣ упомянуть о театръ. Театровъ было нѣсколько. Это увеселеніе, кажется, было въ погдашнее время не по вкусу Русскихъ; ибо при всѣхъ стараніяхъ Государя, театры не могли удержаться. Еще въ малолѣтствѣ Петра, семинаристы Заиконоспасскаго монастыря въ Москвѣ играли комидіи духовныя, какъ Іудинъ ошѣкла голову Олоферну, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсиль Амана, и ш. п. Нѣкоторыя изъ комидій сочиняла Царевна Софія Алексѣевна, другія были написаны преосвященнымъ Димитріемъ Ростовскимъ. Піесы послѣдняго были всѣ духовнаго содержанія, и одна изъ нихъ начиналась и оканчивалась двуспищємъ :

*Благословенъ Господь отнынѣ и до вѣка,
Отъ всякаго землія и даже до геловѣка.*

Свѣтскія комедіи давались на Су-
харевоѣ башнѣ и въ гошпиталѣ.
Актерами были ученики математиче-
ской или хирургической школы, ко-
торыя помѣщались въ сихъ зданіяхъ.
Иностранцы: Кунштъ, выписанный
изъ Данцига въ 1701 году, Опшо-
фирштъ и Маннъ были при Петрѣ
образователями нашихъ актеровъ, ко-
порохъ выбирали изъ подъячихъ или
посадскихъ людей. Государь велѣлъ
построить для нихъ въ Москвѣ на
Красной площади, противъ гостиннаго
двора, деревянный домъ, извѣстный
въ то время подъ именемъ *комидіаль-
ной храмины*. Представленія давались
по понедѣльникамъ и четвергамъ, и
дабы заохотить къ посѣщенію коме-
дій, повелѣно было воровъ въ Кремль,
Кштаѣ и Бѣломъ городѣ, обыкновенно
запираемыхъ въ 8 часовъ вечера, дер-

жашь опворенными до 10 и не брать за это указныхъ пошлинь съ проѣзжающихъ. Главнѣйшія піесы шого времени были:

1). О Франшаллѣ, Королѣ Эпирскомъ, и о Мирандонѣ, сынѣ его и о прочихъ.

2). О честномъ измѣнникѣ, въ ней же первая персона Арцухъ (герцогъ) Фредерикъ фонъ Поллей.

3). Тюремной заключникъ или Принцъ Пикель Гирингъ.

4). О Графинѣ Тріерской Геновель.

5). Два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлій Цесарь.

6). Александръ и Дарій Македонскій, комидія въ 18 дѣйствіяхъ.

7). Порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юлишерь и

8). Докторъ принужденный.

Съ переездомъ двора въ Петербургъ прибыли сюда и Рускіе актёры. Ца-

ревна Нашалья Алексѣевна, выпросивъ себѣ въ 1716 году большой домъ на Пешербургской сторонѣ, въ Никольской улицѣ, устроила въ немъ ложи и родъ паршера. Труппа сего театра состояла изъ 10 актёровъ и актрисъ: въ оркестрѣ находилось 16 музыкантовъ, игравшихъ на духовыхъ инструментахъ. Царевна сама сочиняла трагедіи и комедіи, инныя въ 12 дѣйствій и болѣе, заимствовавъ предметы изъ Библии или изъ свѣтскихъ произшествій. Представленія одной пьесы продолжались иногда по нѣскольку вечеровъ сряду. Особенно замѣчательна одна изъ сихъ пьесъ, въ которой представляемы были, въ иносказательномъ видѣ, возмущеніе стрельцовъ, ихъ покушенія на жизнь Царя и наконецъ совершенное уничтоженіе гибельныхъ ихъ замысловъ и поспѣвшая ихъ казнь.

Въ концѣ спектакля явился одинъ изъ придворныхъ служителей, который поясняя публикѣ темныя мѣста въ трагедіи, и указывая на бездушныя труппы актёровъ, заключалъ нравоученіемъ, сколько должно уважать существующую власть. Зрѣлища сіи позволено было смотрѣть всякому: приходившимъ подносили по рюмкѣ вина и по кренделю.

Въ это же время явилась въ Пешербургъ Нѣмецкая труппа, дававшая свои представленія на Лишнейной, въ домѣ графа Брюса. Дворъ прилежно посѣщала оныя. Вообще Нѣмецкая драматическая лишперашура того времени состояла большею частію изъ тупыхъ фарсовъ, въ которыхъ площадныя шушки замѣняли остроумію; изъ ужасныхъ или сентиментальныхъ трагедій, гдѣ всѣ умирали на сценѣ, или

гдѣ цари говорили языкомъ Аркадскихъ паспушковъ. Петръ, который во всемъ имѣлъ вѣрный вкусъ, общалъ актерамъ богашое награжденіе, если они представлятъ піесу шрогашельную безъ любви и веселую безъ шупокъ, выходящихъ за предѣлы благопристойности. Разумѣется, что они дурно исполнили это порученіе; но Государь, для ободренія, велѣлъ выдать имъ обѣщанное.

По смерти Наталіи, Мекленбургская Герцогиня Екашерина, дочь Царя Іоанна Алексѣевича, приняла на себя управленіе театромъ. Въ Пешербургѣ былъ у нея спектакль въ ея домѣ на Васильевскомъ острову, на помѣ мѣстѣ, гдѣ нынѣ музей Императорской академіи наукъ; въ Москвѣ въ селѣ Измайловѣ, принадлежавшемъ ея машери, Царицѣ Прасковѣ Ѳедоров-

нѣ. Герцогиня сама распоряжала предешавленіемъ, и потому во время онаго находилась за кулисами. Въ аншрь-акшахъ являлись старые дураки и дуры, кошорыя забавляли посѣщителей пляскою подъ звукъ рожка съ припѣвомъ.

Изъ сказаннаго выше вы видите, что всѣ увеселенія времени Петра I имѣющъ нѣчто отличное, свойственное своему времени. Вы еще болѣе въ томъ удостовѣришесь, взглянувъ на множество карлъ и карлицъ, кошорыя занимающъ не маловажное мѣсто въ лѣтописяхъ тогдашнихъ забавъ. Въ концѣ XVII вѣка карлы и шуты были еще въ употребленіи при всѣхъ Европейскихъ дворахъ. Опъ того вы встрѣшите ихъ во множествѣ и у насъ, какъ при дворѣ, такъ и въ частныхъ домахъ. Государю вздумалось

однажды позабавить Герцога и Герцогиню Курляндскихъ свадьбою карль. Петръ велѣлъ одному изъ нихъ выбрать себѣ супругу изъ дѣвушекъ одинакаго съ нимъ роста; 13 ноября 1710 года назначена была свадьба. Созвали на сей праздникъ указомъ 19 августа 1710 года (*) всѣхъ карль, находившихся тогда въ Москвѣ и Петербургѣ. Наканунѣ свадьбы двое изъ нихъ, бывшіе шаферами, поѣхали въ колясочкѣ о трехъ колесахъ, въ одну лошадь, убранную разноцвѣтными лент-

(*) « Вошъ указъ сей въ подлинникѣ:

« Карль мужеска и дѣвическа пола, которые нынѣ живутъ въ Москвѣ въ домахъ боярскихъ и другихъ ближнихъ людей, собравъ всѣхъ, выслать съ Москвы въ Петербургъ: сею августа 25 дня, а въ шопъ опускъ въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ тѣ карлы живутъ, сдѣлать къ тому дню на нихъ нарядъ платье: на

тами, звашь гостей, и имѣя впереди
 верхомъ двухъ офиціантовъ въ ливреѣ.
 На другой день, когда всѣ госни съѣха-
 лись въ назначенный домъ; молодые
 отправились въ большомъ торжествѣ
 къ вѣнцу. Впереди шель карла, ис-
 правлявшій должность маршала, съ
 жезломъ, къ концу кошораго привя-
 занъ былъ букетъ изъ дѣтль. За нимъ
 женихъ и невѣста съ шаферами; по-
 томъ самъ Царь, множество дамъ,
 нѣкоторыя министры и другія знап-
 нѣйшія особы. Шествіе заключалось
 72 карлами и карлицами, первые

мужеской полъ кафтаны и камзолы нарядные
 цвѣтныя, съ прозуменшами золотыми и съ пу-
 говицами мѣдными золочеными, и шиаги, и пор-
 пупеш, и шляпы, и чулки, и башмаки Нѣмец-
 кіе добрыя; на дѣвическѣ полъ верхнее и испод-
 ное Нѣмецкое платье, и фантажи, и всякой
 приличной доброй уборъ и въ помѣ взявъ
 тѣхъ домовъ съ спрячкихъ сказки и проч.

въ свѣтлоголубыхъ или розовыхъ Французскихъ кафтанахъ, треугольныхъ шляпахъ и при шпагахъ; послѣднiя въ бѣлыхъ плащяхъ съ розовыми лентами. Послѣ церемонiи всѣ отправились къ князю Меншикову, гдѣ ожидалъ молодыхъ богачей обѣдъ. Карлы сидѣли въ срединѣ: столы жениха и невесты были подъ шелковыми балдахинами, а надъ стуломъ невесты висѣли три лавровыхъ вѣнка. Маршаль и 8 шаферовъ имѣли для опличiя кокарды изъ кружевъ и разноцвѣтныхъ лентъ. Кругомъ, вдоль по стѣнамъ залы, сидѣли Царская фамилiя и прочiе постьпители. Праздникъ кончился пляскою, въ коей участвовали одни карлы.

Сей карла, котораго свадьба здѣсь описана, умеръ въ Генварѣ 1724 года. Похороны его также производились

съ отличною церемонією. Впереди шло челоуѣкъ 30 пѣвчихъ небольшого роста; старшему было не болѣе 13 лѣтъ. Гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ, съ серебряными позументами и кисьями, посапавши на построенныя для сего нарочно саночки, запряженныя шестью небольшими жеребьями въ черныхъ пополахъ. Въ головахъ покойника, на спинѣ саней, сидѣлъ пятидесятилѣтній карла, братъ умершаго. За гробомъ слѣдовали: сперва карла, исправлявшій должность маршала, съ жезломъ, который перевищъ былъ чернымъ и бѣлымъ крепомъ, а потомъ 24 другихъ попарно, въ черныхъ плащяхъ, длинныхъ плащахъ и треугольныхъ шляпахъ, завѣшенныхъ флѣромъ. За мужчинами шли женщины: впереди, ведшія ихъ маршалъ; потомъ карлица Великихъ Кня-

женъ и другая Герцогини Мекленбургской, кошорыя, какъ родспвенницы покойнаго, ведомы были подъ руки каждая двумя карлами, а наконецъ прочія 24, также попарно, съ гирляндами на головахъ и длинными черными покрывалами. По сторонамъ сей процессіи слѣдовали съ факелами Царскій гайедауки и гренадеры. Въ замкѣ находились Государь, Герцогъ Голштинскій, князь Меншиковъ и многіе вельможи, кошорые провожали покойника ошъ дворца до Зеленаго, нынѣшняго Полицейскаго моста. Когда шло было предано землѣ, всѣ участвовавшіе въ церемоніи возвратились во дворецъ, гдѣ посадили ихъ за особенные столики, на маленькихъ стульяхъ, и угостили великолѣпнымъ обѣдомъ.

Шуты, или, какъ ихъ тогда называли, дураки, были едва ли не въ большемъ числѣ, нежели карлы. При дворѣ и во всякомъ почтѣ домѣ находились шуты или шутихи. Петръ употреблялъ иногда первыхъ на то, чтобъ въ обществѣ говорить рѣзкія правды вельможамъ, копорыми былъ недоволенъ, и когда сіи послѣдніе жаловались на кошораго нибудь изъ нихъ Государю: « что вы хошите, чтобъ « я съ ними дѣлалъ, » отвѣспивовалъ Императоръ, « они дураки. » Дура днемъ играла съ барынею въ дураки и не смѣла никогда выиграть; вечеромъ рассказывала ей сказки, чтобъ прогнать ея безсонницу. Въ праздничные дни, или когда случались гости, дура, разряженная какъ 18 лѣтняя дѣвушка, забавляла собраніе прыжками, кривляньемъ и пѣньемъ. Преимуще-

сптвенно спарались выбирать для се-
го старыхъ женщинъ, полагая, что
чѣмъ дура старѣе, тѣмъ она охотнѣе
къ расказамъ и тѣмъ забавнѣе въ
пляскѣ.

О ПЕРВЫХЪ БАЛАХЪ ВЪ РОССИИ.

Вы желали знать, какъ веселились наши предки. Я хотѣлъ было описать вамъ великолѣпные обѣды прежнихъ Царей, шумные праздники, на коихъ заграничное вино, вкусныя яства и скоморохи тѣшили пирующихъ. « Но, отвѣчали вы мнѣ: « на сихъ праздникахъ не было женщинъ; а если онѣ и были, то безмолвными свидѣтельницами, и ни къмъ невидимая, съ робостью только поглядывали сквозь длинныя фаты на происходившее. »—Вы хотѣли имѣть описаніе баловъ, собственно такъ называемыхъ; знать, въ какое время исчезла въ Рускихъ грубость

нравовъ, свойственная народу полу-образованному, и когда женскіи полъ получилъ право гражданства въ нашихъ обществахъ. Исполняю вашу волю.

Балы введены въ Россію Петромъ Великимъ, по возвращеніи его изъ за границы, въ 1717 году. Парижскія общества, и тогда законодатели моды, вкуса, любезности и свѣтскаго обращенія, были заманчивою новостію для Россійскаго Монарха. Слѣдствіемъ этого былъ указъ 1719 года о неслыханныхъ дополъ собраніяхъ обоего пола, названныхъ *ассамблеями*. Вотъ его содержаніе.

1). Желаящій имѣть у себя ассамблею долженъ извѣстить о томъ каждаго прибишымъ къ дому билетомъ.

2). Ассамблеи начинать не ранѣ

4 или 5 часовъ по полудни , а оканчивашь не позже 10.

3). Хозяинъ не обязанъ ни встрѣчать, ни провожать гостей, ни по чему либо для нихъ беспокоиться; но долженъ имѣть на чемъ ихъ посадить, чѣмъ ихъ подчивать и чѣмъ освѣтить комнашы.

4). Каждый можешь приходишь въ ассамблею, въ которомъ часу ему угодно, сидѣшь, ходишь, танцовать или играшь..

5). Въ ассамблеи могутъ приходишь: чиновныя особы, всѣ дворяне, извѣстнѣйшіе купцы, корабельные мастера и канцелярскіе служители съ женами и дѣтьми.

6). Слугамъ оповески въ домѣ особыя комнашы, чшобы въ покояхъ ассамблеи было просторнѣе.

7). Преступившій сія правила подвергается наказанію осушить кубокъ *большаго орла*.

Говорящъ, что указъ сей произвелъ различныя впечатлѣнія. Заключенныя въ высокихъ шеремахъ красавицы наши, которыя только по праздникамъ осмѣливались подходить къ косячатымъ окнамъ, чѣмъ посмопрѣшь на гуляющій по улицамъ народъ, втайнѣ радовались большей свободѣ. Съ другой стороны машушки, воспитанныя по старинѣ, неохотно повиновались волѣ Государевой и жаловались на развращенное время, въ которое дѣвушкамъ позволялось, не краснѣя, разговаривать и даже (чего Боже сохрани) прыгать съ молодыми мужчинами.

Ассамблеи устроены были слѣдующимъ образомъ. Въ одной комнатѣ

танцевали; въ другой находились шахматы и шашки; въ прешней шруб-ки съ деревянными спичками для закуриванія; табакъ, разсыпанный на столахъ, и бутылки съ винами.

Ассамблеи начинались всякую зиму у Государя, а оканчивались у оберъ-полицмейстера. Онъ, по списку, составленному самимъ Государемъ, извѣщаль за нѣсколько дней особъ, у коихъ надлежало собираться, о наступавшей очереди. Хозяинъ приглашалъ знатнѣйшихъ; прочихъ извѣщали о семъ барабаннымъ боемъ по городу, или, на перекресткахъ улицъ прибывались къ домамъ приглашенія ко всѣмъ проходящимъ, чѣмъ пожаловали къ такому-то попрыгать и повеселиться. Въ день ассамблеи являлся къ хозяину въ два часа оберъ-полицмейстеръ съ пятью канцеляристами, которые запи-

сывали прїѣзжающихъ, для того чтобъ потомъ донести о семъ Государю. Въ при начинали съѣзжашься. Обыкновенно; и дамы и мужчины прїѣзжали въ самыхъ богатыхъ нарядахъ; только во время траура при дворѣ, никто, кромѣ Императрицы, не имѣлъ права носитьъ драгоцѣнныхъ камней, золота или серебра. Въ 6 часовъ прїѣзжалъ Императоръ, и немного спустя, Государыня съ Великими Княжнами: ей одной хозяйинъ выходилъ на встрѣчу и ее одну провожалъ до кареты. Излишняя учтивость къ прочимъ посѣпшелямъ наказывалась осушеніемъ кубка большого орла. Дамъ угощали чаемъ, кофеемъ, миндальнымъ молокомъ, медомъ и вареньями; мужчинъ: пивомъ, виномъ и прубками. Лимонадъ, оршадъ, а особенно шоколадъ, считались рѣдкостію, и пода-

вались только на ассамблеяхъ у герцога Голштинскаго и министра его Бассевица въ 1723 году.

Въ послѣдствіи, когда любезность утвердила въ нашихъ обществахъ законы приличія, вошелъ въ употребленіе слѣдующій обычай. Хозяинъ во время танцевъ подносилъ букетъ цвѣтовъ дамѣ, которую хотѣлъ отличить. Дама сія становилась царицею бала, распоряджала танцами, и пошъ же букетъ торжественно отдавала другому кавалеру, назначая при томъ день, въ который желала танцовать въ его домѣ. Получившій цвѣты обязанъ былъ слѣпо повиноваться волѣ красавицы. Наканунъ назначеннаго ею дня посылалъ онъ ей вѣеръ, пару перчатокъ и также цвѣты, съ которыми она являлась въ собраніе, и какъ владѣтельница букета, остава-

лась царицею бала до новаго избранія. Обыкновеніе это, напоминающее времена рыцарскія, въ которыя красота была душою всего великаго, продолжалось до царствованія Императрицы Екатерины II.

Руская пляска, вмѣстѣ съ длинными кафшанами и сарафанами, осталась только въ нижнемъ классѣ народа: замѣнили оную спешенный польскій, тихій менуэшь и рѣзвый Англійскій коншрдансъ. Пльнные Шведскіе офицеры, находившіеся въ Пешербургѣ, первые учили танцовашь Рускихъ дамъ и кавалеровъ; они долго были единственными танцорами въ ассамблеяхъ. Кромѣ сказанныхъ танцевъ, былъ церемоніальный, которымъ всегда начинались свадебные и вообще торжественные праздники: спановились какъ въ экссезѣ; при спеш-

пенной музыкѣ, мужчина кланялся своей дамѣ и попомъ ближайшему кавалеру; дама его слѣдовала пому же примѣру, и сдѣлавъ кругъ, оба возвращались на свое мѣсто. Сии поклоны, повспоренные всѣми, заключались польскимъ; тогда маршаль, завѣдывавшій праздникомъ, громко объявлялъ, что церемоніальные танцы кончились. Наспавала шумная веселость: всякій изъ поѣвшипелей могъ участвовашь въ танцахъ. Въ менуэтахъ дамамъ предоставленъ былъ выборъ. Кавалеръ, кончившій танецъ съ выбравшею его дамою, обязанъ былъ въ свою очередь выбрать другую, и прошанцовать съ нею, переспашъ; дама же продолжала танцовать съ другимъ кавалеромъ. Такимъ образомъ менуэтъ продолжался, пока музыка не возвыщала о перемѣнѣ. Польскіе и

контрдансы, похожи были на нынѣшніе, съ шюю только разницею, что первые были весьма медленны и продолжительны, а въ послѣднихъ каждая пара дѣлала свои фигуры, повшоряемыя прочими. Вообще наши тогдашніе танцовщики, одѣтые по образцу придворныхъ Людовика XIV, перенимали и въ обращеніи уловки сихъ корифеевъ свѣтской жизни; но подражая, старались иногда превосходить шѣхъ, копорыхъ брали за образецъ. Такимъ образомъ мужчина, желавшій танцовать съ дамою, подходилъ къ ней не прежде, какъ послѣ трехъ церомоніальныхъ поклоновъ; во время танцевъ едва касался пальцами ея пальцевъ, а когда оканчивалъ, тогда изъяслялъ свою благодарносшь, поцѣловавъ ей руку. Гордая поступъ въ польскомъ, важная осанка и узорчатые па въ

менуэпахъ опличали хорошихъ танцовщиковъ.

Вскорѣ различныя степени образованія раздѣлили общества: собранія не перерывались, но ихъ могли посѣщать только особы, приглашенныя хозяиномъ. Тамъ - то важнѣйшіе въ государствѣ люди забывали на время свое величіе: Императорская фамилія старалась ласковымъ обращеніемъ и участіемъ въ забавахъ не дать замѣпить своего присутствія. Императоръ, Императрица и Великія Княжны всегда много танцовали, особенно послѣднія. Императрица съ супругомъ, или съ герцогомъ Голстинскимъ, или съ княземъ Меншиковымъ, открывала балъ. Всякому свободно было просить Великихъ Княженъ, и какъ многіе искали сей чести, то онѣ не знали

отдыха. Одна только Царевна Прасковья, сестра Императрицы Анны, не любила танцевъ, и не иначе пускалась въ оныя, какъ по повелѣнію самаго Государя. Люди преклонныхъ лѣтъ и почтеннаго званія часно также прыгали вмѣстѣ съ другими. Царь забавлялся ихъ усипалостію. Такимъ образомъ въ 1721 году, на свадьбѣ генераль-маіора князя Трубецкаго съ дочерью главнаго корабельнаго строителя Ив. Мих. Головина, подозвавъ къ себѣ генераль-адмирала графа Ѳ. М. Апраксина, вице-канцлера барона Шафирова, князя Кантемира, двухъ сенаторовъ князей Голицына и Гр. Ѳед. Долгорукаго, П. А. Толсшаго и генерала Ив. Ив. Бутурлина, всѣхъ лѣтъ бо и болѣе, онъ назначилъ каждому молодую даму, и взявъ самъ Императрицу, пошелъ съ ними танцо-

вашъ родъ нынѣшняго гротфашера. Оный продолжался около часу. Государь, бывшій въ первой парѣ, дѣлалъ самыя трудныя па, и всякій изъ танцующихъ долженъ былъ слѣпо подражать ему во всемъ, а не исполнившій сего осушалъ въ наказаніе огромный кубокъ орла. Изъ танцующихъ кавалеровъ отличались: самъ Государь, графъ Ягужинскій, Австрійскій посланникъ графъ Кинскій, Голштинскій министръ Бассевицъ, молодые князья Трубецкой и Долгорукій, и графъ Головкинъ. Изъ дамъ первое мѣсто занимала Великая Княжна Елисавета Петровна; отличались также княжны Черкаская, Кантемиръ, графини Головкины и Долгорукая, бывшая въ послѣдствіи невѣстою Императора Петра II.

Ассамблеи давались не въ одномъ Пешербургѣ; съ переездомъ двора въ Москву въ 1722 году завелись собранія и въ сей столицѣ. Собранія по указу происходили три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, въпорникамъ и чешвергамъ. Кромѣ того бывали частныя балы, гдѣ было посѣщителей менѣе, но болѣе веселости: на сихъ послѣднихъ танцовали иногда до 3 часовъ по полуночи.

Музыка на ассамблеяхъ была большею частію духовая: трубы, фаготы, гобои и лишавры. Петръ ввелъ сперва въ употребленіе шарелки, лишавры и фаготъ; потомъ появились трубы, валшорны и гобои. Государь выписалъ изъ Германіи капельмейстеровъ, съ тѣмъ чшобъ они обучали молодыхъ солдатъ, которые всякій день отъ 11 до 12 играли на адми-

ралтейской башнѣ. Особенно любилъ оуъ Польскій рожекъ; всегда имѣлъ при себѣ музыканта, кошорый во время заняшій наитрѣивалъ Государю на семь инструментовъ Польскія и Малороссійскія пѣсни, и самъ даже въ часы досуга, занимался игрою на рожекѣ. Многіе вельможи имѣли также свои капеллы: лучшая принадлежала княгинѣ Черкасской. Герцогъ Голштейнъ-Готторпскій Карлъ Ульрихъ, приѣхавшій въ Россію въ 1721 году и послѣ взявшій въ супружество Великую Княжну Анну Петровну, имѣлъ въ своей свитѣ капеллу, состоявшую изъ одного фортепіано, нѣсколькихъ скрипокъ, одной віольдамуръ, одного альта, одного віолончеля, одно контръ-баса, двухъ флейтъ и двухъ валторнъ. Пѣвническая игра сихъ музыкантовъ и новостъ привезенныхъ инструмен-

повѣ доставляли имъ часто случай показывать свое искусство: говорили, что пошѣ праздникъ не въ праздникъ, гдѣ не играли Голстинскіе музыканшы.

Охопа къ танцамъ часъ отъ часу болѣе распространялась. При Императрицѣ Екатеринѣ I незнаніе танцевъ считалось уже въ дѣвицѣ недосшаткомъ воспитанія. Двору не было надобности приказывать ассамблеи: онѣ вскорѣ и совсѣмъ уничтожились; за то частные балы не уставали. Замѣчательно, что около сего времени введены были въ наши общества карты. Петръ Первый не терпѣлъ ихъ и предпочиталъ имъ шашки, а особенно шахматы, игру любимую имъ до чрезвычайности и въ которой онъ ночки не находилъ себѣ равнаго.

Императрица Анна, придавшая много великолѣпія двору, любила веселость. Въ ея царствованіе праздники сдѣлались пышнѣе и получили Европейскій видъ. Табачный дымъ и спукъ шашекъ не беспокоили уже танцующихъ, и наконецъ совершенно уничтожилось наказаніе осушать кубокъ большаго орла. Въ торжественные дни и при всякомъ необыкновенномъ случаѣ были при дворѣ балы. Современные писатели упоминаютъ между главнѣйшими объ одномъ, данномъ въ генварѣ 1734 года, на который приглашены были съѣхавшіеся тогда въ Петербургъ посланники: Бухарскій, Турецкій и Китайскій. Торжествовали въ этотъ день вступленіе на престоль Государыни. Праздникъ открылся въ залѣ, построенной въ Зимнемъ дворцѣ, у нынѣшняго Полицей-

скаго моста. Зала была украшена апельсинными и миршовыми деревьями въ полномъ цвѣтѣ, которыя, образуя по обѣимъ сторонамъ аллеи, оставляли въ серединѣ довольно мѣста для танцевъ. Въ аллеяхъ разбросаны были дерновыя скамейки и боскеты для отдыха гуляющихъ. Живость и разнообразіе сей картины составляли разительную противоположность съ мертвою природою, покрытою снѣгомъ и инеемъ. Благоуханіе искусственной рощи, яркое освѣщеніе, группы гуляющихъ и танцующихъ въ богатыхъ нарядахъ, при звукѣ величественной музыки, представляли нѣчто очаровательное. Императрица Анна спросила у Кишайскаго посланника: кто изъ дамъ, находящихся на балѣ, ему болѣе нравится? « Въ звѣздную ночь, освѣчалъ Кытаецъ » трудно рѣ-

шить « которая звѣзда всѣхъ свѣтле. » Но увидѣвъ , что Государыня не довольствуется такимъ ошвѣщомъ, онъ подошелъ къ Великой Княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, низко поклонился, и отдавъ ей передъ прочими преимущество, примолвилъ, что « невозможно было бы перенести ея взгляда, еслибъ только глаза ея были поменьше. » Такъ всякій народъ имѣетъ свой вкусъ: большіе глаза, считающіеся у насъ красотою, казались Азіяпцу недостаткомъ.

Весьма много шуму надѣлалъ праздникъ, данный въ Петербургѣ въ Лѣтнемъ саду, по случаю взятія Данцига въ 1735 году. Приглашенные сѣхались въ садъ въ часъ по полудни, дамы въ цвѣтныхъ робахъ съ газовыми накладками, шипыми серебромъ. Длинные ихъ локоны перевиты были

гарляндами изъ цвѣтовъ. Императрица, обошедъ гостей, пригласила ихъ къ столу. Государыня со всею фамліею обѣдала въ гротѣ, на концѣ большой аллеи сада, въ сторонѣ отъ бассейна. Для прочихъ посѣтителей накрытъ былъ столъ въ 300 кувертовъ подъ навѣсомъ изъ зеленой шелковой шкани, поддерживаемымъ колоннами, которыя покрыты были кисеею и увиты гирляндами изъ натуральныхъ цвѣтовъ. Между колоннами находился буфетъ, по одной сторонѣ съ золошою и серебряною, а по другой съ фарфоровою посудой. Приглашено было 150 кавалеровъ и столько же дамъ, и жребій назначалъ каждой дамѣ ея кавалера. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ перемѣнъ, изъ копѣвъ въ каждой было по 300 блюдъ, кромѣ десерта. Послѣ обѣда гости раздѣли-

лись на разныя группы; одни гуляли по саду, другіе занимались капаньем по бассейну въ раззолоченныхъ ящикахъ, принадлежавшихъ Императрицѣ. Съ наступленіемъ вечера открылся балъ подъ шѣмъ же навѣсомъ, гдѣ обѣдали. Разноцвѣтные огни, коими освѣщенъ былъ садъ; поставленные въ разныхъ мѣстахъ прозрачныя картины и аллегорическія изображенія, приличныя празднуемому торжеству, представляли нѣчто очаровательное. Въ началѣ бала ввели въ палатку двѣнадцать Французскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Данцигомъ. Когда каждый изъ нихъ поцѣловалъ у Императрицы руку, Государыня оборотясь къ начальнику ихъ, бригадиру графу де ла Моттъ-Перузу, сказала: « не удивляйтесь, что я выбрала это время для вашей аудіенціи: Французы

дурнымъ обращеніемъ съ Рускими (*), имѣвшими несчасіе попастись въ ихъ руки, дають мнѣ право къ опущенію; но я довольствуюсь учиненною вамъ теперь непріятностію, а какъ народъ вашъ славится любезностію, то надѣюсь, что дамы здѣшнія успѣють въ нынѣшней вечеръ истребить изъ памяти вашей шогостное ваше положеніе. » — Съ симъ словомъ 12 фрейлинъ вручили плѣнникамъ ихъ шпаги. « Ваше Величество, » отвѣчалъ графъ де ла Мошъ, « умѣли найти средство побѣдить насъ два раза: въ первый, когда мы, противъ желанія, положили оружіе передъ храбрыми войсками

(*) Французы, не объявивъ войны, овладѣли въ то время однимъ Рускимъ фрегатомъ на Балтійскомъ морѣ и забрали въ плѣнъ весь экипажъ.

вашими, и теперь, когда охотно отдаемъ сердца наши прекраснымъ нашимъ побѣдишельницамъ!»

Императрица Анна любила Рускую пляску. Ежегодно на масляницѣ приглашали ко двору уншерь - офицеровъ гвардіи съ ихъ женами, которыя плясали по Руски. Придворные и даже члены Императорской фамиліи принимали участіе въ этомъ народномъ увеселеніи.

Во времена Елисаветы Петровны балы Рускаго двора славились во всей Европѣ. Извѣстный балетмейстеръ Ланде говаривалъ, что нигдѣ не танцовали менуэта съ большею выразительностію и приличіемъ, какъ въ Россіи. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что сама Государыня танцевала превосходно, и особенно ошлчалась въ менуэтѣ и въ Руской пляскѣ. При ней же

завелись и маскарадные балы, вмѣсто бывшихъ при Петрѣ I масляничныхъ маскарадовъ, кошорые ограничивались однимъ капаньемъ въ саняхъ. Капанья вошли въ придворный церемоніаль, но безъ масокъ, а вмѣсто того, имѣвшіе пріѣздъ ко двору пріѣзжали, маскированные, танцовать въ опредѣленные дни во дворецъ. Въ новый годъ всѣ мужчины являлись въ женскомъ, а дамы въ мужскомъ плащяхъ безъ масокъ. Мужской нарядъ весьма шелъ къ лицу Императрицы Елисаветы Петровны. Однажды, помнился 1 генваря 1752 года, на одномъ изъ шаковыхъ маскарадовъ, Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна, справедливо удивленная красою Государыни, сказала ей: « Il est très heureux, Madame, pour nous autres femmes, que vous n'êtes cavalier que pour ce soir: sans cela

vous seriez trop dangereuse«—En ce cas là, Madame, отвѣчала Императрица, *c'est certainement à Vous la première, que j'aurois adressé mes hommages.* »

Вопрь вамъ краткій отчетъ о первыхъ балахъ въ Россіи. Остается мнѣ еще упомянуть о нарядахъ, какіе были въ употребленіи упочтенныхъ нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ. Но вы сами не разъ жаловались на вѣтреность моды, а она шочно также распространяла непостоянное владычество на прежніе сшепенные покроя, какъ на нынѣшнія легкія одежды. Но такъ и быть, чшобъ избѣжашъ вашего неудовольствія, постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ схвашить нѣкошорыя эпохи господствовавшего въ Россіи вкуса въ нарядахъ.

Заимствовавъ у Французовъ ассамблеи, мы у нихъ же переняли и балыныя наши

плащя. Не думайте, чѣтобъ шо былъ
 нѣ легкія, аѣирныя шкани, въ какнхъ
 нынѣ прѣзжають на балъ наши кра-
 савицы. Спарики пвердятъ, чѣто въ
 ихъ время молодежь была снженнѣ
 нынѣшняго. Вообще прудно вѣришь
 спарикамъ, обыкновенно хвалящимъ
 бывое, счасливые годы ихъ славы и
 побѣдъ, и нарекающимъ на настоящее,
 когда они принуждены уступать дру-
 гимъ право плѣнять и бышь любезны-
 ми; но въ семь случаѣ едва ли они не
 правы. Представыше себѣ женщину,
 стянушую узкимъ коспянымъ кирасомъ,
 исчезающую въ огромномъ фишбейнѣ,
 съ башмаками на каблукахъ въ полшо-
 ра вершка вышины, и танцующаго съ
 нею мужчину въ алонжевомъ напудрен-
 номъ парикѣ, въ шпрокомъ матерча-
 томъ шитомъ кафшанѣ, съ спразо-
 выми пряжками въ чѣтверть на пя-

желыхъ башмакахъ, и посудите, можеть ли эта пара кружиться, лепать по полу въ экосезъ съ шюю легкостію, съ шюю быспроптою, какую видимъ нынѣ! Робы дѣлались, большею частію изъ одной съ корсепомъ матеріи, съ длинными шлейфами, парчевыя или шпофныя, щипшыя золопомъ, серебромъ, а иногда унизанныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, и обложенныя богатыми кружевами. Головной уборъ былъ также весьма различенъ. Ни надъ чѣмъ, кажется, мода не ширанствовала столько, сколько надъ волосами: каждый годъ, каждое собраніе, шо повышали, шо понижали прическу, а пошому и весьма шрудно очершить ее въ нѣсколькихъ словахъ. Волосы покрывали пудрою, или, оставляя въ природномъ видѣ, переплетали ихъ брилліаншами и жемчугомъ.

Вообще пышность въ нарядахъ замѣняла вкусъ. Дамы не одѣвались, какъ теперь, по рисунку Грацій, не знали плѣнительной простоты; въ каждой бездѣлкѣ блистало тяжелое великолѣпіе, а не нынѣшній милый, утонченный вкусъ.

О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ РУСКИХЪ ПРИ ПЕТРѢ I.

Частная жизнь людей высшаго общества въ царствованіе Петра I такъ разнообразна, что трудно, не-возможно почти дать описанію ея надлежащаго единства, сдѣлать изъ онаго нѣчто цѣлое. Но какъ безъ нее не льзя составить себѣ яснаго понятія о Рускихъ нравахъ того времени, то я рѣшился помѣстить здѣсь нѣкоторыя черты изъ тогдашней общественной жизни, предославая другимъ умножить собранныя мною свѣденія новыми, и составить изъ нихъ полную картину.

Извѣстно уже, что Петръ, со вступленіемъ на престолъ, рѣшился персобразовать наши нравы, и что сіе намѣреніе усилилось въ немъ съ 1718 года, послѣ втораго путешествія его въ чужіе краи. Желаніе пропзвести сей переворошъ скорѣе, и если можно, самому видѣти послѣдствія онаго, сродное пылкому характеру и безпокойной дѣятельности сего Монарха, не могло не встрѣшитъ прелящсвій въ народъ полуобразованномъ, свяшо повиновавшемся обычаямъ спарины. Никпо не смѣлъ явно противустать волю Государевой: но большая часть, состоявшая изъ коренныхъ Рускихъ вельможъ, исполняя оную по наружности, старались удержашъ что можно было изъ обыкновеній, въ которыхъ они выросли, которыя получили въ наслѣдство отъ

своихъ опцевъ. Другіе, въ угодность ли Монарху, или потому, что понимали высокіе его виды, предупреждали желанія Петра, слѣдуя совершенно вновь вводимымъ переменамъ. Сюда принадлежали особы, приближенные къ Царю, или шѣ, кои, бывъ отправлены въ началѣ его царствованія въ чужіе края, возвратились опшуда съ желаніемъ сблизить насъ съ народами просвѣщеннѣйшими и поставивъ наши общества на Европейскую ногу. Опъ того то вы увидите, въ частной жизни Рускихъ времени Петра I, странную пестроту: борьбу стараго съ новымъ, ошашки Рускихъ обычаевъ съ примѣсю обыкновеній Голландскихъ, Французскихъ и Англійскихъ; непринужденность въ обращеніи вмѣстѣ съ мѣлочнымъ эпикешомъ; у однихъ Азіятскую пыш-

ность, у другихъ благоразумную умеренность, не терпящую излишества и не знающую недосыпка. Каждая семья представляеть въ своемъ быту нѣчто отдѣльное, сохраняющее свой особый цвѣтъ. Я изложу вкратцѣ домашнюю жизнь главнѣйшихъ лицъ въ столицѣ и потомъ постараюсь схватить нѣкоторыя черты, которыя при всемъ разнообразіи нравовъ въ частности, были почти общія у всѣхъ.

Главою исключительныхъ любителей старины былъ князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій. Связанный съ Государемъ узами родства; любимый и уважаемый Алексѣемъ, Федоромъ и Петромъ за его испытанную вѣрность, любовь къ правдѣ и проницательный, хотя необразованный умъ; занимая въ государствѣ

важнѣйшую должность, онъ въ домашнемъ кругу являлся совершеннымъ Рускимъ бояриномъ стариннаго покроя. Онъ одинъ осмѣлился прошиву-сшать почной вошь Петра касательно перемѣны въ одеждѣ. Никогда не угождалъ приходямъ господствовавшей въ его время моды; всегда носилъ Руской кафтанъ, опороченный узенькимъ золошымъ или серебрянымъ позуменшомъ, и черные усы съ просѣдью, кошорые еще въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича украшали его лице 1). Обыкновенно грубый въ обращеніи, онъ не перемѣнялъ онаго ни съ кѣмъ, и равно принималъ какъ вельможу, такъ и послѣдняго изъ гражданъ. Никто не смѣлъ взѣхать къ нему надворъ. Самъ Петръ, навѣщая Князя-Кесаря, оставлялъ одно-колку свою у песовыхъ ворошь его,

и пѣшкомъ подходилъ къ его дому 2); никогда не садился въ каретѣ съ нимъ рядомъ, а всегда напередѣ 3). Въ обществахъ никто не смѣлъ сѣсть передъ нимъ. Приходившіе къ нему, какого бы они званія ни были, должны были прежде поклона хозяину, осушить большой кубокъ простаго вина, приправленнаго перцемъ, поднесеннаго на золотомъ блюдѣ ручнымъ медвѣдемъ. Худо тому, кто вздумалъ бы отказать! медвѣдь, упустивъ блюдо, вѣщлялся въ парикъ или волосы гостя, и до тѣхъ поръ не давалъ ему покоя, пока сей не соглашался принять чинимаго ему привѣтствія 4). Простые щи, кулебяка съ угремъ, разварная сѣрлядь и баранья буженина съ чеснокомъ, были главными кушаньями его обѣдовъ. Столъшніе меды, пива, нашоенные ягодами, и изрѣдка маль-

вазія, наполняли золотыя или серебряныя кружки, поставленные передъ каждымъ приборомъ. Въ осеннее время, когда хлѣбъ былъ убранъ съ полей, отправлялся онъ изъ Москвы, чтобы въ окрестностяхъ сей столицы, въ рощахъ, прилежащихъ къ селамъ Коломенскому, Измайлову и далѣе, потѣшился охотою, а особенно соколиною, которую любилъ до страсти. Ни одинъ владѣтельный князь Германіи, можешь быть, не показывалъ въ подобныхъ случаяхъ такой пышности, какую являлъ сей Рускій вельможа. Въ то время бояре поставляли за славу имѣть во дворѣ многочисленную челядь: одни содержали домовыя войска, родъ тѣлохранителей, состоявшія большею частію изъ дворовыхъ людей, одѣтыхъ въ цвѣта, находившіеся на гербахъ господъ; другіе имѣ-

ли каждый свой дворъ, составленный изъ бѣдныхъ дворянъ на жалованьѣ, и устроенный у однихъ, на подобіе двора древнихъ Рускихъ Царей, у другихъ по образцу Европейскихъ дворовъ 5). Въ день, назначенный княземъ Ромодановскимъ для охоты, множество ловчихъ, сокольничихъ, подсокольничихъ и поддашней въ зеленыхъ чекменяхъ съ золошыми или серебряными нашивками, или опушеныхъ иногда соболями, въ красныхъ шараварахъ и желтыхъ сапогахъ, въ длинныхъ по локоть лосиныхъ рукавицахъ и горностаевыхъ шапкахъ; съ перевязями черезъ плечо, одною изъ серебряной песьмы, къ кошорой привѣшена была обитая бархатомъ ллдушка, и другою золошою, на коей висѣлъ серебряный рогъ, опоясанные ремнями, которые увѣшены были

жольцами, собравшись у ворошъ, ждали повелѣній князя - кесаря. По данному знаку выѣзжали они, при звукахъ роговъ, на горскихъ лошадяхъ въ поле: одни, ведя за собою на смычкахъ своры собакъ, другіе, неся на прикрѣпленныхъ къ пальцамъ спальныхъ кляпышахъ (*), обвитыхъ серебряною или золотою проволокою, Сибирскихъ кречетовъ съ привѣщенными къ шейкамъ бубенчиками, подъ бархатными клубучками, шитыми серебромъ, золотомъ или разноцвѣтными шелками б). Князь-кесарь приглашалъ обыкновенно многихъ вельможъ для раздѣленія сей забавы. Онъ самъ выѣзжалъ на Арабскомъ жеребцѣ. Свита его, простиравшаяся иногда до 500 человекъ,

(*) Такъ назывались палочки изъ металла или твердаго дерева, на которыхъ сокольничіе держали кречетовъ.

вся посажена была на лошадяхъ съ его конюшенъ; большой обозъ со съестными припасами и напishками ѣхалъ въ слѣдъ. Во время охоты подсокольниковіе подавали князю и госпямъ его кляпыши съ кречепами. Собаки напускались для ошысканія добычи; едва она подымалась, державшіе на рукахъ кречетовъ снимали съ нихъ клобучки, и громкіе крики одобренія сопровождали сихъ вѣрныхъ охотниковъ, когда, пуспившись стрѣлою на добычу и поразивъ ее, они по свису сокольникаго, возвращались къ своимъ господамъ. Охота оканчивалась сытымъ обѣдомъ. Тѣ изъ простыхъ ловчихъ или сокольниковъ, которые имѣли случай ошличиться, удостоивались чести раздѣлять трапезу князя. За множествомъ блюдъ слѣдовала общая попойка: большія чаши, наполненныя

виномъ, переходили изъ рукъ въ руки, и чѣмъ ловля была успѣшнѣе, тѣмъ пиръ былъ шумнѣе. — Таковыя охоты продолжались иногда по нѣсколькимъ мѣсяцевъ сряду. Петръ не любилъ сего рода забавъ, но снисходилъ къ прихотямъ сватца своего, князя Федора Юрьевича.

Сія священная привязанность къ старинѣ оставалась почти наслѣдственною въ родѣ князей Ромодановскихъ. По смерти князя Федора Юрьевича, сынъ его князь Иванъ Федоровичъ, принявъ титулъ отца (*); руководствовался его правилами и въ домашней жизни. Тоже обращеніе со

(*) Титулъ Князя Кесаря, данный Петромъ князю Федору Юрьевичу передъ первымъ отъѣздомъ его въ чужіе края въ 1697 году.

всѣми, потѣ же эшкешъ, шѣ же забавы. Число послѣдователей Ромодановскаго было многочисленно. Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, Допухины, Нарышкины и много другихъ вельможъ, кошорыхъ имена менѣе извѣстны, старались по возможности соглашать обычаи предковъ своихъ съ шѣми, какіе дворъ вводилъ въ употребленіе.

Графъ Ѳеодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, также какъ и князь Ѳеодоръ Юрьевичъ, былъ свашъ Государю и пользовался отличнымъ уваженіемъ Петра. Домъ его въ два эшажа, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Зимній дворецъ 7), былъ однимъ изъ обширнѣйшихъ въ Петербургѣ; при ономъ находился большой садъ, извивавшійся по берегу Невы до нынѣшняго адмиралтейскаго бульвара. Убранство комнатъ соотвѣш-

ствовало обширности зданія: вездѣ на стѣнахъ видны были штофные обои, тяжелые столы съ насѣчками изъ кости или разноцвѣтнаго дерева и съ вызолоченными ножками, кресла и стулья съ высокими спинками, обитыя рышымъ бархатомъ. Гостепріимство было одною изъ главныхъ добродѣтелей генераль-адмирала. Всякій день, въ 4 часа по полудни 8), спавились у него для полдника (лѣтомъ въ аллеяхъ или бесѣдкахъ сада, зимою въ обширныхъ галереяхъ дома) столы, одни съ холодными кушаньями, сахарными закусками и плодами на сребреномъ, вызолоченномъ сервизѣ; другіе съ разнаго рода винами. Апраксинъ, отдохнувъ послѣ обѣда, приходилъ въ залу, гдѣ ждали его собравшіеся госпн. При звукахъ духовой музыки, расположенной въ разныхъ

концахъ сада или въ галереяхъ, гости садились за столы, и начиналась пирушка. Одни уходили, другіе приходили; слуги перемѣняли блюда и особенно буылки, и бесѣда продолжалась до 10 часовъ вечера. По общепринятому въ то время мнѣнію, умѣнье жить состояло въ томъ, чѣмъ хорошо накормить и напоить гостя, въ какое бы время онъ ни пришелъ. Отказываться отъ предлагаемаго хозяиномъ; было неучтиво, и молодой человѣкъ, который не выпивалъ столько, сколько пилъ старшій, показывалъ неуваженіе къ хозяину и ко всѣмъ присутствовавшимъ. Добрый адмиралъ имѣлъ особенное дарованіе угощать приходившихъ къ нему: часто видали сего почтеннаго шарика съ обнаженной головою, покрышою сѣдинами, стоящаго на колыняхъ пе-

редь упрямымъ гостемъ съ прозбою осушить еще послѣдній кубокъ. Опъ того рѣдко кто уходилъ опъ него не навеселѣ. Носивъ званіе генераль-адмирала, графъ Апраксинъ составлялъ, послѣ Петра, главное лице при закладкѣ и спускахъ кораблей. Послѣ закладки Императоръ со всею фамиліею и всѣ присутствовавшіе при церемоніи съѣзжались къ нему, чтобъ за кубкомъ вина пожелать благополучнаго окончанія начашому дѣлу. Однажды въ 1721 году вздумалъ онъ при подобномъ случаѣ позабавить гостей своихъ шравлею. Сія любимая забава прежнихъ нашихъ Царей выходила тогда уже изъ обыкновенія, а опъ того новостъ сего явленія привлекла толпы любопытныхъ. На площади передъ графскимъ домомъ, нынѣшней Дворцовой, построили родъ полукруглаго

амфитеатра. — Когда посѣщители собрались въ галереяхъ адмиральскаго дома, впустили въ ограду дикаго медвѣдя и льва изъ тѣхъ, которыхъ посланникъ Волынскій привезъ въ 1714 году изъ Персіи. Началась жестокая борьба: разъяренные звѣри быстро бросались другъ на друга; попеременно слышны были то ревъ одного, то рыканіе другаго; наконецъ медвѣдь, изнутивъ противника, началъ браться вверхъ: но Царь, опасаясь, чтобъ левъ не сдѣлался жертвою въ сей стычкѣ, приказалъ прекратить правлю. Иногда въ отсуствіе Петра изъ столицы, генераль-адмиралъ принималъ въ своемъ домѣ посланниковъ: Бухарскихъ, Калмыцкихъ и Хивинскихъ. Въ другое время, командуя на Кронштапской рейдѣ флотомъ, давалъ онъ морскіе празд-

ники 12). Всѣ снасти судовъ украшались разноцвѣтными флагами : въ одномъ мѣстѣ слышны были пѣсельники ; въ другомъ звуки духовыхъ инструментовъ ; здѣсь мапросы , для забавы съѣхавшихся изъ Петербурга гостей , ломались , кривлялись и прыгали ; тамъ показывали они ловкость свою , бѣгая по веревкамъ и спускаясь съ мачтъ. Съ наступленіемъ вечера , палуба , мачты , реи и всѣ снасти были освѣщены. Богатый ужинъ , состоявшій какъ обыкновенно изъ множества блюдъ , ждалъ посѣпителей. При каждомъ посѣп палили изъ пушекъ , и не рѣдко залпъ изъ всѣхъ орудій , при послѣднемъ здоровѣ въ честь основателя Россійскаго флота , заключалъ собраніе. Никто не возвращался домой съ сихъ праздниковъ въ шопъ же день. Генераль - адмираль поставлялъ

въ яномъ славу, чѣтобъ хорошо уго-
спитиъ дорогихъ своихъ поспѣшителей,
которыя расходились не прежде какъ
при выстрѣлѣ пушки, возвыщавшей на
другой день упренную зорю.

Между боярами, способствовавши-
ми Петру къ переобразованію Рос-
сійскихъ нравовъ, первое мѣсто за-
нимаетъ фельдмаршалъ Борисъ Пеш-
ровичъ Шереметевъ (3). Еще въ ма-
лолѣтствѣ Петра употребляемъ онъ
былъ въ заграничныхъ посольствахъ.
По окончаніи Азовскаго похода, въ ко-
торомъ явилъ онъ въ себѣ будущаго
героя подъ Полтавой, Шереметевъ,
восхищенный устройствомъ видѣн-
ныхъ имъ странъ, рѣшился поспѣшить
ихъ снова, и въ то время, когда
Петръ, съ топоромъ въ рукахъ спро-
силъ суда на Заандамской верфи, ближ-
ній бояринъ его искалъ просвѣщенія

на противоположномъ концѣ Европы. Онъ видѣлъ Вѣну и пышный дворъ Леопольда, богатую Венецію и дожа ея во всемъ его великолѣпіи, величественный Римъ съ его развалинами, и наконецъ Мальту, коей воинственные рыцари приняли его въ число своихъ собратій. Возвратившись въ отечество, онъ первый подалъ собою примѣръ той утонченности въ нравахъ, того приличія, которыя послѣ старался распространить между своими соотечественниками. Первый изъ Русскихъ явился передъ Петромъ во Французскомъ кафтанѣ съ Мальтійскимъ крестомъ на груди и въ осыпанной бриліаншами шпагѣ, подаренной ему Императоромъ Леопольдомъ. Онъ любилъ пышность, но не Азіатскую, не шу, которая безъ нужды слѣпнеть глаза, распространяясь на все безъ разбора.

Домъ фельдмаршала, на Фоншанкѣ прошивъ Лѣшняго сада ¹⁴⁾, былъ прибижищемъ для всѣхъ немущихъ: за столъ его, на которомъ не ставилось менѣе 50 приборовъ, даже въ походное время, садился всякій, званый и незваный, знакомый и незнакомый, и только съ условіемъ чѣмъ бы не чинишься передъ хозяиномъ. Обѣды его, приготовленные лучшимъ образомъ, не обращались никогда въ шумные пиры: фельдмаршалъ ненавидѣлъ излишество и не любилъ бесѣды, въ то время обыкновенныхъ, въ которыхъ кубки съ виномъ играли главную роль. Самъ Петръ сколько уважалъ его, что никогда не принуждалъ пить, и во время праздниковъ Государевыхъ, Щеремешевъ и князь Михайла Михайловичъ Голицынъ одни освобождены были отъ наказанія, состоявшаго въ

осушеніи кубковъ *большаго орла*. Общество его состояло изъ людей самыхъ образованныхъ: генераль-фельдцейгмейстера Брюса, Англійскаго посланника лорда Витворша, Прусскаго Мардефельда и другихъ иностранныхъ министровъ и ученыхъ, находившихся тогда въ Россіи, и, не смотря на малое просвѣщеніе того времени, молодые люди считали за честь и славу, если могли попасть въ вечернія собранія фельдмаршала. Не было, можетъ быть, человека въживѣе и ласковѣе въ обращеніи. Часто, разъѣзжая по Москвѣ, окруженный множествомъ скороходовъ, бѣгуновъ и домовыми войсками, останавливался онъ на улицѣ и выходилъ изъ кареты, чтобъ подать руку старому сослуживцу. Послѣдніе годы жизни своей посвящилъ онъ благошворительности.

Онъ умеръ въ 1719 году, любимый войскомъ и народомъ. Петръ уважалъ его чрезвычайно, называлъ его своимъ Баярдомъ и Тюренемъ, всегда встрѣчалъ и провожалъ его до двери своего кабинета, и поставилъ бы ему монументъ въ Невскомъ монастырѣ, еслибъ смерть не помѣшала Государю въ исполненіи сего намѣренія ¹⁵⁾.

Но никто изъ приближенныхъ къ особѣ Петра не жилъ великолѣпнѣе любимца его, князя Меншикова. Зная, что Государь, сохранявшій простоту во всемъ, лично до него касавшемся, любилъ, вышедъ изъ частнаго быту, окружать себя блескомъ, Меншиковъ, въ угодность ли Монарху, или по собственной склонности, показывалъ въ частной жизни пышность, соотвѣшшвенную высокому званію владѣтельнаго князя Ижорскаго и

Ингерманландскаго. Онъ имѣлъ своихъ камергеровъ, камеръ-юнкеровъ и пажей ¹⁶). Домъ его на Васильевскомъ острову, на самомъ берегу Невы, тамъ гдѣ нынѣ 1 кадетскій корпусъ, былъ въ погдашнее время обширнѣйшимъ и красивѣйшимъ зданіемъ въ Петербургѣ ¹⁷). Обои шпифные и гобеленовые, подаренные Петру I въ Парижѣ, большіе бронзовые часы съ боемъ и курантами, люстра изъ цвѣтнаго хрустала съ золошыми или серебряными вѣшьями, большія венеціянскія зеркала въ зеркальных рамахъ съ позолоченными обручиками, сполы на шолешыхъ, вызолоченныхъ ножкахъ съ выкладками изъ разноцвѣтнаго дерева, представлявшими всякаго рода звѣрей и птицъ, диваны и спулья, обитыя шелковыми тканиями, съ высокими спинками, на копорыхъ изображенъ былъ гербъ

хозяина съ княжескою короною, и Персидскіе ковры на полу, служилили украшеніемъ комнасть. За домомъ простирался обширный садъ, лучшій въ Петербургѣ послѣ Царскаго, съ оранжереями, сараями фруктовыхъ деревьевъ, пшичниками и небольшимъ звѣринцемъ 18). Въ первые годы пребыванія своего въ Петербургѣ, Пётръ часто давалъ въ семь жителямъ столицы домъ пиры, на которые отпускалъ князю по тысячѣ рублей 19). Иногда принималъ здѣсь иностранныхъ пословъ въ усроенной для сего нарочно шронной залѣ, подлѣ кошорой была гардеробная Государя 20). Онъ прѣзжалъ къ Меншикову запросто: передъ началомъ аудіенціи выходилъ изъ гардеробной въ шронную въ парадномъ кафтанѣ, и по окончаніи оной, сбросивъ шягосшную для себя церемоніаль-

ную одежду, уходилъ отъ своего любимца.

Роскошные праздники князя Меншикова болѣе всего походили на Европейскіе. Князь, столько способствовавшій Петру I въ произведенныхъ имъ перемѣнахъ, поспавлялъ въ томъ славу, чтобъ сколько можно приблизиться къ обычаямъ, какіе въ то время наблюдаемы были при образованнѣйшихъ дворахъ Европы: ибо зналъ, что ничѣмъ лучше не угодишь Петру. Госпни прїѣзжали къ нему въ лодкахъ: на берегу рѣки, у крыльца, на лѣстницѣ и у всѣхъ дверей встрѣчали ихъ, при звукѣ трубъ и лишавръ, пажи, камеръ-юнкеры и камергеры князева двора, въ синихъ мундирахъ, шитыхъ золотомъ, въ башмакахъ съ золотыми пряжками и въ цвѣтныхъ шелковыхъ чулкахъ съ золотыми или

серебряными стрѣлками. Обѣды его, приготовленные лучшими выписанными изъ Парижа поварами ²¹), состояли иногда изъ 200 блюдъ и подавались на золотомъ сервизѣ: погребѣ наполнены были лучшими винами. Народъ толпился на улицахъ, чтобъ по-смотрѣть на князя, когда онъ въ торжественные дни ѣхалъ во дворецъ. Въ погдашнее время многочисленная услуга и пышность въ экипажахъ составляли необходимость для людей хорошаго шона. Баринъ или барыня не могли выѣхать изъ дому, въ саняхъ ли или въ каретѣ, безъ того чтобъ, кромѣ слугъ позади, не имѣли впереди себя нѣсколькихъ верховыхъ, которые днемъ разгоняли на улицахъ народъ, а ночью, неся въ рукахъ длинные факелы, указывали и освѣщали дорогу ²²). Въ большіе праздники любимецъ Петра,

перейхавъ черезъ Неву на выложенной зеленымъ бархатомъ внутри и раззолоченной снаружи лодкѣ, выходилъ у своей австеріи, находившейся на Исакиевской площади, шамъ гдѣ нынѣ сенатъ. Отсюда начиналось торжественное его шествіе: впереди шли скороходы и служители дома въ богатой ливреѣ, попомъ ѣхали музыканшы и пажи верхомъ, въ синихъ суконныхъ и бархатныхъ кафшанахъ съ золотыми позументами по швамъ; за ними самъ князь въ каретѣ, сдѣланной на подобіе вѣера, на низкихъ колесахъ, съ золотымъ гербомъ на дверцахъ и большою княжескою короною изъ того же металла на имперіалѣ, и запряженной шестью лошадьми въ уборѣ изъ малиноваго бархата съ золотыми или серебряными украшеніями. По сторонамъ шло по три камеръ-

юнкера, изъ конхъ одинъ держался за ручку карешныхъ дверецъ, и наконецъ небольшой отрядъ драгунъ князева полка заключалъ шествіе.

Не буду говорить о гостепріимствѣ Шафирова, въ домѣ котораго на Пешбургской сторонѣ неподалеку отъ Сампсоньева моста ²³), была обширнѣйшая въ Пешбургѣ зала, и коего погребъ заключалъ въ себѣ лучшія вина; о жившемъ подлѣ графѣ Головкинѣ ²⁴), коего бережливость обратилась въ пословицу и котораго дочери по образованію, любезности и красотоѣ были въ числѣ первыхъ дѣвицъ въ столицѣ ²⁵); объ ученомъ и веселомъ князѣ Кантемирѣ, коего супруга, урожденная княжна Трубецкая, слыла первою красавицею въ Пешбургѣ; о племянницѣ ея, милой княжнѣ Черкасской; объ Измайловѣ, посланникѣ нашемъ въ

Пекинѣ въ 1720 году, коего домъ былъ весь меблированъ въ китайскомъ вкусѣ; наконецъ о баронѣ Спрогоновѣ, на роскошныхъ пирахъ котораго являлось до 20 дѣвицъ, игрою на арфѣ и пѣніемъ восхищавшихъ зрѣніе и слухъ посѣщителей. Описаніе ихъ образа жизни наскучить однообразіемъ. Перейду къ обыкновеніямъ, которыя были почти общими въ то время всѣмъ, составлявшимъ высшее общество.

Примѣръ двора, всячески старавшагося сблизить всѣ состоянія и распространить общественную жизнь между Рускими, скоро подѣйствовало на людей, у которыхъ гостепріимство было врожденною добродѣтелію. Тогда эпикетъ не раздѣлялъ еще состояній столько, сколько теперь; зазывныхъ билетовъ не знали; приглашали только самыхъ знатныхъ;

прочіе, знакомые и незнакомые, приходили въ назначенный часъ, садились за столъ, и покушавъ хлѣба - соли, уходили, часто не заботясь о хозяинѣ. Хозяинъ или хозяйка встрѣчали гостей въ дверяхъ, при звукѣ трубъ и лишавръ, поклономъ и рюмкою водки или вина. Обѣды, начинавшіеся въ 12 часовъ, были продолжительны и состояли изъ множества блюдъ. Въ частныхъ собраніяхъ, когда съѣзжались одни корешкіе знакомые, жребій назначалъ дамъ кавалера, который долженъ былъ ее вести къ столу, садиться рядомъ съ нею и обслуживать за обѣдомъ. Во время стола доморощенный музыкантъ забавлялъ гостей игрою на гусяхъ. Въ торжественные дни вмѣсто гуслей слышны были духовые инструменты: дамы находились въ одной, а кавалеры въ дру-

гой комнаѣ. Въ концѣ обѣда подносили первымъ сахарныя закуски, къ мужчинамъ же приносили ящики съ винами: Венгерскимъ, Рейнскими и нѣкошорыми Французскими. Начинались посты: обыкновенно предлагалы оныя самъ хозяинъ. Когда случалось, что Государь находился въ числѣ пирующихъ, то первымъ постомъ было всегда призваніе Божіей милости, а вторымъ благоденствіе семейству Ивана Михайловича Головина, то есть, флоту (*). Петръ считалъ сей постъ

(*) Генераль-маіоръ Головинъ отправленъ былъ Петромъ I въ концѣ XVIII вѣка въ Венецію выучиться Италіянскому языку и строенію кораблей, а особенно галеръ; но сіи занятія были не по его вкусу. Четыре года пробылъ онъ въ Венеціи, и одинъ только разъ былъ на тамошней верфи. Когда онъ воротился, Царь для испытанія повелъ его въ адмиралтейство;

столь важнымъ, что общалъ шушу своему Португальцу Лакосту 100.000 рублей, если бы случилось когда нибудь пропустишь оный. Во время стола Государь уходилъ отдыхать и черезъ часъ возвращался. Послѣ обѣда гости переходили въ другую комнату къ дамамъ, гдѣ ждали ихъ чай, кофе и лимонадъ. Если общество было не

но первые свѣдѣнія Головина показали, что онъ не имѣлъ понятія о кораблестроеніи. Выучился ли ты хоть по Италіянски? спросилъ Петръ. — Очень мало, Государь. — Чтоже ты дѣлалъ? — Курилъ шабакъ, пилъ вино, и игралъ на басу, отвѣчалъ Головинъ. — Сей лаконизмъ и опроекенность понравились Петру, и Государь, какъ будто въ шутку, сдѣлалъ его адмиралтейскимъ совѣтникомъ и главнымъ надзирашелемъ С. Петербургской корабельной верфи. Петръ любилъ Головина за его прямоту, испытанную вѣрность и за оказанное въ сраженіяхъ мужество.

многочисленно, и не лѣзя было танцовать, то призывали домашняго козака, который шѣшилъ поѣстишелей пляскою съ припѣвомъ и игрою на торбанѣ, или на балалайкѣ. Въ другое время, когда не случалось гостей, передъ конми надлежало чиниться, садились играть: мужчины между собою въ кости, шахмашы или шашки; замужнія дамы съ нѣкоторыми кавалерами въ короли, марьяжъ, ломберъ, ламушь или ланпре; дѣвушки съ молодыми мужчинами забавлялись игрою въ фанты, или въ кошку и мышку, или въ жгушы, и тому подобное.

Общества наши того времени представляли странную противоположность: совершенную непринужденность между мужчинами и самый строгій этикетъ въ обращеніи съ женщинами. Простое обхожденіе Петра

служило примѣромъ для подданныхъ. Въ собраніяхъ одни лѣта давали право на опличіе: часпо вельможа, занимавшій важнѣйшее мѣсто въ государствѣ, вставалъ передъ человекомъ низшаго званія, покрытымъ сѣдинами. Особенно старшіе въ семьяхъ пользовались у младшихъ уваженіемъ, котораго слѣды и теперь примѣсны въ коренныхъ Рускихъ фамиліяхъ: такъ напримѣръ, герой Финляндіи, князь Михайла Михайловичъ Голицынъ, имѣя около 60 лѣтъ отъ роду, не смѣлъ никогда садиться при братѣ своемъ князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ, который былъ нѣсколькими годами старше. Семейственная жизнь Рускихъ бояръ представляла нѣчто папріархальное. Родственные связи уважались гораздо болѣе нынѣшняго. Въ семейственный праздникъ всѣ родные съѣзжались

къ дававшему оный. Старшій занималъ почешное мѣсто; прочіе, мужчины и женщины, составивъ около него большой кругъ, ждали позволенія сѣсть. Когда всѣ занимали свои мѣста, онъ начиналъ разговоръ, входилъ въ обшпашельства каждой семьи: однимъ давалъ совѣты, другимъ дѣлалъ замѣчанія, и словомъ, распоряжалъ дѣлами каждаго. Никшо изъ присуществовавшихъ самъ собою не могъ заговаривашъ съ старшимъ или обращашъ къ другимъ во время его разговоровъ; все дѣлалось по его волѣ; всѣ старались о томъ только, чшобъ ему угодить.

Нѣсколько сотъ лошадей на конюшнѣ, множество каретъ, колясокъ, фашоновъ и колымагъ въ сараяхъ, и многочисленная дворня составляли принадлежность всякаго дворянскаго

дома. Между слугами нѣкоторыя пользовались преимущественно опличіемъ передъ прочими. Няня завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ; шушь или дуракъ садился иногда за столъ съ господиномъ и имѣлъ позволеніе говорить, что ни приходило ему на умъ; сказочникъ находился при баринѣ, когда онъ ложился спать, и обязанъ былъ, сидя у ногъ его на постели, рассказывать всякій день что нибудь новое до шѣхъ поръ, пока господинъ не уснетъ крѣпкимъ сномъ. За обѣдомъ слуга, опличавшійся долговременною службою въ домѣ, имѣлъ право, стоя за спуломъ, вмѣшиваться въ разговоръ господъ своихъ. Въ большіе праздники всѣ шолопоу приходили поздравлять своего господина или госпожу, которые подносили имъ по рюмкѣ вина. Для обѣдовъ каждый день накрывались длин-

ные столы, покрытые множествомъ
разнаго рода блюдъ, если даже сади-
лось за столъ не болѣе двухъ чело-
вѣкъ. Когда не случалось посторон-
нихъ, баринъ, вѣроятно по примѣру
прежнихъ царей, которые свой столъ
посылали на домъ къ подданнымъ, ко-
ихъ хотѣли опличить, разсылалъ съ
своего стола блюда, или, какъ ихъ
называли, *подаги*: нянь, дворецкому,
конюшему, сказочнику и другимъ изъ
служившей, пользовавшихся его ми-
лостію.

Женщины не имѣли въ то время та-
каго вліянія на общества, какимъ поль-
зуются нынѣ. До Петра показывались
онѣ между мужчинами рѣдко, и то на
нѣсколько минутъ. Къ концу обѣда,
за хлѣбнымъ, входила въ комнату,
гдѣ сидѣли за столомъ мужнины госжи,
нарумяненная хозяйка въ кокошникѣ,

бархашной, обложенной соболемъ шь-
логрѣйкѣ, и башмакахъ съ высокими
каблуками. За нею дочери, съ повяз-
ками на головахъ, въ цвѣтныхъ сара-
фанахъ и башмакахъ такихъ же какъ
умашери. Остѣнивъ себя при раза кре-
стомъ передъ споявшею въ углу ико-
ною и поклонившись гостямъ, онѣ, не
говоря ни слова, подносили каждому
по чешыре кубка: съ водкою, виномъ,
пивомъ и медомъ. Каждый гость дол-
женъ былъ осушить кубки за здоровье
красавицъ, и въ благодарность полу-
чалъ отъ нихъ поцѣлуй въ щеку. —
Симъ ограничивалось участіе женщинъ
въ обществахъ, пока указы Петра
не дали имъ правъ, равныхъ съ пра-
вами мужчинъ. Одѣшья въ европейскія
плащья, выученныя танцовать и го-
ворить по Нѣмецки, онѣ перестали
замѣняять природный румянецъ под-

дѣльнымъ, чернить зубы и брови; радовались большей свободѣ; но, не смотря на всѣ старанія Государя, по привычкѣ, или слѣдуя внушенію старушекъ, сохранили въ обращеніи съ мужчинами нѣкоторую дикость, поддерживаемую господствовавшимъ въ то время мнѣніемъ. Дѣвушка въ обществѣ, чѣмъ не нарушить правилъ приличія, не могла вступать въ разговоръ съ незнакомымъ мужчиною, а если была къ тому принуждена, то должна была отвѣчать на всѣ вопросы самымъ короткимъ образомъ, и если можно не болѣе какъ *да - съ* и *нѣтъ - съ*; не могла два или три раза панцовать въ вечеръ съ однимъ мужчиною, если онъ ей былъ не родственникъ. Замужнія пользовались большею свободою, но и эта свобода была гораздо ограниченнѣе нынѣшней.

При такой застѣчивости женщины не могли имѣть большаго вліянія на мужчинъ. Однакоже оно существовало. Желаніе нравиться, почти врожденное всѣмъ людямъ, занимало тоѣ и другой полъ. Костюмы сдѣлались щеголеватѣе, или лучше сказать, пышнѣе прежняго. У женщинъ появились плащя, шнѣя золопомъ, серебромъ, или унизанныя жемчугомъ; у мужчинъ цвѣтныя бархашныя кафтаны съ пуговицами изъ золота или драгоценныхъ камней; прически *à la Vallière* и длинныя алонжевыя парики. Обращеніе съ женщинами сдѣлалось принужденнѣе. Между мужчинами родилась услужливость къ дамамъ, копорая еще носила примѣшны своего младенчества. Такъ напримѣръ, однажды въ 1721 году, чтобъ почтѣнѣе красому княгини Каншемирь,

гости, собравшись послѣ обѣда у нее въ спальнѣ, пили ея здоровье изъ вещей, принадлежавшихъ къ ея туалету: стеклянныхъ башмаковъ, сапожковъ и проч. Въ обществѣ учтивый кавалеръ долженъ былъ поднести дамамъ, копорыхъ хотѣлъ оплечить, букетъ свѣжихъ цвѣтовъ. На улицѣ, встрѣчался ли ѣхавшій мужчина съ знакомою дамою въ каретѣ, оба экипажа съ многочисленною ихъ свитскою останавливались; кавалеръ, не взирая на погоду, выходилъ изъ своего, и съ обнаженною головою, держа шляпу въ рукахъ, подходилъ къ каретѣ красавицы, чѣмъ имѣть удовольствіе привѣтствовать ее поцѣлуемъ руки.

Таковы были обыкновенія въ высшемъ классѣ обществъ при Петрѣ I. Въ простомъ народѣ оставались съ Русскою одеждою и обычая старинные.

Они также измѣнялись, но весьма мало, и теперь еще являются наблюдателямъ почти въ первоначальной своей простотѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ОБЩЕЖИТІЕ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ
ВЪ XVII И XVIII СТОЛѢТІЯХЪ.

РОДИНѢ МОЕЙ.

Спрана, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые попоки,
Злаптыя игры первыхъ лѣтъ,
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнишь?
О родина святая!
Какое сердце не дрожишь,
Тебя благословляя?

Жуковскій.

ОБЩЕЖИТІЕ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ ВЪ ХVІІ И ХVІІІ СТОЛѢТІЯХЪ.

Въ отечественную войну 1812 года Донское войско показало свѣшу свои чувства: всѣ казаки, и старцы и юноши, взялись за оружіе, подвизались за вѣру и отечество.

При первомъ звукѣ воинской трубы старый Донской воинъ Побѣдинъ, секундъ-маіоръ прошедшаго столѣтія, выслалъ своего послѣдняго сына и внука въ полкъ, въ которомъ старшій его сынъ служилъ есауломъ; когда же образовалось ополченіе, самъ ста-

рикъ, снявъ со стѣны дѣдовскую саблю, пошелъ къ Москвѣ — умереть подъ стѣнами ея или торжесшвовашъ побѣду съ братьями.

Между шѣмъ многочисленныя полчища Наполеона, опустошая Россію, приближались къ древней столицѣ. Есауль Побѣдинъ, проходя съ отрядомъ, чрезъ деревню Гжи Б., отблываяйку мародѣровъ, готовившихся расхищать ея имущество. Казаки прогнали непріятеля, но дорого заплатили за сей успѣхъ: есауль былъ убитъ; съ нимъ вмѣстѣ пали братъ и сынъ его. Донскіе воины, оплакавъ смерть своего начальника, погребли его въ одной могилѣ съ его родными; Гжа Б. и признашельные поселяне оросили слезами смиренный крестъ, воздвигнутый надъ прахомъ храбрыхъ защитниковъ отечества.

Старикъ Побѣдинъ получилъ роковую вѣсть о сей потерѣ подъ Москвою; общія несчастія отечества заглушили въ душѣ его голосъ скорби. Дѣти мои умерли, какъ должно Русскимъ воинамъ, думалъ онъ; грѣшно сокрушаться о нихъ. Святая Русь мать моя; родимый Донъ мое семейство; я еще не сирота. Царь призришь старость мою, Господь Богъ низпошлетъ утѣшеніе.

Побѣдинъ кончилъ кампанію, былъ два раза во Франціи, и осенью 1815 года возвращался домой, украшенный орденами и ранами. Въ пылу сраженій, въ торжествѣ побѣдъ, онъ помышлялъ единственно объ отечествѣ и не чувствовалъ грусти; но она опоздалась въ душѣ его въ тишинѣ мира. «Другіе возвращаются на радость въ дома, а я побѣду поплакалъ на могилахъ

родныхъ, » сказала онъ; взялъ отпускъ, и пошелъ на то мѣсто, гдѣ навѣки погребено было его семейственное счастье.

Надъ прахомъ дѣшей своихъ Побѣдинъ нашелъ памятникъ, воздвигнутый Гжею Б. Не взирая на швердость спарика, грусть, попрысшая его душу, раскрыла его раны, и чрезъ нѣсколько дней онъ слегъ въ постелю; искусство медика, при искреннемъ участіи Гжи Б., скоро возвратило его къ жизни, но не къ счастью.

У Гжи Б. уже все было готово къ отъѣзду въ Москву; она убѣдила Побѣдина сопутствовать ей, съ тѣмъ, чтобы опшуда не прежде опправиться на свою родину, какъ по совершенномъ выздоровленіи.

Въ домѣ Гжи Б. въ Москвѣ собиралось отличное общество; всѣ, кшо

къ ней ѣздили, принимали истинное участіе въ положеніи Побѣдина. Взявъ съ особеннымъ уваженіемъ на защитниковъ отечества, всякій разъ осыпали Побѣдина вопросами о его родинѣ и образѣ жизни его земляковъ, о ихъ обычаяхъ, увеселеніяхъ и проч.

Ошвѣты его подавали поводъ къ новымъ вопросамъ. Онъ говорилъ о началѣ казаковъ, о первыхъ ихъ подвигахъ, о частной ихъ жизни: его-то рассказы рѣшился я здѣсь представить публикѣ.

РЫЦАРСКАЯ ЖИЗНЬ КАЗАКОВЪ.

Казакѣ въ первобытномъ состояніи вели жизнь полудикую, своевольную, почти кочевую, и безпрестанно искали приключеній или добычи на водахъ и степяхъ Украины. Составленные изъ пришлецовъ разныхъ земель и областей, сіи разноплеменные толпы не знали утонченностей обществнаго, жили въ шалашахъ, питались плодами, рыбою и дичиною; все наслажденіе полагали въ войнѣ и набѣгахъ.

Только въ XVIII столѣтіи гражданская жизнь казакѣ приняла видъ образованности; отсюда я начну свой рас-

казь. Но и въ это время не найдете разнообразія свѣтской жизни среди жилищъ казачьихъ: тогдашній Донецъ въ занятіяхъ, въ опдыхъ, въ забавахъ, является всегда воиномъ. Во снѣ и наяву одна мысль занимаетъ его: оружіе, слава и добыча; война его снѣхія, его радость. Древность наша заключается въ *Рыцарской жизни казаковъ*, въ кошорой вы не встрѣтите ничего похожаго на нынѣшнее.

По правому берегу Дона, отъ устья рѣчки Аксая до нынѣшней Воронежской губерніи, въ глуши лѣсовъ, между непроходимыми болотами, были разсѣяны небольшія крѣпости, единственные ихъ жилища, извѣстные тогда подъ именемъ *городковъ*. Въ нихъ городкахъ, гдѣ едва помещалось нѣсколько бѣдныхъ избъ, или землянокъ, казаки, имѣя въ сосѣдствѣ без-

покойныхъ враговъ, проводили всю свою жизнь, точно какъ на бивакахъ; не могли по этому заботиться ни о красотѣ, ни объ удобности домовъ своихъ; старались только имѣть приютъ и защиту отъ непогоды, полагая, что нарядныя строенія привлекутъ къ нимъ жадныхъ непріятелей. « Пускай, говорили они, пламя на-
 « бѣговъ сожжетъ городки наши: черезъ
 « недѣлю заплещемъ новые плешни,
 « набьемъ ихъ землею, покроемъ избы,
 « и городокъ гошовъ; скорѣе врагъ
 « успанетъ сожигашъ наши жилища,
 « нежели мы возобновлять ихъ. »

Казакъ рѣдко жила въ своихъ городкахъ, а собирались всегда въ нижней части Дона въ *главное войско* (главный городокъ), откуда расходились уже въ походы. Сначала Раздоры, потомъ Монаштырскій, и наконецъ

Черкасскій, одинъ послѣ другаго были главными городками. Сіе *главное войско* представляло истинный воинскій станъ, въ которомъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, всегда вооруженныхъ, жили подъ открытымъ небомъ. Множество различныхъ племенъ составляли это общество. На казакъ выдали смѣсь оружія и уборовъ разныхъ народовъ: Ногайское или Черкесское сѣдло; Крымская или Турецкая попона; Черкесская епанча; Руская пищаль, оправленная по турецки, и при ней рогъ и вязни; Персидская сабля; на поясѣ булашный ножъ съ черенками рыбьяго зуба; Турецкій сайдакъ (лукъ), ружье, рогатина, составляли богатство и украшеніе тогдашнихъ казаковъ. Каждый день собирались они на площадь судить въ *кругу* своемъ о дѣлахъ общихъ и частныхъ; случалось ли вести

судъ о какомъ либо предложеніи отъ Рускаго Государя , или о другомъ важномъ дѣлѣ, выносили на середину *круга* жалованное Царемъ *знамя*. *Порожныхъ* или *пенныхъ* въ *кругъ* не пускали; имъ прощали вины при трудномъ какомъ либо предпріятіи, подѣ условіемъ заслужишь дарованную милость храбростію; въ такихъ случаяхъ писали въ призывныхъ граматахъ по городкамъ: « Собирайтесь въ войско всѣ ашаманы молодцы, *пенные* и *непенные*; а вины ихъ имъ опдадутся; ослушники же да лишаются расправы въ войскѣ. » Или « и на томъ (ослушникѣ) наша войсковая пеня: вѣкъ бишь и грабить, и суда ему въ войскѣ не будетъ. » Сіе послѣднее означало лишеніе гражданства.

Спрогая оспорожность наблюдалась въ *главномъ войскѣ*. Кромѣ того, что

самый городокъ обнесенъ былъ стѣною, двойная, а иногда тройная цѣпь пикетовъ охраняла станъ; учреждались ближніе и дальніе конные разъѣзды; военныя суда, покрывавшія берега Дона и пропоки, были прикованы цѣпями или зашоплены; спада и шабуны спереглись на островахъ, или между лѣсомъ и болошами, куда почти не было пути. Казаки гордились своею бѣдностію, и однажды, подобно Скиоамъ, они ошвѣчали Крымскому Хану на письмо, въ коемъ онъ угрожалъ прийти самъ для опустошенія ихъ жилищъ: «Донскіе казаки угрозъ твоихъ не боялся: хотя ихъ городки неко-
 « рыстны, оплечены плешнями и об-
 « вѣшены терномъ, но доставашь ихъ
 « надлежитъ пвердыми головами; спадъ
 « же и шабуновъ у насъ мало: напра-
 « сно забьешься ты въ шакую даль.»

Въ *главномъ войскѣ* рѣшались всѣ распоряженія о войнѣ и набѣгахъ; здѣсь кипѣла вѣчная дѣятельность: одни возвращались изъ похода, другіе отправлялись на поиски. Воиъ получена вѣсть, что Ташары хлынули на разореніе Украины: нѣсколько сотъ отважныхъ наѣздивковъ потчасъ бросающся на перевозки и броды, засѣдаютъ въ скрытыхъ мѣстахъ, и выждавъ непріятеля, опмщаютъ ему кровію за раны опечества; плѣнники и сокровища враговъ награждаютъ мужество храбрыхъ.

Иногда они вихремъ неслись въ области Тавриды, или въ кочевья Ногайцевъ: сокрытые опъ проникательныя взоры непріятеля шемнопою ночи, или мракомъ суроваго ненастья, они нападали на противниковъ въ расплохъ; пользуясь ихъ смятеніемъ прошекали, подобно молніи, улусы мусуль-

манскіе, прежде нежели устрашенный врагъ могъ опомниться, и возвращались въ войско съ табунами Татарскихъ коней и прелестными плѣнницами.

Еще чаще небольшія партіи охотниковъ, отъ 5 до 50 человекъ, пускались доспавать въ степей и плѣнныхъ, или къ Азову, или къ Ногайцамъ на Куму, Кубу и далѣе, или наконецъ въ Тавриду. Удальцы рыскали по степямъ, ища *сакмы* (*) непріятельской; слѣ-

(*) *Сакма*, Татарское слово, сдѣлавшееся у казаковъ пехвическимъ, означаетъ лошадиннй слѣдъ на травѣ. Казаки были столь опытны въ своихъ наблюденіяхъ, что узнавали по сакмѣ, во сколько лошадей прошелъ непріятель, куда имѣлъ направленіе, когда именно прошелъ, сего дня, вчера, претьяго дня и т. д.

длинъ враговъ, и настигнувъ брали плѣнныхъ или быстрымъ нападеніемъ, или подкравшись въ шемногъ ночной къ стану, или воспользовавшись оплошностію опспалыхъ. Когда не было *сакмы*, то наѣздники подбѣгали къ самымъ улусамъ, и шуть различными военными хитростями забирали добычу. Нерѣдко удавалось имъ отбивать цѣлые табуны, тысячи по двѣ и болѣе лошадей. Вообще въ этихъ поискахъ казакъ *шелъ въ травѣ съ травою равенъ*: высокій ковыль, кустикъ, пенъ, деревцо, ямка, заборъ, все способствовало къ удачѣ всаднику невидимкѣ. Овраги, горы, рѣки спавились ни во что: войны и кони умѣли всѣмъ пользоваться. Предъ ними широкая рѣка; въ нѣсколько минутъ у каждаго казака явился понтонъ своего покроя: нѣсколько пуковъ камыша

плотно связанныхъ; на нихъ перевозить онъ сѣдло и вьюкъ, а самъ съ конемъ пускается вплавь. Это называлось у казаковъ *переправляться на салахъ*, и было перенято отъ Азіятцевъ.

Гораздо важнѣе были поиски морскіе. Въ малыхъ ладьяхъ, изъ которыхъ каждая едва помѣщала отъ 30 до 80 человекъ, казаки безстрашно носились по морямъ Азовскому и Черному до Константинополя и древней Колхиды; брали корабли, капорги, кояги Турецкія; собирали дань съ Колхидцевъ, разоряли селенія, приступали къ городамъ. Соль и оружіе, рыба и серебро, одежда и золото, товары и драгоценныя каменья, все было ихъ добычею. Также какъ по степямъ, часто и на моряхъ удалцы отправлялись малыми паршіями искать добычи, или,

какъ они говорили, *зилуны доставать*,
 ошъ чего сами назывались *зилунниками*. Во время бури это морское войско на малыхъ судахъ своихъ претерпѣвало величайшія бѣдствія. Однажды, когда Государь, въ 1646 году, хотѣлъ было отправишь на морской казачій поискъ своего дворянина, казаки писали: «Государь! надобно бышь твердо
 « и привычну, чшобы переносить на-
 « ши походы: часто бури шакъ разно-
 « сяшь насъ, что не взвѣдаемъ другъ
 « друга: одни въ глазахъ нашихъ шо-
 « нушь, другіе разбиваются о камни
 « и скалы; часто по нѣскольку дней
 « остаемся мы безъ запасу и воды.» Но тѣ, кои спасались отъ разбитія и попопленія, еще съ большимъ прудомъ избѣгали отъ рукъ враговъ своихъ, нарочно послѣ всякой бури разѣзжавшихъ по морю для нападенія на казаковъ.

Отплытіе на поиски всегда сопровождалось нѣкоторымъ благоговѣйнымъ торжествомъ; возвращеніе праздновалось съ шумною веселостію. Въ первомъ случаѣ весь народъ стекался къ часовнѣ (послѣ къ церкви, когда оныя были построены); вмѣстѣ съ походнымъ войскомъ слушали обѣдню и молебны, молили угодника Николая о покровительствѣ подвижавшихся на брань, и вышедъ на площадь, гдѣ приготовлено было вино и медъ, пили прощальный ковшъ. Потомъ провожали походное войско до судовъ; на берегу еще запивали взаимное прощаніе, и оспаивались шутъ до шѣхъ поръ, пока веселые ратники, напѣвая дружнымъ хоромъ: *« ты прости, ты прощай, тихій Донъ Ивановичъ, »* терялись изъ виду. Тогда остальные возвращались на площадь, и желая, какъ они

говорили, *погладить дорожку* своимъ походнымъ собраніямъ, доканчивали недопитое съ громкими желаніями успѣховъ и побѣдъ опшывшимъ.

Если поиски казаковъ были удачны, тогда день возвращенія ихъ праздновали съ особеннымъ торжествомъ. Провхавъ благополучно чрезъ устья Дона, походный атаманъ посылалъ въ *главное войско* легкій стругокъ съ извѣстіемъ о своемъ приѣздѣ; всѣ, бывшіе шуть на то время, старый и молодой, спекались на берегъ. Побѣдители, одѣтые въ лучшія изъ добытыхъ одеждъ, съ распущенными знаменами, съ пѣснями, при звукахъ литавръ, торжественно проѣзжали мимо стоявшей толпы, привѣтствовали съ судовъ родные берега пушечными и ружейными залпами, и взаимно принимали отъ встречающихъ радостныя

поздравленія. Предки наши, равно какъ и нынѣшніе Донцы, всякій успѣхъ дѣла приписывали воли Божіей. Отъ того всегда постоянно сохраняется у насъ обрядъ, что войско, возвращающееся изъ похода, идетъ прямо къ церкви. По этому обычаю, суда всякій разъ останавливались противъ часовни, и не прежде какъ по ошпѣши благодарныхъ молебновъ, воины выходили на площадь для свиданія съ родными и товарищами. Поздравительные ковши съ виномъ и медомъ быстро переходили изъ рукъ въ руки; ратники хвалились добычею, дѣлали подарки, и усѣвшись въ кружки, за дружескою чашею рассказывали жаднымъ слушателямъ о своихъ подвигахъ.

Древніе Донцы хорошо понимали ремесло свое, и принимаясь за дѣло, исполняли его съ воинскою точно-

ецію. У нихъ постановлено было правиломъ, чѣобы ни одинъ воинъ не смѣлъ брать съ собою въ походъ ни какихъ хмѣльныхъ напѣшковъ; отправляясь на поискъ, всякій одѣвался въ старую вешошъ, и кромѣ сухарей, муки, пшена, сушеннаго мяса и рыбы, не смѣлъ брать ни какихъ другихъ припасовъ. Они всегда швердили: « За-
 « чѣмъ подавать непріятелю надежду,
 « что онъ можетъ опъ насъ чѣмъ ни-
 « будь поживиться; пускай достанемся
 « ему въ плѣнъ: мы больше у него
 « съѣдимъ, нежели онъ пріобрѣтеть
 « опъ насъ. » Даже самое оружіе, съ которымъ казаки выходили на брань, имѣло бѣдную наружность: ни на сабляхъ, ни на ружьяхъ, ни на лукахъ не было ни какихъ украшеній; если кто бралъ новое полированное ружье, то непременно сма-

чивалъ его разсоломъ, чтобъ позаржа-
вѣло: на ясномъ желѣзѣ *играетъ* глазъ,
говорили они. Никогда преждевременно
не объявляли, куда предназначался по-
ходъ, но по большей части рѣшали это
въ морѣ или въ полѣ. Въ войсковомъ
же *кругу* назначалось просто: итти
на море, итти въ Ногайскую землю,
въ Тавриду и тому подобное. Всякія
вѣсти у плѣнныхъ и у своихъ посыль-
ныхъ спрашивали въ *кругу*, особо одни
старшины и лучшіе казаки; молодыхъ
же казаковъ и новыхъ пришельцевъ ни-
когда къ тому не допускали. Спарики
придумывали все, что могло помо-
гать успѣху ихъ оружія.

Осправлявшаяся въ походъ флотилія
состояла вся изъ судовъ одномачто-
выхъ, не болѣе 5 и 8 сажень длиною,
въ 16 или 40 весель, съ *рейнымъ* па-

русомъ (*), съ брусшверами по бокамъ, связанными изъ камыша, въ сажень и больше толщины, конми прикрывались казаки отъ непріятельской стрѣльбы; нѣсколько небольшихъ пушекъ и фалконетовъ составляли все ихъ вооруженіе. Выждавъ удобный случай, ночью или въ туманную погоду, сія флотилія быстро устремляется на корабли и капорги непріятельскія, настигаетъ ихъ прежде, нежели они успѣютъ приготовиться къ защитѣ, и битва всегда оканчивается аббардажемъ и побѣдою. Послѣ того суда пристаютъ къ берегу для нападенія на городъ или селеніе. Вы подумаете, что шамъ уже провѣдали о казакахъ, и при-

(*) Такъ называли паруса, прикрѣпленные къ реямъ судовъ.

готовились къ оборонѣ: нѣтъ, удалцы останавливаются въ мѣстахъ самыхъ скрытыхъ и почти неприступныхъ, и вышедъ изъ судовъ, бѣгутъ опрометью до назначеннаго мѣста, застаютъ непріятеля въ безпечности и побѣждаютъ его. Случается ли, что и на нихъ нападаетъ многочисленнѣйшій врагъ: они спѣшатъ къ устью какой нибудь рѣки или къ морскому берегу, запопляютъ всѣ свои суда и разсыпаются врознь. Прошла опасность, и они снова собираются къ судамъ, выливаютъ изъ нихъ воду, приправляютъ весла и по прежнему пускаются въ море на поиски.

Ужась, который распространили казаки своими морскими походами по всему поморью, едва вѣроятень: иногда, по одному слуху о ихъ приближеніи, жители бросали дома, разбѣгались по

лѣсамъ, и на нѣсколько сотъ верстъ кругомъ не лѣзя было встрѣтить человека ни въ селеніяхъ, ни въ городахъ. Казаки брали здѣсь все, что было лучше, цѣниче и пужиче для нихъ.

Наполнивъ суда свои добычнымъ грузомъ и плѣнными, они спѣшили во свояси, и остановясь на Дону въ нѣкоторомъ разстояніи отъ *главнаго войска*, дѣлили между собою поровну добычу, что называлось у нихъ *дубанъ дубанить*. Плѣнники поступали въ *дубанъ* точно также, какъ всѣ другія вещи. Сего непріятельскаго *асырл* собиралось иногда на Дону тысячъ до двухъ и болѣе. Казаки старались забирать преимущественно знашныхъ людей для полученія выкупа. Цѣна окупа доходила до 30 тысячъ злошыхъ, а особенно за Турецкихъ пашей. Рядовыхъ воиновъ и простолюдиновъ вымѣни-

вали на Рускихъ невольниковъ, многими сотнями привозимыхъ въ Азовъ, для чего близъ нижнихъ юртъ находился *окупный яръ*, или разнѣнное мѣсто, гдѣ производился выкупъ *ясыря*. Еще болѣе казаки брали въ плѣнь женщинъ, конхъ собиралось иногда на Дону тысячъ до трехъ. Женъ знатныхъ мурзъ также отдавали на окупъ, прочихъ же привѣшлывымъ обхожденіемъ прихочивали ко всегдашнему у себя жителству и обыкновенно женились на нихъ; иногда жены Донскихъ старшинъ брали ихъ къ себѣ въ дома для хозяйства или въ собесѣдницы. У казаковъ существовалъ обычай, чтобы всѣхъ плѣхъ, кои попадутся въ плѣнь *на самомъ острову*, т. е., въ Монастырскомъ, или Черкасскомъ городкахъ, неминуемо казнить смертію, какого бы званія кто ни былъ.

Мы имѣемъ много пѣсень о *дуваняхъ*; для примѣра, повшорю одну изъ нихъ..

П Ъ С Н Я.

Какъ со славной со восточной со споронущки,
 Прошекала быстрая рѣчушка славный тихій Донъ;
 Онъ прорылъ, прокопалъ младець горы крушыя,
 А по правую-то споронущку лѣса шемные.
 На Дону-то все живутъ брашцы люди вольные,
 Люди вольные живутъ по Донскіе казаки.
 Собирались казаки други во единый кругъ,
 Они спали межъ собою да все *дуванѣ* дѣлать:
 Какъ на первый пай пай они клали пять сотъ рублей,
 На другой-то пай они клали всю тысячу,
 А на третій спановили красную дѣвицу;
 Какъ расшужился, какъ расплачелся добрый молодець:
 Голова ль ты моя головушка несчастливая,
 Ко бою-то, ко батальицѣ ты найпервая,
 На паю-то, на *дуванѣ* ты послѣдняя.
 Какъ возговорить красна дѣвица добру молодцу:
 Ахъ! не плачь ты, не тужи, удалъ добрый молодець,
 Я сотку тебѣ шелковъ коверъ въ пятьсотъ рублей,
 А другой коверъ сотку тебѣ во всю тысячу;
 А третій-то коверъ я сотку, что и смѣшишь.

Донцы любили въ старину славить дѣла свои въ народныхъ пѣсняхъ. На всякое замѣчательное происшествіе, даже на каждый важный подвигъ своего собрата, они тотчасъ сочиняли новыя пѣсни, которыя всѣ имѣють свой собственный характеръ.

Изъ приведенной мною вы видите, что красавица заставила молодца кручиниться, и нечему дивиться: Донцы во время рыцарской своей жизни, посвятивъ ее единственно войнѣ и набѣгамъ, опасались знакомить сердце съ прелестію любви. Юноша, побѣжденный нѣжною страстію (рѣдкій примѣръ), былъ чуждъ ихъ общества и преслѣдуемъ даже въ самомъ кругу своихъ товарищей обидными упреками. Сія общая черта въ народномъ духѣ препятствовала прелестному полу имѣть вліяніе на общежитіе.

нашихъ предковъ; въ то время женщины были ограничены кругомъ своей семьи и немногими знакомствами съ сосѣдками.

Но казаки, а особливо *Низовые*, всегда были разборчивы въ красоту, выбирая себѣ женъ изъ прелестнѣйшихъ плѣнницъ: Черкешенокъ, Турчанокъ и Тапарокъ. Обидное чувство ревности было имъ незнакомо. Нѣкоторые вѣнчались по уставу церкви, другіе ограничивались однимъ объявленіемъ предъ народомъ объ избранной ими женѣ. Сей послѣдній обрядъ въ старину былъ всеобщій у казаковъ, и даже шѣ, кои сочetaлись по правиламъ церкви, необходимо должны были предварительно его исполнить. Совершался онъ такимъ образомъ: женихъ и невѣста, согласившись на супружество, приходили вмѣстѣ въ со-

браніе народа (въ кругъ) на площадь, или въ *становую избу*. Помолясь Богу, кланялись на всѣ стороны и женихъ, назвавъ невѣсту по имени, говорилъ: « *ты будь мнѣ жена.* » Невѣста, поклонившись ему въ ноги, отвѣчала, также называя по имени: « *а ты будь мнѣ мужъ.* » Послѣ сихъ словъ вступившіе въ бракъ цѣловали другъ друга, и принимали отъ всего собранія поздравленія. Этимъ оканчивался весь обрядъ, и утвержденное такимъ образомъ супружество починалось законнымъ. Въ самомъ этомъ обрядѣ вы видите, какое преимущество имѣлъ мужъ предъ женою: дѣйствительно власть его была почти неограниченна.

Сколько легко было, по обычаю казакъ, заключать супружество, сколько же легко и разорвать оное: мужъ могъ сдѣлать это во всякое время, даже

подъ тѣмъ предлогомъ, что жена ему не нравилась. Для разводовъ существовалъ особенный обрядъ, который всѣмъ постоянно былъ наблюдаемъ: мужъ, введя жену свою въ собраніе народа, говорилъ: « *Атаманы молодцы! она была мнѣ услужливая и вѣрная супруга; теперь она мнѣ не жена, а я ей не мужъ.* » Отказанную жену шупъ же могъ взять другой, прикрывъ ее полою своего плащя, и шочно съ тѣмъ же объявленіемъ предъ всѣмъ народомъ: « *ты будь мнѣ жена и проч.* » Прикрытіе полою казаки почитали весьма важнымъ символомъ: оно значило, снятъ съ отказанной жены безчестіе развода. Впрочемъ, встарину большая часть казаковъ оставались холостыми, такъ, что въ иномъ городкѣ не было болѣе одного или двухъ женащихъ. Но семейственна

жизнь имъ правилась до такой степени, что дѣшей у женапатаго няньчили всѣ его спаничники, и когда показывался первый зубокъ у младенца, всѣ наперерывъ смотрѣли его съ восторгомъ.

Не подумайте, чтобы эти странности брачныхъ обрядовъ происходили отъ неуваженія религiи; нѣтъ, казаки всегда были набожны. Они имѣли два собствєнные монастыря: одинъ Никольскiй ниже Воронежа, въ Борщевѣ, другой Рождественскiй Чернѣевъ въ Шацкѣ. Многiе казаки, потерявшiе силу воевать, по общанiю посвящались здѣсь въ монахи, или просто оставались для того, чтобы въ богомольѣ провести остатокъ жизни. Здѣсь, точно какъ въ инвалидномъ домѣ, или богадѣльнѣ, всякiй дряхлый, увѣчный, раненый казакъ могъ прио-

пишьяся, и находилъ покой и содержаніе. Донцы ничего не жалѣли къ обогащенію своихъ монастырей: случилось ли получасть значную добычу на войнѣ, они почивали святымъ долгомъ жертвовашь частію оной святынѣ; елимаи ли отъ непріятеля испорченныя пушки, тошчасъ отсылали ихъ въ монастыри на колокола; серебро, золото, жемчугъ, каменья, блистая въ ризницахъ и церквахъ, свидѣтельствовали объ усердной вѣрѣ нашихъ прадедовъ. Въ сихъ же монастыряхъ сохранялись и частныя пожертвкі многіхъ казаковъ, особенно дорогія вещи, копорыхъ они не оспавляли въ своихъ городкахъ, по причинѣ частыхъ набѣговъ непріятельскихъ.

Казаки въ то время почти со всѣхъ сторонъ были окружены непріятелями; но Азовцы, ближайшіе ихъ сосѣди

и самые неугомонные враги, были имъ всѣхъ несноснѣе. Раздѣленные 50 верстами пустаго пространства, они по нѣскольку разъ въ году заключали между собою миръ и столько же разъ оный разрывали. Мирное время считали днями, а войну мѣсяцами. Нерѣдко случалось, что перемиріе прерывалось въ тошъ самый день, когда было заключено: обѣ стороны старались пользоваться малѣйшимъ на то поводомъ; даже частная ссора, или драка одного казака съ жителями Азова могла возродить войну. Особенно казаки личное оскорбленіе товарищей своихъ принимали безчестіемъ цѣлому народу. Войну почитали забавою: «Дѣло наше казачье не великое, говорили они, случится которому казaku побѣхатъ Дономъ на низъ за съномъ, или за дровами, и Азовцы

« успѣють его схватить: намъ ли про-
 « спить это? мы поймаетъ у нихъ
 « двухъ, трехъ, и война возгорится;
 « послѣ сошлемся, помпримся, и плѣн-
 « ныхъ на обѣ спороны возвратимъ.»
 Донцы негодовали на Азовцевъ за то,
 что они не умѣли держась ни своего
 слова, ни мирныхъ договоровъ, и во-
 преси постановленіямъ всегда ихъ за-
 дирали: « Какъ же намъ не стоять
 « за себя? доколѣ въ силахъ держась
 « саблю, живые не дадимся въ руки.»
 Еще болѣе мстили они Азовцамъ за
 ихъ насмѣшки и говорили въ оправданіе
 свое: « не дозволимъ никому оскорб-
 « лять себя; сіи невѣрные вздумали
 « ругаться надъ нами: поймавъ на
 « промыслахъ казаковъ, оспригаютъ
 « у нихъ бороды и усы.» Казаки по-
 чинали безчестьемъ просить у нихъ
 мира, и успановили правило никогда

даже не начинать первых переговоров о перемиріи, говоря: « мы даемъ миръ, а просить его намъ непригоже. »

Впрочемъ, они долгое время не могли жить въ покоѣ и потому, что въ войнѣ заключался источникъ ихъ довольства и богатства; иногда только, по настояніямъ Рускихъ Государей, и то весьма рѣдко, они сносили мѣсяцъ, или болѣе, наглости Азовцевъ, не разрывая съ ними мира; но считали это важнымъ пожертвованіемъ, и всегда старались поставить на видъ Государю: что для него *терпятъ* миръ съ Азовцами, для него прекратили морскіе походы, *что онъ взялъ за себя всю волю ихъ на водѣ и на сушѣ; а у нихъ то и лучший запасъ былъ, чтобъ по вся дни подъ Азовъ и на море ходить, и что содержитъ долго-*

временный миръ, они оспапнутся босы и голодны.

Всякій мирный договоръ казаковъ съ Азовцами былъ сопровождаемъ извѣстными обрядами и утверждался обоюдною клятвою. Дѣло обыкновенно начиналось тѣмъ, что изъ Азова прѣзжали въ *главное войско* мировщики склоняль казаковъ къ прекращенію войны, и когда ласками и угощеніемъ успѣвали въ своемъ намѣреніи, то на вторичномъ съѣздѣ довѣренныя обѣихъ сторонъ пославляли условія договора, который вслѣдъ за тѣмъ утверждался со стороны казаковъ присягою *лучшихъ атамановъ*, а со стороны Азовцевъ *шертованіемъ* князя и старѣйшинъ города. Тогда войско размѣнивало аманашовъ, угощало у себя мировщиковъ и довѣренныхъ, и одаривъ ихъ запасомъ, виномъ и ме-

домъ, отпускало обратно. Существовала постоянный обычай, утвержденный *указомъ Турецкаго султана*, что Азовъ каждый разъ, при заключеніи мира, обязанъ былъ давать *на войско* извѣстное число кошловъ, соли, сѣшей и тысячу злыхъ.

Въ мирныя условія обыкновенно было включаемо, чтобы казакамъ *грезъ замирныя мѣста* не ходить на море, а Азовцамъ на Рускую Украину и казачьи городки. Иногда еще *выговаривали* Азовцы, чтобы казаки извѣщали ихъ о томъ, что будетъ писано въ граматахъ Рускаго Царя на Донъ, обязываясь взаимно увѣдомлять *войско* о всѣхъ дѣлахъ и намѣреніяхъ Поршны и Тавриды. Но казаки никогда не объявляли ни слова о содержаніи своихъ грамахъ, хотя изъ Азова

получали подробныя извѣстія. За это обыкновенно возобновлялись ссоры и война, а наконецъ подобныя сшапшы вовсе перестали вносить въ договоры. При разрывѣ мира, на спорона, кошорая начинала войну, посылала другой *размирную*. Не послать же оной былъ поступокъ безчестный; но Азовцы часто это дѣлали, и въ такихъ случаяхъ казаки уже поступали съ ними безъ пощады.

Хотите ли узнать, какъ писывались эти *размирныя*? я одну изъ нихъ помню: « Отъ Донскаго ашамана и
« всего войска Азовскому Сулейманъ
« пашѣ проздравленіе. Для дѣль великаго
« нашего Государя мы были съ вами въ
« миру; нынѣ все войско приговорили
« съ вами миръ нарушить; вы бойшесь
« насъ, а мы васъ спанемъ оешере-

« гашся. А се письмо и печать войсковыя ».

Зная характеръ Азовцевъ, казаки не дорожили ихъ дружбою; ибо и во время мира должны были соблюдать почно стѣже осторожности, какъ и во время войны. Миръ и размирье для нихъ было одно и то же, даже послѣднее предпочипали, потому что не нарушая правилъ чести, могли свободно *залегать* по перелазкамъ и воевать на морѣ. Однако же въ мирное время оба народа соблюдали наружные признаки дружбы, торговали другъ съ другомъ, ѣзжали въ гости и проч. — но дружба эта и союзъ никогда не возрастали до такой степени, чтобы вмѣстѣ ходили на поиски или на войну; казаки почипали это безчестіемъ, и когда одинъ разъ Царь насшоятельно шого требовалъ (1630),

они отвѣщивали: « Ради умереть
 « за тебя, Государь; но не хотимъ
 « служишь съ бусурманами: какой
 « союзъ можемъ имѣть съ людьми, ко-
 « торыхъ презираемъ, и которые видяшь
 « въ насъ прямыхъ враговъ своихъ? »

Казачи вели себя такимъ образомъ
 съ Азовцами не потому, что нахо-
 дили ихъ слабыми или трусами; на-
 прошивъ, сіи прошивники были дерз-
 ки, мужественны, неупомимы и все-
 гда подкрѣпляемы толпами Крымцевъ,
 Ногайцевъ, Черкесъ, кошорые почти
 постоянно у нихъ проживали и хо-
 дили вмѣстѣ воевать на украйну.
 Въ Азовѣ бывали наѣздинки удивитель-
 ной храбрости; объ одномъ изъ нихъ
 лежала въ окрестныхъ странахъ по-
 словица: « легче взять городъ, не-
 « жели одолѣть Резепу (имя его). »

Резепа, бывъ 80 лѣтъ, еще приводилъ въ спыдъ всѣхъ юношей своею бодростію и проворствомъ. Казаки на одномъ бою взяли его въ плѣнъ; но, уваживъ чудесную его славу, выдали на окупъ за 8 тысячъ кумачей.

Кажется, Донцы всегда умѣли перехитрять Азовцевъ. Кто подумасть, напримѣръ, чѣшбы они могли найти доброжелателей въ самомъ Азовѣ, которые бывъ подкуплены деньгами, или ласками, сообщали имъ всѣ вѣсти о предпріятіяхъ и намѣреніяхъ своихъ соотечественниковъ? Людей сихъ въ *войскѣ* никогда не безчестили укорительнымъ наименованіемъ шпионовъ, или переметчиковъ; но принимали какъ *добрыхъ своихъ пріятелей* и обыкновенно называли: *наши прикормленные люди*. Припомъ же, имѣя всегда непріятельскихъ плѣнныхъ, казаки знали

все, что замышляли Турки, Крымцы, Азовцы и Ногайцы, однимъ словомъ *войско* представляло тогда живую газету всѣхъ новостей о южныхъ сосѣдахъ Россіи, и сюда присылали за вѣстями изъ украинскихъ городовъ, изъ Астрахани и Царицына; сами казаки съ своей стороны посылали по нѣскольку разъ въ годъ *вѣстовыя станіи* въ Москву. Особенно они знали все, что дѣлалось и думалось въ Азовѣ; это родило у насъ народную пословицу, которую и теперь услышите даже опъ дитяти въ такомъ случаѣ, если кто рассказываетъ небылицу съ намѣреніемъ обмануть, или дѣло давно извѣстное за новость: «*разказывай Донскому казаку Азовскія вѣсти!*»

Ногайцы, а въ послѣдствіи времени Калмыки, столько же были непостоянны въ исполненіи мирныхъ до-

говоровъ. Не смотря на то, казаки иногда давали симъ народамъ позволеніе кочевать вдоль по Дону, почти въ виду своихъ городковъ. Ихъ не останавливало предательство враговъ; казалось они произвольно подвергали себя очевиднымъ опасностямъ, какъ бы спрашась упастъ духомъ въ бездѣйствіи. Часто сіе вѣроломные Азіяты въ то самое время, какъ заключали договоръ съ войскомъ, тайно условились съ Азовцами о совокупномъ нападеніи на казаковъ. За подобное коварство казаки уже мстили варварски: въ глазахъ мурзъ и шайшей они терзали плѣнныхъ, привязавъ ихъ къ хвостамъ лошадей.

Для спадъ своихъ и табуновъ, Донцы готовили на зиму сѣно, которое всегда оставалось въ лугахъ; ибо въ городкѣ было шѣсно и опасно отъ

огня. Дабы оно уцѣло при набѣгахъ непріятельскихъ, казаки со всѣми сосѣдами своими установили правило, чтобы сѣна ни въ какомъ случаѣ не жечь: разоряй и сжигай городки, бей людей, дѣлай всѣ варварства, но сѣна не прогай.

Вы видите, что у древнихъ Донцевъ война была забавою, любимымъ упражненіемъ. Самые разбой ихъ по Волгѣ, сколько всѣми порицаемые, иногда носили оппечатокъ особенной характерности; такъ напримѣръ: однажды (1660 года) шайка подобныхъ бродягъ, прибывъ на одинъ Астраханскій учугъ, и нашедъ его пустымъ, писала къ владѣльцу онаго: « Были мы ашаманы
« молодцы на твоемъ учугѣ и не на-
« шли въ немъ ничего; приказываемъ:
« вышли сюда 50 ведеръ вина, 10 пудъ
« папоки, 50 мѣшковъ пшеничной муки,

« да земли и опоки чшо серебро льюшъ.
 « Если ослушаешься, атаманы молод-
 « цы выжгушъ твои учуги; а буде,
 « сверхъ чаянія, сшанешъ жаловашься
 « воеводѣ, тогда не пеняй на насъ. »

Древнихъ Донцовъ всѣ упрекаюшъ
 страснію къ корысти; но я расскажу
 случаи, которые сему прошивурѣчаютъ.
 Однажды Султанъ, доведенный до край-
 ности казачьими набѣгами, придумалъ
 было купить дружбу *войска* дачею еже-
 годнаго жалованья; но посоль его Кан-
 шакузинъ, при всѣхъ своихъ стараніяхъ,
 не могъ въ томъ успѣть. Это случилось
 въ 1627 году. Каншакузинъ и на До-
 ну, и на пуши къ Москвѣ, и въ са-
 мой Москвѣ всячески ласкалъ казаковъ,
 поилъ виномъ и медомъ, даже нарочно
 дѣлалъ для нихъ въ Москвѣ пышное
 угощеніе; но они смѣялись всѣмъ его
 зашѣямъ, и прежде нежели проводили

его отъ себя, учинили новый набѣгъ на Турецкія области. Послѣ того Порша, дабы склонить казаковъ къ миролюбію, однажды прислала съ тѣмъ же посломъ въ подарокъ войску чепыре золотые кафшана. Казаки, отвергнувъ даръ сей, отвѣтствовали, что «у Донскаго войска и однимъ Государевымъ жалованьемъ всего много, а султанскіе подарки имъ ненадобны.» Потомъ, хотя и приняли кафшаны по настоящельному убѣжденію Каншакузина, но такъ мало ихъ цѣнили, что черезъ нѣсколько дней пошли на приступъ къ Азову и самого его посла казнили.

Турки употребляли не однѣ деньги для удержанія казаковъ отъ морскихъ походовъ. На двухъ протокахъ (Каланчъ и Мершвомъ Донцѣ), которыми можно было проходить въ море, они

поставили крѣпостцы съ башнями, наполнили оныя гарнизономъ, а черезъ рѣку перешанули цѣпи. Казаки, въ насмѣшку, пускали ночью внизъ по рѣкѣ бревна, кои ударяя въ цѣпи, содержали въ безпреспанной тревогѣ Турецкій гарнизонъ, и не рѣдко доводили до того, что онъ пренебрегалъ сими плавнями; тогда Донцы, пользуясь симъ временемъ, переплывали въ маленькихъ лодкахъ между бревнами въ море. Они и въ большихъ ладьяхъ, вопреки всѣмъ осторожностямъ Турокъ, производили свои любимые поиски, потому что ладьи сіи были весьма легки, и казаки перетаскивали оныя сухимъ путемъ съ одной рѣки на другую. Такимъ образомъ, или прямо съ Дона, или поднявшись вверхъ по Донцу, перевозили они свои струги на Міусъ и сею рѣчкою выходили

въ море. Возвратившись къ ней послѣ похода они затопляли ладьи, что бы при новомъ поискѣ опять ими воспользоваться. Наконецъ, наскучивъ сими усиліями, они сами между Каланчею и Мершвымъ Донцемъ прорыли своей казагій ерикъ (каналъ), кошорымъ уже свободно проходили въ море.

Казаки паводили такой ужасъ на Турокъ и Крымцевъ, что когда однажды Азовцамъ удалось плѣнить нашего атамана Павла Федорова, то они голову его немедленно отправили къ Крымскому Хану, а Ханъ поспѣшилъ представить оную въ Царьградъ Султану, какъ лучшій трофей своего оружія.

Я сколько насклазаль вамъ о войнѣ и набѣгахъ моихъ земляковъ, что вы спросите: что спасало самихъ казаковъ отъ взаимныхъ набѣговъ непріа-

пельскихъ? Вопервыхъ, безпрестанная осторожность. Я уже упомянулъ выше, что спаринные городки наши всегда были окружены пикетами и разъѣздами и что казаки весьма вѣрно знали намѣренія своихъ враговъ. Такимъ образомъ, коль скоро доходила къ нимъ вѣсть, что непріятель хочетъ напасть на ихъ жилища, немедленно отправлялись *посыльные* по всемъ городкамъ съ грамами, чтобы Донцы собирались въ *главное войско*; оставшіеся съ женами и дѣтьми, сходились городковъ изъ 5 или 6 въ одно мѣсто и укрѣплялись для защиты. Имуществва тогда укрывали въ займищѣ (*), гдѣ на шаковые случаи были сдѣланы ямы на подобіе

(*) Займищемъ у казаковъ называется лугъ, прилегающій къ рѣкѣ, который понимается

погребовъ. Въсповая пушка подавала знакъ къ тревогѣ; при ея выстрѣлѣ, всякій съ оружіемъ въ рукахъ бѣжалъ на площадь. Въ послѣдствіи, въсповы пушки, казаки завели въсповый колоколь, разсчитывая, что палишь изъ пушки убыточно.

Вовшорыхъ, казаки тщательно старались скрывать оупъ непріятелей настоящее свое положеніе и географію своей страны. Для того Крымскихъ посланниковъ и всякихъ плѣнныхъ, коихъ должно было доставлять въ Москву или обратно, они не иначе провозили Дономъ, какъ подъ палубою своихъ спруговъ, или закрывъ ихъ на судахъ инымъ способомъ, дабы, какъ

весенними разливами воды; на немъ обыкновенно растутъ камышъ, осока и болотный лѣсъ; бывающъ также сѣнокосы.

говорили казаки, не знали они дороги по Дону и не высматривали какъ стоятъ наши городки. Турки съ удивленіемъ говорили: « всякій годъ на моръ по-
« бивають казаковъ много, но число
« ихъ не уменьшается, а напротивъ,
« сколько бы въ одинъ годъ ихъ не по-
« били, на слѣдующій прибудеть еще
« болѣе. »

Въ то время всѣ казаки: Волжскіе, Терекскіе и Яикскіе, составляли какой-то союзъ съ Донскими, и коь скоро послѣднимъ угрожала опасность, или предстоялъ важный походъ, они давали вѣсть на Волгу, Терекъ и Ураль, и охотинки стекались толпами на Донъ.

Общее мнѣніе сильно дѣйствовало на поддержаніе мужества и геройскаго духа въ народѣ. Храбрѣйшіе пользовались уваженіемъ всѣхъ собратій,

и въ ознаменованіе онаго наряжались въ легкія и зимовыя станицы въ Москву, что почисалось тогда важною наградою. Станицами назывались посольства отъ Донскихъ военовъ къ Россійскому Самодержцу, отправлявшіяся не менѣе 5 разъ въ годъ, съ извѣстіемъ ли, или съ представленіемъ нуждъ народныхъ, или для принятія жалованья. Въ Москвѣ пословъ Донскихъ принимали съ особенными почестями и обрядами: дьякъ, или бояринъ, держа скрытно въ рукѣ листокъ съ описаніемъ предстоящаго церемоніяла, выступалъ впередъ и докладывалъ: «*Вамъ, великому Государю, Вашему Царскому Величеству Донскіе казаки, станичный атаманъ такой-то съ товарищи теломъ ударили.*» За симъ, обращаясь къ казакамъ, продолжалъ: «*Великій Государь, Его*

Царское Величество, жалуешь тебя атамана съ товарищи къ своей Государской рукѣ. » По совершеніи сего обряда Царь приказывалъ привѣтствовать ошъ себя войско и представляющій возглашалъ: *« Великій Государь, Его Царское Величество жалуешь атамановъ и казаковъ такого-то (имя войсковаго атамана) и все великое войско Донское, велѣлъ спросить о здоровьѣ и службу вашу милостиво похваляетъ. »* Послѣ представленія вся станица приглашалась къ Царскому столу во дворецъ, гдѣ была угощаема съ удовольствіемъ и подгнвана романеею. Тутъ подносили атаману, есаулу и каждому казаку порознь подарки: деньги, камку, шафту, сукно, соболи и серебряный ковшъ атаману. Всей станицѣ вылазались на столъ ежедневно деньги, вино, медъ и пиво.

Для ѣзды въ Москвѣ отпускались апаману изъ Государевой конюшни лошади и экипажъ. На опускѣ всѣ казаки шѣмъ же порядкомъ представлялись Государю, угощались Царскимъ столомъ и получали новые подарки. Такимъ образомъ каждая станица облаканная, щедро одаренная и удоюшенная чешпи *узрътъ свѣтлые Царскіа оги*, радостно возвращалась на Донъ и всякій разъ приносила всему войску Царское жалованное слово и похвалу.

Разсказы объ однихъ военныхъ подвигахъ упомяшъ ваше вниманіе; перейду къ мирной жизни казаковъ; она была въ шо время весьма однообразна.

Въ главномъ войскѣ или въ городкахъ, казаки проводили всякій день вмѣстѣ, собираясь на площадь, или къ *становой избѣ*. Здѣсь, сидя въ кружку,

они вязали сѣши, шенеша, дѣлали разсохи, слушали во время работы рассказы одного изъ своихъ собратій о молодецкихъ его походахъ и воспламеняясь славными подвигами товарищей, пѣли объ нихъ богатырскія пѣсни, начиная каждую напѣвомъ: « *Да вздунай най дунаа вздунай дунай.* » Жили они истинно по брашски; всякій открывалъ чистосердечно что намѣренъ дѣлать завтра, послѣ завтра и ш. д. Набьешъ ли кто дичины, наловишь ли рыбы, оправдывали ее всѣ вмѣстѣ, и хозяинъ ничего не оставлялъ себѣ въ запасъ. На Дону сохранилось преданіе, будто въ старину товарищества казаковъ раздѣлялись по *сумамъ*, точно такъ, какъ у Запорожцевъ по *казанамъ* (*), или, какъ нынѣ

(*) *Казань*, то же, что *котелъ*, слово Ташарское.

у насъ въ походахъ, по *кашамъ* (артелямъ). Человѣкъ десять, двадцать и болѣе товарищей, имѣли общую суму, въ которой хранили свои запасы и все добычное; пошому мы еще и нынѣ называемъ товарища и друга: *односумъ*. Въ *становой избѣ*, или на *майданѣ* (*) старики играли въ шахматы или въ зерны; молодые же на площади близъ *майдана*, въ *кости* или бабки. Сія послѣдняя игра была общая и любимая у казаковъ, и посредствомъ оной, они пріобрѣтали такую мѣткость, что пуская изъ рукъ камень, убивали пѣлицъ и зайцевъ.

Природа надѣлила землю ихъ изобиліемъ; богатый Донъ, (казаки гово-

(*) *Майданъ*, Татарское слово означаетъ площадь. Нынѣ на Дону называющся шакъ спаничмыя избы.

рили, что у него *золотое дно*), лѣса, сѣпья, были для нихъ естественными хранилищами жизненныхъ потребностей: въ первомъ рыба, въ послѣднихъ звѣри, птицы, плоды, водились и росли въ такомъ множествѣ, что изобиліе оныхъ вошло въ пословицу. Наши предки говорили: « кормить насъ молодцовъ Богъ: подобно птицамъ, мы не съѣмъ и не собираемъ хлеба въ житницы, но всегда сыты. » Въ старину казаки не знали хлѣбопашества, къ которому не прежде начали привыкать, какъ въ исходѣ XVII столѣтія.

Любимыми ихъ занятіями были охота, которую они называли *гульбой*, и рыбная ловля. *Гулебщики* ѣзжали иногда большими отрядами, человекъ по сту, на Задонскихъ степяхъ и даже по Кумъ для ловли звѣрей; мѣсяца по два и

болѣе, а иногда всю зиму занимались они охопою, и къ веснѣ только приходили на Донъ для поисковъ. На рѣку Медвѣдицу, гдѣ бывали лучшіе звѣринные промыслы, часто прѣзжали по 10 и болѣе *кошей* (*) *гулебщниковъ* изъ нижнихъ юртъ и обыкновенно проводили здѣсь зиму. Другіе, *камышники*, съ капканами и пенешами жилали по камышамъ близъ своихъ городковъ.

Сія привольная и брацкая жизнь сильно привязывала казаковъ къ родинѣ; они славили свой *тихій Донъ* называя его: *кормилецъ родимый*. Въ плѣну и на одрѣ смертномъ, казакъ прощаясь мысленно со всѣмъ, что имѣлъ драгоцѣннаго въ жизни, всегда обращался къ Дону: « Прости тихій

(*) *Кошъ*, означаетъ шожь, что спанъ; въ переносномъ смыслѣ онъ значить *сатага*.

« Донъ Ивановичъ! мнѣ по тебѣ не
 « ѣздиши, дикаго звѣря не спрѣливатьъ,
 « вкусной рыбы не лавливатьъ. » Во
 всѣхъ сшаринныхъ нашихъ пѣсняхъ,
 даже въ самыхъ офиціальныхъ бума-
 гахъ, вы найдете оппечатокъ сей
 спраспной народной любви; напри-
 мѣръ, войсковой ашаманъ письма свои
 къ поспороннимъ особамъ обыкновен-
 но начиналъ такъ: « Князь такой-шо,
 « здравствуй на многія лѣта, и буди
 « покровень десницею Вышняго; а я,
 « *при милости Донскаго войска*, въ
 « Черкаскомъ городкѣ, на Дону, по
 « волѣ Божіей, живъ. »

Въ нижнихъ юртахъ всегда было
 большое спеченіе народа; здѣсь цар-
 ствовало веселіе. Кромѣ казаковъ, обык-
 новенно собиравшихся въ *главное*
войско, можно было найши шупъ мно-
 жество поспороннихъ во всякое вре-

мя, а особенно весною и лѣтомъ. Торговые люди изъ украинскихъ городовъ, покрывавшіе рѣку своими судами; съ царскимъ жалованьемъ прибывши воевода съ провожаемыми, конехъ всегда бывало отъ 50 до 100 человекъ; послы въ Турцію или изъ Турции и многочисленная ихъ свита, обязанные всякій разъ непременно останавливаться въ *главномъ войскѣ*, чтобы учредить дальнѣйшіи путь; высылаемые къ нимъ изъ Москвы на встрѣчу или для провѣдыванія чиновники, раза по три въ годъ, также съ провожаемыми; Астраханскіе и другихъ украинскихъ городовъ посыльщики для узнанія на Дону вѣстей; Запорожцы, спрасные къ веселію, кои большими отрядами всегда проживали на Дону, пріѣзжая вмѣстѣ съ казаками съ морскихъ походовъ, разнообразили кар-

пину военного спана, копорую представляло *главное войско*. Все это собраніе не рѣдко стекалось въ одно время и оспавалось въ главномъ войскѣ по нѣскольку мѣсяцевъ.

Сверхъ того, въ мирное время Азовцы, Ногайцы, а послѣ и Калмыки, безпрерывно живали въ Черкасскѣ, пріѣзжая на Донъ или для продажи ясыря и лошадей, или для того, чтобы погулять съ своими знакомцами. Калмыцкіе посланники ежегодно приходили въ Черкасскъ, и для угощенія ихъ казаки не жалѣли ни вина, ни меду, имѣя на то опъ Государя въ числѣ своего жалованья особую дачу. Калмыкамъ сполько правилась жизнь казачья, что они охотно поступали въ ихъ общеспво и заключали съ нашими предками *союзы и договоры о вѣжномъ совмѣстномъ житіи и служеніи*.

Старые Дюшцы въ свободное время любили повеселились въ дружескихъ бесѣдахъ. Иногда въ присутствіи Русскихъ дворянъ, своихъ пріятелей, чтобъ блеснуть, являлся одинъ старикъ въ лазоревомъ апласномъ кафтанѣ съ частыми серебряными нашивками и съ жемчужнымъ ожерельемъ; другой въ камчатномъ или бархатномъ полукафтанѣ безъ рукавовъ, и въ темно-гвоздичномъ зипунѣ, опушенномъ голубою камкою съ шелковою гвоздичною цвѣта нашивкою; третій, въ камчатномъ кафтанѣ съ золотыми Турецкими пуговками, съ серебряными позлащенными застѣжками и въ лазоревомъ *настрафильномъ* зипунѣ. У всѣхъ шелковые Турецкіе кушаки, и на нихъ булатные ножи съ черенками рыбьяго зуба, въ черныхъ ножнахъ, оправленныхъ серебромъ; красные или желтые

сафьянные сапоги и кулья шапка съ бархатнымъ верхомъ. Другіе одѣвались въ богатыя Турецкія, Черкескія или Калмыцкія одежды. Разстлали узорчатый коверъ, и клали подушки, шитыя золотомъ и серебромъ по червчатому атласу. Становили серебряныя чаши съ виномъ и медомъ, изъ коихъ черпали серебряными чарками и ковшами. Въ кругу своихъ товарищей, наши прадеды любили наряжаться въ тафшяныя рубашки, или въ бархатные и камчатные кафтаны. Но если при постороннихъ хопѣли по величаться, то показывали пренебреженіе къ своему богатому наряду, и въ бархатѣ или въ атласѣ также спокойно сажались посреди грязной улицы, какъ на мягкомъ коврѣ. Можетъ быть отъ сего родилась молва, что казаки на Дону забогачили и въ кругу

своихъ семействъ, съ женами и дѣтьми, наслаждались довольствомъ и избыткомъ. Накормишь и напоишь прѣзжаго почишалось обязанностію; кромѣ вина и меду, другихъ напитковъ не имѣли, и особенно уважали первое такъ, что всякое угощеніе почишали за ничто, если при ономъ не подчивали ихъ виномъ. Отъ того изстари ведется у насъ, что если казакъ хочетъ изъяснить, что совершенно доволенъ кѣмъ либо, то всегда говоритъ: «я у него былъ и вино пилъ.» Были и между ними *бражники* и *пропойцы*, кои все что доспавали на войнѣ, проигрывали въ зерны, или пропивали.

Казакъ радовался, когда торговые люди изъ украинскихъ городовъ: Воронежа, Бѣлгорода, Валукъ, Ливенъ, Ельца, Оскола и другихъ, покрывали

Донъ своими судами и привозили къ нимъ хлѣбъ, вино, медъ, огнестрѣльные снаряды. Въ то время кипѣла въ Черкасскѣ торговая дѣятельность; избытки казачей добычи: лошади, скотъ, Персидскіе и Турецкіе товары, шли въ мѣну. Часомъ Рускіе, продавъ здѣсь товары, хаживали съ казаками въ походы, и потомъ, полюбивъ или получивъ навыкъ къ казачьему ремеслу, оставались жить на Донѣ.

Таковыя связи, и особенно непосредственное сообщеніе съ Москвою, годъ отъ году совершенствовались наше общеніе; но болѣе примѣтная перемѣна въ ономъ произошла послѣ покоренія Азова. Въ семъ торговомъ городѣ были порядочныя спрошенія; казаки шотчасъ подѣлили ихъ между собою, и проживъ тутъ болѣе 5 лѣтъ, безъ сомнѣнія узнали преимущество

домовъ, выстроенныхъ по правиламъ архитектуры, предъ своими землянками; они весьма рачительно заботились объ исправленіи оныхъ, а еще болѣе объ изобиліи всѣхъ жизненныхъ потребностей въ новомъ своемъ пріобрѣтеніи, и даже объ учрежденіи запасовъ на будущее время. Были довольны собою и обшпорительствами, проводили время весело, собираясь всегда на *майданъ*, гдѣ всѣмъ обществомъ распивали Государево вино; бѣднымъ товарищамъ своимъ и Рускимъ плѣннымъ давали общественный запасъ; ласкою и крошестію хотѣли возстановить прежнюю торговлю города, поощряя всѣхъ пріѣзжавшихъ къ нимъ изъ чужихъ городовъ и земель. Здѣсь Персіяннинъ и Калмыкъ, Турокъ и Грекъ, Черкесь и Запорожець, Ногаецъ и Рускій, толпились на ули-

цахъ и площадяхъ, всегда дружественныя съ казаками и ласково ими приняшыя; многіе даже поспоянно жили въ Азовъ. Купческіе корабли изъ Каффы, Керчи, Тамани, безбоязненно входили въ заливъ морской и доставляли изобиліе городу. Въ одномъ углу расположены были шелкъ и бумажные товары; въ другомъ юфша и сафьянъ; въ шретьемъ арака, ягоды, овощи; въ иномъ лукъ, чеснокъ, соль. Въ это время болѣе всего развилась у казаковъ гражданская жизнь; они чувствовали и достоинство, и славу свою; гордились своимъ именемъ, называя себя *казагество Донское вольное безстрашное*; хвалились, что взяли Азовъ своимъ *дородствомъ и разумомъ* и не опдадутъ его врагамъ пока живы; что ихъ казачьему житію завидуютъ всѣ земли, и имя ихъ пребудетъ вѣч-

нымъ; а въ граматахъ по своимъ городкамъ писывали : « Спанемъ смѣлымъ
« сердцемъ за честь; поддержимъ свою
« ашаманскую и молодецкую славу;
« донинѣ еще никшо даромъ зипу-
« новъ съ насъ не снималь. »

Турки и Крымцы ихъ боялись; Султанъ опасался, что не уцѣлѣтъ ему въ Царьградѣ, а дворъ его откровенно сознавался, что казачій Азовъ сдѣлался для нихъ *пуще и тошнѣ Багдада*. Усиливаясь годъ отъ году, казаки брали укрѣпленные города: Керчь, Кефу, Синопъ, Трапезондъ, Ризу, Перекопъ, Карасу, и наконецъ уже методически вели войну съ Турціею и Тавридою.

Съ этого времени лучшіе ашаманы Донскіе, пріохоченные ласковымъ приемомъ Московскаго двора и почестями, часто жилали въ Москвѣ, и при-

смотрявшисъ къ жизни бояръ Рускихъ, не стали чуждаться пышности, и непримѣнно удаляясь отъ старинныхъ привычекъ, исподволь вводили у себя разныя новости. Въ послѣдней половинѣ ХVІІ вѣка въ Черкасскомъ городѣ было уже построено нѣсколько порядочныхъ домовъ.

Ашаманы Наумъ Васильевъ, Иванъ Семеновъ, Лукьянъ Максимовъ, Корнелій Яковлевъ особенно извѣстны введеніемъ новостей въ общежитіи; но ашаманъ Фроль Минаевъ первый, кажущаяся, переступилъ за предѣлы простой жизни, и съ его времени, т. е. съ 1680 года, начинается новый періодъ нашего общежитія, описаніе коего помѣщаю въ слѣдующей статьѣ.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ДОНЦОВЪ ВЪ
КОНЦѢ XVII И ВЪ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.

Донскіе атаманы, вводя новости въ своемъ общежитіи, всегда умѣли удерживать старинную простоту, которая господствовала у ихъ предковъ. Фроль Минаевъ, жившій въ послѣдней половинѣ XVII вѣка, поступалъ не иначе.

Мы уважаемъ память сего героя; предки же наши, его современники, еще болѣе чтили его заслуги. Около сорока лѣтъ предводительствуя полками храбрыхъ, бывъ не менѣе двад-

цати разъ избираемъ въ войсковые ашаманы, онъ наконецъ управлялъ мнѣніями и сердцами народа. Пяťдесять лѣтъ дѣятельной, военной жизни, доставили ему значительное богатство. Бывъ часто въ Москвѣ въ посольствахъ ко двору, проводивъ тамъ въ началѣ царствованія Петра I довольно долгое время, уважаемый Государемъ и боярами, онъ присмотрѣлся къ образу жизни тогдашнихъ вельможъ Рускихъ, и въ старости своей любилъ иногда показывать у себя заимствованную отъ нихъ пышность.

Обширный домъ его, лучшій въ Черкасѣ, стоялъ на прекрасномъ мѣстѣ. Пльнные Ташары и Турки составляли его прислугу: они смотрѣли за конюшнею, за псовой охотой, за чистотою и порядкомъ двора; въ праздное время были обыкновенными его собе-

сѣдниками. Фроль обращался съ ними какъ товарищъ, братски; въ военное время они сопутствовали ему въ походахъ, любили старика искренно и называли обыкновенно: *бабка*. Безъ гостей они обѣдали и ужинали съ нимъ вмѣстѣ; при гостяхъ, служили ему за столомъ. За большими обѣдами, или когда ашаманъ угощалъ особъ, къ которымъ хотѣлъ показать особенное вниманіе, служили ему кромѣ плѣнныхъ, при сына его, герои въ битвахъ, не разъ уже предводительствовавшіе полками казаковъ.

Минаевъ съ дѣтства привыкъ проводить время въ бесѣдахъ казачьихъ, и шутъ не пребуя для себя никакого предпочтенія, даже самъ вставалъ предъ стариками. Всякій казакъ называлъ его просто: *ты Фроль Минаикъ*, или, *твоя милость*. Лѣтомъ каждый день, предъ закатомъ солнца,

видали его въ кругу старыхъ воиновъ, кои, собравшись къ дому его *побесѣдовать о житьѣ-бытьѣ*, располагались на скамьяхъ подъ навѣсами крылецъ. Сюда приходилъ всякъ кто хотѣлъ, безъ зову. Старики рассказывали о своихъ походахъ, о дѣлахъ предковъ; молодые, почтительно стоя въ споронкѣ безъ шапокъ, со вниманіемъ слушали опцовскія повѣсти, изъ которыхъ учились военному дѣлу. Часто рассказы сіи, столь близкіе къ сердцу каждаго казака, воспламеняли души стариковъ, а особливо когда напоминали объ отличномъ подвигѣ котораго нибудь изъ собратій. Лице Фрола Минаевича блистало тогда радостію: « Это важный слуга, говорилъ онъ, и стоить, чѣмъ въ честь его выпить. » Тотчасъ являлась *стойка* пѣнистаго меда, и сыновья Фрола под-

носили старикамъ заздравныя кружки. Изъ молодыхъ казаковъ, развѣ оплеченншіе храбростію удостоивались иногда получать изъ рукъ Минаева кружку меду, и это почиталось весьма важною наградою. Случалось, въ веселомъ расположеніи духа, воспоминашь такимъ образомъ многихъ *важныхъ служъ*, достойныхъ почешной чары; тогда простой разговоръ становился недостапочень для прославленія ихъ подвиговъ; воспламененные старцы запѣвали свои *богатырскія пѣсни*.

П Ъ С Н Я.

У насъ брашцы на Дону, во Черкаскомъ городу,
Проявилась у насъ брашцы, прирощеная *тула*,
Онъ изъ шумъ брашцы, шума, Сенька Маноцковъ злодѣй;
Крѣпкой думушки съ стариками онъ не думывалъ;
Думывалъ крѣпкую онъ думушку, съ ярыжками?
Переклинулся собака, ко Азовскому пашѣ
А Азовскій-шо наша спалъ его спрашивати:

Ты скажи, скажи пріятель, правду истинную :

Шшо-шо думаютъ у насъ, во Черкаскомъ городу?

« Да у насъ-шо на Дону, во Черкаскомъ городу

« Спарики-шо пьютъ гуляютъ, по бесѣдушкамъ сидяшъ,

« По бесѣдушкамъ сидяшъ, про Азовъ вашъ говорятъ:

« Ой не дай Боже Азовцамъ ума, разума того :

« Не поспазнилибъ они башенки на усть-рѣчки Каланчи,

« Не перекинули бы цѣпи черезъ славный тихій Донъ,

« Не подвели бы они спруны ко звонкимъ колоколамъ.

« Ужъ нельзя намъ бранцы будешъ во синеморе пройшишъ ,

« По синю морю гуляшъ, зипуновъ-шо доставашъ. »

Какъ у насъ было на Дону, во Черкаскомъ городу,

Войсковой нашъ ашаманъ во всю ночушку не спалъ ;

Какъ со вечеру соколъ нашъ роговые проплывалъ,

Ко бѣлу свѣлу соколъ нашъ по синю морю гулялъ,

По синю морю гулялъ, кораблики разбивалъ.

Часто Фроль Минаевичъ приглашалъ къ себѣ гостей; для встрѣчи приходившихъ къ нему выходилъ самъ съ женою и дѣтьми на крыльцо, и взявъ гостя подъ руки, вводилъ въ комнату, прося милоспи, въ его родительскомъ дому хлѣба - соли покушать. Угощеніе его доказывало избытокъ: каждому

посѣтителю подносили медь изъ жалованнаго Царскаго ковша, копорыхъ Минаевъ имѣлъ болѣе 20. Никто изъ приглашенныхъ не могъ уйти прежде другаго; но всѣ вмѣстѣ оставляли бесѣду, въ копорой часто заставало ихъ утро.

Съ особенною пышностію угощаль атаманъ Рускихъ дворянъ, Азовскаго агу, Турецкихъ пашей, Горскихъ князей, знатныхъ Ташарскихъ мурзъ. Всѣ эти Азіяшцы, находившіеся съ нимъ въ дружескихъ связяхъ, часто нарочно пріѣзжали въ Черкасскъ для свиданія съ Фроломъ Минаевичемъ; онъ принималъ ихъ въ комнату, устланной богатыми Персидскими коврами; вдоль по стѣнамъ съ одной стороны были лавки, а съ другой проспаго дерева раздвижныя сшуля, на кон клались, собственно для сего случая, шелко-

вья подушки, шипыя золопомъ. На стѣнахъ висѣли оружіе и збруя: пищаи, ружья, фузеи, сабли, шашки, кинжалы, шебалташи (*), рога, луки, колчаны съ стрѣлами, чеканы, ронзыки (**) и проч. Это вооруженіе, все оправленное серебромъ, развѣшено было съ такимъ вкусомъ и въ такомъ порядкѣ, что, составляя для глазъ пріятную

(*) Такъ назывался поясъ изъ ремня съ пряжкой, украшенный серебряными бляхами съ черниною, на которомъ висѣлъ большой рогъ для пороха, также обложенный серебромъ, спальный *мусатъ*, (огниво) съ ошворкою, и сафьянный *гаманъ* (мешечекъ) для пуль, обшитый серебрянымъ Черкескииъ *айтаномъ* (снуркомъ).

(**) *Ронзиками* у казаковъ называется конская збруя: узда, нагрудникъ и пафы, на Турецкій образецъ сдѣланныя и украшенныя серебромъ и шелковыми кеслями, иногда съ позолопомъ и камешками.

картину, оживляло въ душѣ воинствъ величественныя воспоминанія. За столомъ, опъ стакановъ до чашъ и блюды, все было изъ серебра. Хозянкъ не запрещалось показываться гостямъ, и Фроль Минаевичъ, кажется былъ первый на Дону, у котораго общества украсились присутствіемъ женщинъ.

Любя и уважая почтеннаго старца, многіе Донскіе старшины ему подражали. Поздѣвы, Кумшацковы, Серебряковы, Купейниковы, Машлыкины, отличались умѣньемъ жить, ласково принимать и угощать *бесѣду*.

Но общежитіе наше гораздо примѣннѣе начало совершенствоваться съ наступленіемъ XVIII столѣтія. Кромѣ тѣхъ причинъ, кои въ сіе время распространяли въ Россіи свѣтскую жизнь, были еще нѣкоторыя обстоятельства, болѣе къ тому способство-

вавшія на Дону. Азовъ былъ опіяньтъ у Турокъ.. Правительство запретило казакамъ производить морскіе и сухопутные набѣги, и врожденная ихъ дѣятельность, не находя для себя пищи въ немногихъ военныхъ занятіяхъ внѣ жилищъ, обратилась на житейскій кругъ. Старики охотно перенимали новости, кои не нарушали ихъ коренныхъ обычаевъ, и Рускія обыкновенія вводились почти непримѣтно. Петръ Великій, предписавъ въ Россіи повсемѣстное употребленіе нѣмецкаго плащя и запрешивъ бороды, не налагалъ подобныхъ обязанностей на Донцовъ. Казаки, радуясь сему изыяснію, прислали въ Москву ашамановъ съ изыясненіемъ благодарности Монарху: « Мы взысканы, говорили они, швоею милостію » паче всѣхъ подданныхъ; до насъ не коснулася швой указъ о плащѣ и

« бородахъ; мы живемъ по древнему на-
 « шему обычаю: всякій одѣвается
 « какъ ему угодно: одинъ Черкесомъ,
 « другой по Калмыцки, иной въ Русское
 « платье стараго покроя: мы это лю-
 « бимъ; нѣмецкаго же платья никто
 « у насъ не носитъ, и охоты къ нему
 « вовсе не имѣемъ. » Казаки не измѣни-
 ли сему обычаю даже до конца XVIII
 столѣтія; но держась строго своихъ
 старыхъ привычекъ, они между тѣмъ
 распространяли кругъ своихъ занятій
 и увеселеній, кои придали жизни ихъ
 много разнообразія.

Важнѣйшее измѣненіе старины со-
 стояло въ томъ, что браки казаковъ,
 въ первой половинѣ XVIII столѣтія
 воспріяли всю силу свою по уста-
 вамъ церкви. Казакъ не могъ уже раз-
 вестись съ женою, сказавъ на *сборѣ*:
она мнѣ не жена, а я ей не мужъ.

Въ слѣдъ за симъ женщины получили право гражданства въ нашихъ обществахъ. Хозяйки, и особенно пожилыя, уже свободно могли показываться въ собраніяхъ мужчинъ; но все еще не скоро привыкли выѣшиваться въ общій разговоръ и одушевлять бесѣды своимъ вліяніемъ, хотя впрочемъ жены старшинъ любили повеселились въ кругу своихъ сестеръ, которыхъ часто приглашали къ себѣ. Въ женскихъ собраніяхъ давшая Турчанка подносила госпьямъ на большомъ подносѣ сладкій медъ, а хозяйка держа въ одной рукѣ стаканъ, а другою взявшись подъ бокъ, въ желтыхъ туфляхъ, пристукивала каблучками, приговарывая: *« туфли къ милому глядятъ, полюбить его хотятъ. »*

Дѣвцы пользовались еще меньшею свободою: едва копорой изъ нихъ

совершалось 13 лѣтъ, и воля ея ограничивалась самымъ строгимъ приличіемъ. Дѣвушки на однихъ только свадебныхъ празднествахъ могли быть вмѣстѣ съ мужчинами, и обыкновенно проводили время или въ домашнемъ одиночествѣ, или въ кругу подругъ своихъ. Дома, всѣ занятія ихъ ограничивались шитьемъ и смолотрѣніемъ за кухнею; особенно же прилѣжали къ шитью, дабы получить названіе *зеберки*, которое давалось досужимъ мастерицамъ сего дѣла. Искусство шитья было тогда у насъ довольно однообразно: *сшить кубилекъ, выстегать узорами одѣяло, или кафтанъ, выстрогить ожерелокъ кривымъ танкомъ, бурсагками, разводами и проч.*, все выученное ошь Ташарокъ или Турчанокъ. Весьма многія обучались чистить акафисты и каноны; писали же красавицы

нашихъ въ то время не учили вовсе, опасаясь, что грамотныя заведутъ переписку съ мужчинами. Каждое воскресенье и каждый праздникъ ходили онѣ въ нарядномъ платьѣ, вмѣстѣ съ бабушками, или нянюшками, къ заупре-нѣ, къ обѣднѣ и къ вечернѣ; ввечеру сидѣли или расхаживали на крыльцахъ домовъ своихъ, скрываясь всякій разъ, какъ скоро завидятъ проходящаго молодого мужчину. Когда собиралось ихъ нѣсколько вмѣстѣ, играли въ *кремешки* (*), въ *жмурки*, въ *лан-*

(*) *Кремешками* называются у насъ круглые гладкіе камешки, величиною съ голубинное яйцо; для игры употребляется шесть шаковыхъ камешковъ: играющія садятся на полъ, который покрытъ ковромъ, кладутъ пять кремешковъ на коверъ кучкою, шестой бросаютъ вверхъ не много выше головы, и должны успѣшь взять камешекъ съ ковра и поймать падающій съ

ту (*), пѣли и плясали подь пѣсню, подь *варганъ*, или подь *гребешекъ*. Союзивенная ихъ пляска была во всемъ сходна съ Рускою. Иногда подь надзоромъ же бабушекъ и нянюшекъ вы-

верху. Каждая изъ играющихъ продолжала такъ-кимъ образомъ бросать съ ковра по одиночкѣ всѣ камни порознь, пошомъ всю кучку вмѣстѣ; послѣ перекладываеиъ ихъ съ одного мѣста на другое, захватываеиъ между пальцевъ, прокапываеиъ подь пальцами и пр.ч. продолжая одна играть до полѣ, пока уронишь бросаеиый кремешекъ; въ это время передаетъ другой, которая точно тоже дѣлаеиъ и ш. д. Сія игра перешла къ намъ отъ Татаръ.

(*) Въ игрѣ сей одной дѣвушкѣ завязывали глаза, другія соснавлили кругъ; первая, расхаживая въ кругу, должна была узнать у кого находился жгуиъ; ежели указывала не на ту, то имѣющая жгуиъ, удерпеиъ ее, передавала жгуиъ другой. Когда же узнавали, то сей узнавшой завязывали глаза.

ходили онѣ на улицу для хороводовъ; мужчины стоя поодаль могли только въ нѣкоторомъ разстояніи любоваться ими играми. Зимой дозволялось дѣвушкамъ *кататься на каталкахъ*, т. е., на гладкомъ льду, на кошеромъ скользили просто на ногахъ съ разбѣгу. Взрослымъ нельзя было оставаться до поздняго вечера ни въ хороводѣ, ни на *каталкахъ*, и если бы которая хотя немного запоздала, то бабушка нѣсколько дней сряду твердила бы ей: « не стыдно ли дѣвушка, « допоздна таскаешься; что женихи « скажутъ? » Хотите ли знать наружность нашихъ женщинъ? Представьте красавицъ роскошной Азіи, смѣшанныя вмѣстѣ черты Черкешенокъ, Турчанокъ, Татарокъ, Русскихъ, и тогда получите общее понятіе о красотѣ общительницъ Дона; пла-

менные черные глаза, щеки полныя свѣжей жизни, величавая опрятность и чистота въ одеждѣ, сославляють собспивенность нашихъ дѣвушекъ. Онѣ, какъ и всѣ женщины, любили наряды, и шакже какъ и Рускія барыни того времени, румянились, когда выходили въ церковь или въ гости.

Но строгое одиночество женщинъ мало по малу ослабѣвало: отъ каша-локъ и хороводовъ онѣ непримѣнно присвоили себѣ свободу выходить на улицу просто, для того, чѣтобъ погулять или *посидѣть* подлѣ *рундука* (помость, отъ котораго начиналась лѣстница). Главный городъ на Дону, Черкасскъ, былъ построенъ такъ шѣсно и неправильно, чѣто не лзя было найши порядочнаго мѣста для гулянья. Почти ни одинъ домъ не имѣлъ двора. Всѣ строенія были весьма однообразны:

снаружи высокая лѣстница вела на *галдарею* (*), отъ которой кругомъ всего дома шло высокое крыльцо; изъ галдареи ходъ въ сѣни.

Взойдите въ средину дома: главная комната или зала всегда прибрана и гошова для приѣма чужихъ; въ переднемъ углу на божницѣ стоить рядъ образовъ въ богатыхъ серебряныхъ окладахъ, надъ конми виситъ зажженная лампада, а съ божницы спускается *пелена*; по божницѣ и между образами висятъ въ пучечкахъ засохшіе цвѣты и разныя изображенія, сдѣланныя изъ цвѣтной бумаги и волосевъ. Въ углу, подъ святыми,

(*) Галдарей, родъ закрытаго со всѣхъ сторонъ балкона, который дѣлался передъ дверью, ведущею въ сѣни; самые же дома строились на высокихъ столбахъ по образцу Азіятскому.

споль, покрытый чистою скапертью. Около стѣнъ лавки, а въ богатыхъ домахъ на одной сторонѣ нѣсколько стульевъ, или раздвижныхъ проспаго дерева, или рѣзныхъ съ высокими спинками. Всѣ стѣны увѣшаны оружіемъ, и збруею. Подлѣ двери постлавчикъ, сдѣланный на подобіе шкапа со стеклянными дверцами, изъ за которыхъ видна разложенная въ порядкѣ серебряная посуда. Изъ залы дверь въ спальню, а изъ сей последней въ сипряпную. Изъ сѣней ходъ на чердакъ, гдѣ жили младшіе въ семействѣ. Хозяйка содержала весь домъ въ удивительной чистотѣ: недовольно того, что каждую недѣлю по одному и по два раза мыли полы, еще нѣсколько разъ въ году обмывали всѣ наружныя и внутреннія стѣны и пополки. Сія заботливость о чистотѣ соснавляется до

сихъ поръ отличительную черту въ характеръ Донскаго народа.

Самое большое развитіе стариннаго нашего общежитія послѣдовало при атаманѣ Данилѣ Ефремовичѣ Ефремовѣ, копорый утверждень въ семь званіи въ 1738 году Сей умный вождь казаковъ, имѣя по тогдашнему времени прекрасный вкусъ и значительное богатство, самъ любилъ жить весело и поощрялъ къ тому своихъ подчиненныхъ. Въ его время въ праздничные дни на всѣхъ улицахъ толпился народъ: въ одномъ мѣстѣ молодежь занималась борьбою, бѣганьемъ, игрою въ мячи, въ чехарду, въ бабки или въ *айдантики* (*). Въ другомъ, казаки, собравшись въ кружокъ, напѣвали бога-

(*) *Айдантиками* называющіяся маленькія кости изъ бараньихъ ножекъ.

шырскія пѣсни. Тамъ стройный юноша, бросивъ небрежно шапку на бекрень, выступалъ изреди товарищей, и съ первымъ звукомъ балалайки, пускался плясать казачка быстро, живо, присвистывая и прищелкивая языкомъ. Здѣсь, подлѣ *рундука*, сидятъ чинно пожилые воины: посреди ихъ *ендова* (*) *переварнаго* меда (**); старцы воспоминая о прежнихъ подвигахъ, осушали кружки прохладительнаго напитка. Подлѣ другаго *рундука*, на раскинутомъ коврѣ, расположилась бесѣда старушекъ: эпо жены старѣйшины нашихъ; онѣ сдѣлали общую складку, и *асырка* (***) на собран-

(*) *Татарскій лѣдный сосудъ, родъ большой чаши.*

(**) *Старики любили переварный медъ по его крѣпости и хорошему вкусу.*

(***) *Въ лучшихъ домахъ нашихъ женщины*

ная деньги принесла имъ сладкаго меду; передавая изъ рукъ въ руки кружку, онѣ выхваляють спарину и поють духовные псалмы и пѣсни о подвигахъ своихъ мужей и опцовъ. Проходятъ ли мимо ихъ знакомый или незнакомый мужчина, онѣ, привѣтливо поклонившись, приглашаютъ его: *подойди къ намъ родненькой*, и пощуютъ медомъ, а шопъ, въ благодарность, кладетъ имъ на подносъ деньги. За собранное отъ проходящихъ посылали въ другой разъ за медомъ, или замѣняли эпимъ сборомъ складку будущаго воскресенья. Въ таковыхъ бесѣдахъ наши прабабушки любили го-

имѣли для услугъ плѣнныхъ Татарокъ и Турчанокъ, кои называлпсь *ясирками*. Еще и нынѣ нѣкоторыя старушки называютъ горничныхъ дѣвушекъ *ясирками*.

ворить между собою по Ташарски, что въ то время было въ большой модѣ. Въ другомъ мѣстѣ выдали кругъ молодыхъ женщинъ въ праздничныхъ кубилькахъ: онѣ только что сошли съ ближняго крыльца, гдѣ хозяйка потчивала ихъ плодами, закусками, *сѣметками* (*); теперь вышли онѣ на улицу *посидѣть и полюбоваться общимъ веселіемъ народа*. Онѣ также, подражая старухамъ, поютъ пѣсни и псалмы. Въпъ идетъ мимо казакъ пожилыхъ лѣтъ: не допуская его до себя на нѣсколько шаговъ, всѣ вспеютъ,

(*) *Сѣметки*, ш. е., сѣмена арбузныхъ или тыквенныхъ, были во всеобщемъ употребленіи на Дону: ихъ жарили (сушили) на сковородѣ; каждая женщина и дѣвица почти всегда носила порядочный запасъ ихъ въ карманѣ для непрерывнаго употребленія. Это было въ обычаѣхъ тогдашняго времени.

почтительно кланяются и садятся уже тогда, когда онъ удалился отъ нихъ на нѣкоторое разстояніе. Это уваженіе къ спаршимъ съ малолѣтства укоренялось въ дѣтяхъ нашихъ и наставленіями и примѣрами: молодые люди стыдились сдѣлать при спарикѣ малѣйшую непристойность, иначе всякій спарецъ могъ не только напомнить юношѣ о его обязанностяхъ, но и наказать его, не опасаясь гнѣва родителей. Женщины обязаны были отдавать первенство всѣмъ мужчинамъ, а особенно когда сіи послѣдніе являлись въ dospѣхахъ воинскихъ: случалось ли вооруженному казаку встрѣшиться съ женщиною на узкихъ помостахъ грязной улицы, она, не смотря на грязь, должна была уступать мѣсто воину.

Но улицы города были пѣсны для вмѣщенія всей толпы веселаго

и дѣятельнаго народа; для того многія компаніи молодыхъ людей, и особенно дѣши, выходили за городъ къ *полисаднику*, кошорымъ обнесенъ былъ весь городъ, или въ *сады*. Здѣсь молодежь, одни съ ружьями, другіе съ луками и стрѣлами, размѣривъ мѣсто, поставили цѣли и вошь: первая стрѣла вонзилась надъ кругомъ, вторая вошла въ кругъ, третья въ самую средину онаго. Пули одна другой мѣшчѣ, рѣдкая возвысится или понизится на палецъ. Яйцо служишь мѣшой, и ни одинъ выстрѣлъ не пролетаетъ мимо. Въ сихъ забавахъ воинственныя юноши проводили большую часть дня; непрерывное упражненіе въ стрѣляннѣ доставило имъ удивительную мѣшкость: были между казаками такіе стрѣлки, кошорые на довольномъ разстояніи выбивали пулею изъ рукъ

монешу, положенную между пальцами, не зацѣпивъ держащаго ее. Рассказывающъ анекдотъ, что Государь Петръ первый, во время похода къ Азову, остановившись въ Верхне-Курмоярской сѣаницѣ, и увидѣвъ какъ-то подъ прошивоположнымъ берегомъ Дона плавающую ушку, спросилъ: нѣтъ ли шущъ казака, кошорой застрѣлилъ бы ее? Вызвался молодой воинъ *Пядухъ*, поднялъ пищаль и убилъ ушку не цѣлившись. « *Исполать казакъ!* » сказалъ Государь, *и я убью, но только поцѣлюсь.* »

Въ другомъ мѣстѣ около полисадника большая толпа малютокъ, разделенная на двѣ паршіи, разбила лагерь изъ камыша; всѣ въ воинскихъ доспѣхахъ: въ бумажныхъ шапкахъ и лядункахъ, съ лубочными саблями, съ маленькими деревянными пиками; въ каждой паршіи свой предводитель;

знамена изъ окрашенной бумаги, прещошки, бубны и тарелки для торжественныхъ пѣсней. По данному знаку объ партіи снимающіяся съ лагеря, сходящіяся, сражающіяся : побѣдители преслѣдуютъ побѣжденныхъ, отбивающія знамена , берутъ въ плѣнъ людей, и торжественно съ профеями своихъ подвиговъ, при звукѣ бубновъ и тарелокъ, входящія въ городъ, чѣобы принять отъ стариковъ похвалу. Казакъ *раждался* воинномъ; съ появленіемъ на свѣтъ младенца, начиналась его военная школа: новорожденному, всѣ родные и знакомые отца, приносили въ даръ на зубокъ: стрѣлу, пашпронъ пороха, пулю, лукъ, ружье и ш. -п.; даренныя вещи развѣшивались на спѣнѣ той горницы, гдѣ лежала родильница съ младенцемъ. Когда, по исчисленіи сорока дней , мать, взявъ въ

церкви очистишельную молитву, возвращалась съ ребенкомъ домой, отецъ надѣвалъ на него какъ нибудь саблю, сажалъ на лошадь, подстригалъ ножницами волосы въ кружокъ, и возвращая сына матери, поздравлялъ ее съ *казакомъ*. Когда у младенца прорѣзывались зубы, отецъ и мать посадивъ его на лошадь, возили въ церковь слушать молебенъ Іоанну воину о томъ, чтобъ сынъ ихъ былъ *храбрымъ казакомъ*. Первые слова, произносимыя малюпкою, были: *гу* и *пу* (*). Трехлѣтніе уже сами ѣздили на лошадяхъ по двору, а въ пять лѣтъ безстрашно скакали по улицамъ и участвовали въ дѣшскихъ манѣврахъ.

(*) Чу выражаетъ ѣхашъ верхомъ, а пу стрѣляшъ.

И старики не всё помѣщались въ бестдахъ, подлѣ *рундуковъ*: нѣкоторые собирались въ *станижные дома*, которыхъ по числу станицъ города Черкаска, было девять (*). Дома сѣи были построены на берегу Дона въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи; двѣ или при станицы пускали по рѣкѣ деревянный поплавокъ, прикрѣпивъ къ нему маленькую цѣль; пространство размѣряли такъ, чтобы отъ каждаго станичнаго дома цѣль опсстояла на ружейный выстрѣлъ; начиналась стрѣльба со всѣхъ станичныхъ домовъ, и которая станица прежде успѣвала сбить цѣль, ту побѣжденная обязана были угощать *тройнымъ касильгатымъ* (**)

(*) За исключеніемъ Ташарской станицы.

(**) Подъ симъ именемъ извѣстенъ былъ крѣпкій и весьма хорошій медъ.

медомъ. Другія *компаніи* стариковъ собирались на *голубцахъ* (*) (на кладбищѣ), гдѣ усѣвшись кружками, каждый поочередно приносилъ *ендову* крѣпкаго меда, и разнося кружки за упокой усопшихъ и въ честь живущихъ, начиналъ любимыя богатырскія пѣсни, повторяемыя всею бѣсѣдою:

I.

На зарѣ-шо было на зорюшкѣ,
 На зарѣ-шо было на утренней,
 На восходѣ было солнца краснаго:
 Не буйные вѣтры подымались,
 Не синее море всколыхалось,
 Не фузеюшка въ полѣ прогрянула,
 Не люта змѣя въ полѣ просвиснула,
 Просвиснула пулечка свинчашая;
 Она падала пулька не на землю,
 Не на землю пуля и не на воду,
 Она падала пуля въ казачій кругъ,

(*) *Голубцами* называются у насъ могильные памятники.

На урочную-то на головушку,
 Что да на первого есаулушку;
 Попадала пулечка промежъ бровей,
 Что промежъ бровей, промежъ ясныхъ очей;
 Упалъ молодецъ коню на черну гриву.

2.

Не правушка, не ковылушка въ полѣ шаталася,
 Какъ шатался, волочился удалъ добрый молодецъ,
 Въ одной тоненькой въ полощняной во рубашечкѣ,
 Что во шой-то было во кармазинной черкесочкѣ;
 У черкесочки рукавчики назадъ закинуты,
 И камчатны ево полочки назадъ застегнуты,
 Бусурманскою онъ кровію позабрызганъ.
 Онъ идетъ удалъ добрый молодецъ, самъ шашается,
 Горючею онъ слезою обливается.

Онъ пугимъ-то своимъ лукомъ опирается;
 Позолотушка съ пуга лука долой лепитъ.
 Какъ никло-то съ добрымъ молодцемъ не
 встречается;
 Лишь встрѣчалась съ добрымъ молодцемъ род-
 ная бабушка:

Ахъ ты чадо мое, чадушко, чадо милое мое!
 Ты зачѣмъ такъ мое чадушко напиваешься?
 До сырой-то ты до земли все приклоняешься,

И за правушку, за кавылушку все хвалтаешься.
 Какъ возговоришь добрый молодецъ родной ма-
 шушкѣ :

« Я не самъ такъ добрый молодецъ напиваюся ,
 « Напони-ть-то меня Турецкій царь тремя пойлами,
 « Что преме-то было пойлами, преме рознымъ :
 « Какъ и первое-то ево пойло — сабля острая ,
 « А другое ево пойло — копье мѣшкое было ,
 « Ево преме-то пойло — пуля свинчаяя.

3.

Какъ ты башюшка, славный тихій Донъ,
 Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ !
 Про тебя лежатъ слава добрая,
 Слава добрая, рѣчь хорошая.
 Какъ бывало ты все бысперъ бѣжишь ,
 Ты бысперъ бѣжишь все чистехонекъ ;
 А теперъ ты, кормилецъ, все мушентъ печешь ,
 Помушилъ ты, Донъ, съ верху до низу.
 Рѣчь возговорилъ славный тихій Донъ :
 Ужъ какъ-то мнѣ все смутину не бышь ,
 Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ ,
 Ясныхъ соколовъ, Донскихъ казаковъ ;
 Размываюшся безъ нихъ мои крупы бережки,
 Высыпаюшся безъ нихъ косы желтымъ пескомъ.

Не великой шамъ огонюшекъ горитъ,
То-то въ полъ кипарисный гробъ спойтъ;
Во гробу лежишь удалый молодець:
Во рѣзвѣхъ ногахъ ему чуденъ крестъ,
У буйной головушки душа добрый конь.
Какъ и долго ли въ рѣзвѣхъ ногахъ стояшь,
Какъ и долго ли желтыя пески глодашь?
Выбилъ яму по колено онъ.
Конь мой, конь, поваришь вѣрный мой!
Ты веселіе мое въ чистомъ полъ!
Бѣги мой конь ты къ моему двору,
Бѣги ты конь мой, все не спежкою,
Ты не спежкою, не дорожкой;
Бѣги мой конь пропивною,
Ты пропивною все звѣриною,
Куда правушка ковылушка лежишь,
Тамъ холодная крениченька бѣжишь.
Злодѣй Турчинъ не поймаешь тебя,
И Ташаринъ не осѣдлаешь тебя.
Прибѣжижь конь къ моему ты ко двору,
Вдарь копытомъ у верейки;
Выдешъ къ тебѣ спарая вдова,
Старая вдова, родная мать моя;
Сшавешъ тебя про сына спрашиванихъ:

« Не убилъ, не утопилъ ли ты его, »
 « Въ чистомъ полѣ положилъ-то я его »
 Ты скажи: « швой сынъ жежиться захошѣлъ,
 « Обнимаешь поле чистое теперь. »

Послѣ каждой пѣсни, распроганные старцы съ чувствомъ восклицали: « Да! заслужили наши казаки Богу, Государю и великому войску Донскому. » Случалась ли въ бесѣдахъ сихъ какая ссора, шарики шотчасъ мирили ее, или заставляли обидчика ийти по упру въ домъ къ обиженному, чшобы поклономъ въ ноги испросить прощенье. Вообще всѣ казаки, а особенно жившіе въ верховыхъ станицахъ, поставляли себѣ въ обязанность мирить всякія ссоры и даже тяжбы. Тамъ ашаманъ и шарики сами кланялись въ ноги тяжущимся, чшобъ они помирились и не ѣздили судиться въ Черкаскъ, гдѣ было главное

правленіе. Если враждующіе не соглашались на миръ, то оба въ одномъ каюкѣ (лодкѣ) пускались внизъ по Дону въ главное войско на судъ; но часто на пути, за крѣпительной чарой вина, будто неумышленно заводили между собою разговоръ и забывали о своей враждѣ. Нѣтъ нужды, что назадъ до спаницы надлежало тянуться противу воды, иногда верстъ сто и двѣсти: пріятно то, что апаманъ и старики встрѣчая ихъ, поздравляли съ миромъ.

Въ маѣ *главное войско* разсматривало дѣла *спаницы* и распредѣляло казаковъ. Для сего апаманъ со всѣми старшинами, составлявшими *правительство*, извѣстное въ народъ подъ именемъ *всевеликаго войска Донскаго*, выходилъ за городъ на возвышенныя мѣста, кои не потоплялись бываю-

щими въ семь мѣсяцъ разливами Дона, и тамъ разбивъ лагерь, творили судъ. Являлись челобитчики съ прозьбами о поновленіи границъ, о которыхъ вышелъ между станицами споръ, и сонмъ старѣйшинъ или поручалъ одному изъ среды своей разобрать дѣло на мѣстѣ, или склонялъ тяжущихся къ согласію на *общую правду*, т. е. на рѣшеніе какого нибудь старожила, кошорый, поклявшись на Евангеліи поспушать по совѣсти, долженъ былъ со свяшою иконою въ рукахъ пройти точно по тѣмъ мѣстамъ, какъ помнилъ онъ прежнюю межу. За симъ подходили изувѣченные на войнѣ казачи: войско снабжало ихъ опшественными листами и награждало доспѣйшійшихъ. Выступали частные челобитчики: *всевеликое войско* удовлетворяло каждого; ни одинъ не опшо-

диль недовольнымъ. Спарѣйшины Дона занимались такимъ образомъ дѣлами шолько до полудня, а осмаштокъ дня проводили въ забавахъ. Забавы сѣи имѣли общій характеръ, свойственный народу воинственному. Иногда располагались всѣ большимъ кругомъ, посреди лагеря: вводили въ кругъ двухъ могучихъ борцовъ, полунагихъ калмыковъ, у которыхъ все шѣло было вымазано жиромъ. Поединщики осмаштривали другъ друга, сходились, расходились, примѣривались какъ ловчѣ схватиться, и вдругъ сѣпились: руки ихъ скользятъ по шѣлу; борцы упираются ногами въ землю, жмутъ одинъ другаго, крутясь, сплешающа ногами и вошь сильный розмахъ повергаешъ одного на землю; крикъ со всѣхъ споронъ: *славно! богатырь!* награждаешъ побѣдителя. Побѣдишь

противника значило повергнуть его лицомъ вверхъ. За симъ собраніе дѣлилось на ряды, чѣмъ стрѣлять въ цѣль изъ ружей и луковъ; поодаль манёврили толпы мальчиковъ, заводя противную партію въ засады, или стараясь схватить удобный случай для нечаяннаго нападенія; спарѣйшины торжественно отдавали первенство той или другой сторонѣ. Непримѣтно вечеръ заставалъ собраніе въ снхъ играхъ.

Случалось ли войсковому ашаману обозрѣвать верховыя сѣаницы для переписи *малолѣтковъ* (*): онъ назначалъ удобное мѣсто, куда собирались изъ 20, 30 и болѣе сѣаницъ, ашаманы со стариками и всѣ малолѣтки на

(*) Десятинадцати-лѣтнихъ казаковъ, которые съ сего возраста записывались въ служилые казаки.

лучшихъ коняхъ въ полномъ вооруженіи: съ пиками, длинными ружьями, шашками, боршнями, луками и проч. Обширный лагерь разбивался посреди ровной долины, на которой недѣль по двѣ и по мѣсяцу, въ присутствіи войсковаго ашамана, продолжались военныя игры. Одна толпа юношей пробовала скачкою быстроту лошадей; другая на всемъ скаку снѣрѣляла въ цѣль; тамъ удалцы, перекинувъ черезъ сѣдло стрелы, стоя неслись во весь опоръ на дикихъ лошадяхъ, отбиваясь шашкою, или цѣлясь ружьемъ; либо разославъ на землю бурку, и бросивъ на нее плѣть, монету и ш. п., хватали ихъ на всемъ скаку. Выѣзжали охотники поединщики и разскакавшись другъ на друга начинали бой плѣтьми. За симъ открывалось новое зрѣлище. Большая

часть воиновъ въ полномъ вооруженіи неслися толпою къ рѣкѣ и на всемъ лету, бросившись въ воду, переплывали на другой берегъ. Тѣмъ, которые ошлнчались проворствомъ, легкостію, мѣткостію въ стрѣльбѣ, войсковой ашаманъ дарилъ уздечки, приборы къ сѣдлу, оружіе и проч. Эта награда пріобрѣтала имъ уваженіе товарищей. Съ наступленіемъ вечера производились кулачные бои.

Масляница у предковъ нашихъ праздновалась великолѣпнымъ образомъ: цѣлую недѣлю отъ малаго до стараго весь городъ веселился. Кромѣ пріятельскиххъ *бесѣдъ* мужчинъ и женщинъ, которые въ эту недѣлю почти въ каждомъ домѣ распѣвали псалмы и богатырскія пѣсни, главное ошлнчїе масляничнаго веселія составляли скачки и пальба. Приготовленія къ сему на-

чинались почти цѣлымъ мѣсяцемъ ранѣе; во все это время молодежь не выходила изъ конюшенъ, не досыпала ночей, готовя добрыхъ коней. Съ наступленіемъ перваго дня масленицы, вооруженные наѣзтники со всего города собирались къ назначенному мѣсту, на лучшихъ скакунахъ съ дорогими наборами, всякій съ желаніемъ блеснуть конемъ, збруею, удалствомъ. Спеченіе было самое многочисленное: сюда выѣзжали и прабабушки наши съ своими красавицами дочками въ нарядныхъ возкахъ съ жаровнями. На открытомъ мѣстѣ стояла мишень, пучекъ камыша, перпендикулярно поставленный, а саженьхъ въ 200 отъ него назначался пунктъ, отъ котораго надлежало скакать. Начиналась скачка: первый несется спрѣлою съдой спарець; бросивъ у самаго пука

поводья, прикладывается онъ короткимъ своимъ ружьемъ и пукъ зажженъ. За нимъ лепишь юноша, который, на всемъ скаку соскочивъ съ лошади и держась одною рукою за гриву, схватываетъ другою изъ за пояса пистолеть, стрѣляешь въ пукъ и въ мигъ на лошади; другіе по слѣдамъ его перепрыгивають черезъ огонь. Иной, припвораюсь падающимъ съ несущейся лошади, хватаешь съ земли монету, и бросивъ ее впередъ, ловишь ее на лешу. Такимъ образомъ наѣздничествовали здѣсь Донскіе воины, каждый день до вечера, перемѣняя по нѣскольку пуковъ камыша въ день, и по нѣскольку коней. Уставъ опъ скачки спарики подѣзжали къ *возкамъ* и изъ рукъ бабушекъ полкрѣпляли себя *сабираломъ* (*); а молодежь

(*) Подъ именемъ *сабирала* извѣстенъ былъ на Дону лучший медъ. .

украдкою ловила взоры сидѣвшихъ въ возкахъ прелесныхъ зашворницъ.

Тогда, какъ здѣсь забавлялся *скачкою на мишень*, въ другомъ мѣстѣ собирались охотники на скачку другаго рода, въ которой сильнѣйшая и рѣзвѣйшая лошадь одерживала побѣду. Въ эту скачку употреблялись *яровыя* лошади, которыхъ каждый разъ собирали отъ 50 до 100: надлежалой пронестись не менѣе 15 верстъ по прямому направленію. Данила Ефремовичъ по большей части учреждалъ таковыя скачки отъ *Гиравой* могилы до того мѣста, гдѣ нынѣ Новочеркасскъ; это будетъ болѣе 25 верстъ разстоянія (*). Треть

(*) Замѣчательнѣйшая скачка на Дону была 5 мая 1805 года, при zaloженіи города Новочеркаска, на которой было болѣе 500 лошадей.

лучшимъ ѣздокамъ полагались призы : первому, конь со всею збруею, или большая серебряная кружка; вшопрому, нѣсколько аршинъ алаго сукна и парча; претъему, тибеньки, спремена и сафьянъ.

Дѣти заводили свои скачки по улицамъ; въ городѣ же въ каждомъ домѣ съ ранней зари и до полуночи производилась непрерывная пальба изъ ружей и пистолетовъ; дѣти стрѣляли изъ маленькихъ пушечекъ, у кого же не было ихъ, тѣ просверливали въ пуспыхъ косяхъ заправки, или заряжали камышинки. На крыльцахъ домовъ, на улицахъ, на мостахъ, вездѣ толпы народа, вездѣ пальба; одни больные были прикованы къ своимъ постелямъ, все прочее веселилось.

Въ будни, въ свободное время, казакъ не оставался дома : его неуго-

монный характеръ требоваль дѣятельности. На залешномъ конѣ гонялся онъ въ полѣ за дикими козами, оленями, шарпанами, сайгами, или съ борзыми собаками *полеваль зайцевъ, лисиць, волковъ*; убишь веоря или барса, было дѣломъ славнымъ. Но у насъ бывали еще особеннаго рода охопы, кошорыми забавляль войско самъ ашаманъ. Отличные наѣздники на рѣзвыхъ скакунахъ, собравшись по повѣсткѣ, отправлялись за ашаманомъ къ курганамъ *Двухъ братьевъ* (*); отсюда открываешся обширное *займище*, кошорое на шопъ разъ всегда окружалось тысячью казаковъ, нарочно для сего собранныхъ; въ разныхъ мѣстахъ разставлены были шенеша. Вотъ проекрашный ружейный выспрѣль подаешъ знакъ

(*) Неподалеку отъ Черкасса.

къ начашю охоты: раздавшійся со
 всѣхъ сторонъ громкій крикъ пробуж-
 даешъ *займище*; шолпы всадниковъ
 носятся въ различныхъ направле-
 ніяхъ; поднимаются успрашенные
 звѣри. Здѣсь, видите вы, свирѣпый
 вепрь, посякая клыками камышъ,
 идетъ на сопровивниковъ; его ждуть
 мѣпкіе охотники съ винтовками на
 прикладахъ, и подпустивъ на высрѣль,
 поражаютъ нѣсколькими пулями; разъ-
 яренный звѣрь, означая слѣдъ свой
 пѣною и кровію, успремляется на
 дымъ, чѣтобъ отомстить дерзкимъ,
 или дорого продасть жизнь свою;
 охотники постороняются, и въ мигъ
 вѣсколько пикъ повергають его на
 землю. Тамъ решивый наѣздникъ, под-
 нявъ чеканъ, преслѣдуетъ волка; доб-
 рый конь, *попрашивая* (*) поводья,

(*) Національное у казаковъ слово, означаю-

не выпускаетъ изъ виду звѣря, который, ощипывая шерсть, часто озирается и щелкаетъ зубами, и оба скрываются отъ глазъ. Здѣсь легкая коза, поднявъ гордо шею, стрѣлой несется по гладкой равнинѣ, оспанавливаясь, манитъ жаднаго охотника, надѣясь на быстрый свой бѣгъ; но подстрекнутый всадникъ припадаетъ къ сѣдлу, гонитъ борзого коня, и собравъ арканъ, мѣтко бросаетъ его на шею своей добычи. А здѣсь робкій заяцъ, приложивъ на спину уши, мечется во всѣ стороны ища спасенія: его съ намѣреніемъ, пропускаютъ и у самыхъ ногъ ашамана, ударомъ плѣти приковываютъ къ землѣ. Въ сихъ охотахъ молодежь наша научалась имѣть

щее, что лошадь нетерпѣливо рвется, и побѣ имѣть свободныя поводья.

зоркій глазъ, чуткое ухо, смѣлость, отважность. Окончивъ охоту, наѣзники отправлялись къ ашаману обѣдать или ужинать; шутъ, за спаканами меда, всякій рассказывалъ какъ нагналъ волка на засаду, или подстерегъ лису, кравшуюся ползкомъ въ густошу камыша, или съ конемъ своимъ перепрыгнулъ черезъ опасный оврагъ.

За охотою обыкновенно слѣдовала дружеская *бесѣда*: убившій оленя, вепря или козу, созывалъ своихъ сосѣдей разѣсть вмѣстѣ звѣря; нынѣ одному удавалась охота, завтра другому, а послѣ третьему, и такъ далѣе. Бесѣды переходили изъ дома въ домъ; кто не доставалъ дикаго звѣря, тотъ убивалъ что нибудь изъ домашняго скота лишь бы не опстать отъ другихъ въ гостепріимствѣ. Остатками убитаго звѣря хозяинъ дѣлился съ

сосѣдами ; ибо продавать съѣстное не было тогда у насъ въ обычаѣ. Прадѣды любили щеголять на званыхъ столахъ, приглашая знакомыхъ на крестины, именины, свадьбы и проч. Здѣсь бѣдный и богатый ставили на столъ непременно полное число блюдъ. Обѣды начинались обыкновенно *кругликомъ* (пирогомъ) съ рубленымъ мясомъ и перепелками; за нимъ слѣдовало 8 или 10 холодныхъ: *студень*, *сѣкъ* (*), *языки* (**), приправленные солеными огурцами; полочки изъ поросенка, гуся, индѣйки, всѣ на разныхъ блюдахъ; часть дикой свиньи въ разварѣ, лебедь, соленый журавль и проч.; послѣ холодныхъ подавали горячія также до 10 блюдъ: щи, по-

(*) Филейная часть говядины въ разварѣ.

(**) Языки.

хлебку изъ курицы, свареной съ сарацинскимъ пшеномъ и пшеномъ; *моркову*, т. е. супъ изъ баранины, приправленной морковью; *шурубарки* (ушки); борщъ со свиной; *дулма*, которой было три рода: изъ капуста съ рубленнымъ мясомъ, изъ огурцовъ и изъ башмакановъ; *лапшу*, супъ изъ дикой ушки и проч. Всѣ супы были приправлены лукомъ. Соусы вовсе были исключены изъ нашихъ обѣдовъ, а послѣ суповъ потчасъ подавали жаркія: гуся, индѣйку, поросенка съ *нагинкою*, цѣлаго ягненка съ чеснокомъ, часть дикой козы, дрофу, дикихъ утокъ, куликовъ и другую дичищу, все также на особыхъ блюдахъ. Телятины предки наши никогда не ѣли, почитая это за грѣхъ. Въмѣсто пирожнаго подавали: *блинцы*, *лапшевникъ*, *кашникъ*, молочную кашу, и наконецъ *уре кашу*

изъ проспаго пшена приправленную
 сюзьмою , ш. е., кислымъ молокомъ.
 Оканчивался же споль десертомъ
 изъ свѣжихъ и сухихъ фруктовъ.
 Чшобъ не обидѣшь хозяина, всѣ гости
 должны были непременно опвѣдать
 каждое блюдо. За всякимъ кушаньемъ
 пили медъ, а дабы никто не ошгова-
 ривался и всякой выпивалъ до дна, по
 съ перваго спакана начинались посты:
 первый за здравіе Государя; хозяинъ
 возглашалъ: *«Здравствуй Царь, Госу-
 дарь въ кременной Москвѣ, а мы Донскіе
 казаки на тихомъ Дону.»* Потомъ слѣ-
 довалъ постъ войска Донскаго: *Здрав-
 «ствуй войско Донское съ верху до низу,
 съ низу до верху.»* Потомъ пили здо-
 ровье ашамана, всѣхъ гостей и проч.
 Десертъ нашъ, по изобилію и вкусу
 фруктовъ, могъ почитаться отлич-
 нымъ: персики, абрикосы, виноградъ,

разные роды вишень, грушъ, берга-
мотовъ, яблоковъ, и *дули* (груши),
извѣстные подъ именемъ Персидскихъ.
Сказываютъ будто Императоръ Петръ
I, находясь въ Персидскомъ походѣ,
далъ бывшему при немъ казаку сѣмя
шаковой дули, которую самъ кушалъ,
сказавши: « когда воропишься домой,
посади это сѣмя и разведешь себѣ хо-
рошія груши. » Казакъ исполнилъ это,
и плоды сіи до нынѣ сохранились въ са-
дахъ нашихъ.

При Ефремовѣ завелся на Дону
экипажи. Въ старину казаки всегда
ѣздили верхомъ; сѣсть въ рыдванъ по-
читалось неприличнымъ; однѣ только
женщины употребляли простыя па-
рашайки, покрытыя узорчатымъ вой-
локомъ. Въ повозки сіи дозволено бы-
ло запрягать только самыхъ дурныхъ
лошадей, калекъ и вообще такихъ,

кои неспособны были къ верховой ѣздѣ: казаки думали, что достоинство лошади оскорбляется упряжью. Первый рыдванъ появился въ домъ атамана Данилы Ефремовича безъ рессоръ, на ремняхъ, усѣянный мѣдными гвоздями съ большими головками. Экипажъ сей новостію своею такъ удивлялъ тогда всѣхъ жителей, что когда атаманища ѣздила въ немъ по городу, то народъ выбѣгалъ на улицы и къ окнамъ домовъ, крича: *сама ѣдетъ*. Въ подражаніе Ефремовымъ завелись экипажи въ домахъ Поздѣва, Мартынова, Луковкина. Вскорѣ показалась у Ефремовыхъ и коляска тогдашняго фасона, а для зимы возокъ, расписанный яркими красками, обитый войлоками, цвѣтною шелковою матеріею и бархатомъ, со стеклами и съ жаровнею по серединѣ. Хошите ли имѣшь поня-

тіе о тогдашнемъ Донскомъ экипажѣ? Онъ запряженъ турецкими лошадками или изувѣченными лошадьми; Калмыкъ занимаетъ мѣсто кучера; дородная дѣвушка или женщина на запяшкахъ вмѣсто слуги. Въ то время крестьянъ на Дону еще не было, а казакъ ни за что въ мірѣ не согласился бы поѣхать съ женщинами. Это почиталось такимъ безчестьемъ, котораго ничѣмъ не лзя было загладить. Старшина Павелъ Ѳомичь Кирсановъ (*), уже въ послѣдней половинѣ минувшаго столѣтія, первый выѣхалъ въ саняхъ на бѣгунѣ съ пристяжными, чпо изумило весь городъ. Спустя нѣкоторое время, старшина Дмитрій Марыновичъ

(*) Почтенному сыну его обязанъ я многими любопытными свѣдѣніями о Донской старинѣ, и симъ изъявляю мою признательность.

Маршановъ показался въ одноколкѣ на гордомъ конѣ.

Старшины обращались съ казаками чрезвычайно просто и совершенно бражки. Даже и тогда, когда званіе войскового атамана сдѣлалось не избираемымъ, и власть его въ народѣ была весьма значительна, прежнее обхожденіе не измѣнилось. Данила Ефремовичъ Ефремовъ, бывшій генераль-маіоромъ и послѣ тайнымъ совѣтникомъ, никогда не чуждался *бесѣдъ* казачьихъ. Къ нему всякій приходилъ какъ къ своему товарищу, и запросто говорилъ ему *ты*. Много забавныхъ анекдотовъ можно слышать о подобной простотѣ; такъ напримѣръ: однажды казакъ, донося Ефремову, что войсковые плоты попали на мѣль, заключилъ рѣчь свою со всемъ добродушіемъ: *хоть тресни, Данила Ефремо-*

виго, не стацишь. Въ Рождество, старикки разными компаніями, не исключая и лучшихъ старшинъ, ходили изъ дома въ домъ *Христа славить*, начиная обыкновенно отъ войсковаго атамана. Самъ атаманъ приставалъ къ компаніи старшинъ, и вмѣстѣ съ ними ходилъ по всѣмъ жителямъ города. Во всякомъ домѣ пѣли они *Христось рождается*, за что хозяинъ обязанъ былъ заплацишь имъ. Собранныя такимъ образомъ деньги, иные отдавали на соборъ, другіе покупали на нихъ медъ для бесѣдъ своихъ.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

Изъ частной жизни Донцовъ вы видѣли, что воспитаніе и образъ жизни дѣвницъ и молодыхъ людей на Дону не благопріятствовало ихъ знакомству; мужчины могли видѣть дѣвушекъ только въ хороводахъ, иногда на гуляньяхъ, на свадьбахъ, или на крыльцахъ перемовъ; но всегда вмѣстѣ съ нянюшками или пожилыми родственницами. Иной дѣвицѣ до самаго замужства не удавалось сказать трехъ словъ чужому мужчине. Старые Донцы находили грѣхъ въ томъ, когда холостой мужчина свободно разговаривалъ

съ дѣвушкою. « Не гляди въ глаза муж-
 « чинѣ, » твердила бабушка своей
 внучкѣ; « Богъ не дастъ счастья; » и
 внучка должна была отворачиваться,
 или попускать глаза въ присутствіи
 мужчинъ. Думать не лзя, чтобы
 украдкою красавицы не заглядывались
 на стройныхъ юношей; чтобы муж-
 чина, которому уже намекали о же-
 нидбѣ, не назначалъ въ умѣ своемъ
 той или другой себѣ въ жены; по-
 рѣдкій Донецъ женился по собствен-
 ному выбору: большею частію роди-
 тели назначали ему невѣсту. Почте-
 ніе и послушаніе къ старшимъ всегда
 составляло у насъ главнѣйшую часть
 нравственнаго воспитанія; не было
 примѣра неповиновенія родителямъ.
 « Сынѣ, тебѣ время жениться, » го-
 ворилъ отецъ: « мы съ матерью вы-
 брали тебѣ невѣсту; она умѣетъ

« хозяйничать, изъ хорошаго дому и « *гиберка* » прибавляла мать. « Воля ваша, » отпѣчалъ сынъ, и поклонъ въ ноги. Даже въ такомъ случаѣ, когда самому жениху давалась воля избирать себѣ подругу, вліяніе родителей всегда почти располагало его выборомъ; надобно было, чѣмъ бы невеста имъ такъ же нравилась, какъ жениху.

Дѣло начиналось смотромъ невесты. Женихъ съ однимъ или двумя пожилыми родственниками, отправлялся, по большей части вечеромъ, въ домъ невесты, гдѣ принимали ихъ ея родители. Гости заводили разговоръ о дочери хозяина, хвалили ея красоту, умъ, называли ее доброю хозяйкою и просили, чѣмъ бы она имъ *поднесла*: позову матери красавица являлась, одѣтая по домашнему, держа въ рукахъ поднось съ кубками вина, и разнеши

кубки отходила къ споронѣ, смиренно ожидая пока госпи выпьютъ.

Разумѣется старики съ умысломъ медлили, чтобы дать жениху время всмотрѣться въ невесту, и между тѣмъ хвалили вино и *поднощницу*. Принявъ бокалы, она удалялась, а въ слѣдъ за нею госпи, которые не переставали хвалить дочку, оканчивая: «Богъ дастъ, она и насъ полюбитъ.» Сიმъ заключалось первое посѣщеніе жениха, и хотя не объявляли прямо о его намѣреніи, но самый приходъ его уже объяснялъ все.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смотра, присылался со стороны жениха *сваты*, одинъ или два человека изъ родственниковъ или постороннихъ. Выбирали для сего людей опытныхъ, которые славились умѣньемъ высватать, и могли насчитать до сотни

соединенныхъ ими парь. Случалось иногда, что дурной выборъ сваговъ ставили жениху въ укоризну, и единственно попому отказывали ему въ невѣстѣ; объясняясь же самимъ родителямъ жениха и невѣсты на счетъ своихъ дѣшей, почиталось неприличнымъ. Свагы начинали дѣло просто: «*шакой-то и такая-ша хопяшъ вступитъ съ вами въ родство,*» и разумѣется осыпали похвалами жениха и его семейство. Если имъ отвѣчали благодарностію за доброе мнѣніе о дочери; но отговаривались, что не могутъ выдать ее по неимѣнію всего нужнаго для свадьбы: то это означало отказъ. Въ случаѣ согласія, невѣстѣ отецъ просилъ дать ему время посоветоваться съ роднею и назначалъ день, въ который свагамъ надлежало принести за отвлѣтомъ. Невѣста въ семь

случаѣ не имѣла голосу; ей нравилось, или должно было нравиться все, что было угодно батюшкѣ и мапущкѣ. Сваты, выходя изъ комнаты спарались непременно прикоснуться рукою къ печи, приговаривая : какъ эта печь не сходитъ съ своего мѣста, такъ бы и отъ насъ не отошла наша не-вѣста. Искуснѣйшіе въ сватовствѣ не ограничивались однимъ этимъ и дѣлали много другихъ причудъ, толкуя, что онѣ помогаютъ успѣху.

Въ назначенный день по утра являлись тѣ же сваты, вынимали изъ запазухи кусокъ чернаго хлѣба, посыпаннаго солью, клали на столъ, говоря хозяевамъ : « отецъ и мать такого-то кланяются, и просятъ принять хлѣбъ-соль. » Хозяева вмѣсто отвѣта цѣловали госпинецъ. Сватовство, разумѣется, оканчивалось согласіемъ.

Сваты требовали, въ знакъ онаго руки. « *Дай Богъ въ добрый часъ,* » говорилъ отецъ, осѣняя себя крестомъ, и обернувъ полою своего плащя руку, подавалъ ее сватамъ. Мать клала земные поклоны, и повторяя: « *въ добрый часъ* » подавала и свою руку. Эшо называлось у насъ *взять руку*. Подать или взять руку, не завернувъ ее въ полу плащя, считалось дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ стари-ну Донцы думали, что голая рука есть символъ бѣдности. Въ заключе-ніе, невѣста подносила по ешакану меду сватамъ, кошорые и поздравляли ее съ женихомъ.

По большей часши въ эшопъ же вечеръ дѣлалось *рукобитье*. Женихъ съ опцемъ, машерью и родными приходилъ къ своей суженой, въ домъ ко-шорой собирались ся ближніе род-

свѣнники. Тамъ встрѣчали жениха поздравленіемъ съ невѣстою, а онъ опивчалъ поклономъ въ ноги будущему своему тестю и тещѣ, и становился у порога. Родители двухъ споронъ, въ знакъ союза, давали другъ другу *руки*, называли одинъ другаго: *сватушка* и *сващинька*, и дѣлали *зарядъ* на случай отказа какой-либо стороны отъ брака.

О приданомъ тогдашніе казаки все не знали: никогда не женили дѣшей по расчёсу, и для того при сватовствѣ даже не намекали о томъ, опасаясь унижить чистоту брака примѣсю къ оному какой либо корысти. Окончивъ всѣ условія, свашъ, который игралъ здѣсь ролю церемоніймейстера, выводилъ жениха на средину комнаты; невѣсту ставили подлѣ правой споронъ; подносили имъ по

рюмкѣ вина или меду, и молодые, выпивъ, цѣловали другъ друга. Сей первый поцѣлуй уже связывалъ ихъ навсегда; родители соединяли имъ руки приговаривая: « дочь! возьми тебѣ женихъ, а тебѣ мой сынъ невеста; да благословитъ Господь Богъ союзъ вашъ. » Иногда при семъ случаѣ, невеста и женихъ дарили другъ друга. Между тѣмъ выносили огромный серебряный подносъ, уставленный серебряными съ черною сѣпаканами, полными пынсапаго меду или вина; женихъ, а послѣ него невеста, обносили всѣхъ гостей, которые, выпивъ до дна, привыщепвовали ихъ желаніемъ *совершить нагапѣе дѣло*. Сямъ оканчивалось *рукобитіе*, которое на Дону означало шже, что въ Россіи *помолвка*. Когда соединяли руки новой чепъ, женщины пѣли двѣ пѣсни:

Ой зайюшка горностай молодой и Перепелушка рябь перушки; первую для жениха, вторую для невесты, повторяя оныя во весь вечеръ.

Совершивъ *рукобитье*, старики удалялись въ другую комнату запивать радостное начало дѣла, а жениха и невесту оставляли однихъ съ молодыми, чтобъ ознакомиться и повеселиться. На *рукобиты* обыкновенно гости не оставались долго; назначали день для *сговора* и расходились. Женщины, проходя по улицамъ непременно пѣли *Зайюшку* и *Перепелушку*; чтобы извѣстить жителей о происходившемъ.

Сговоръ былъ гораздо торжественнѣе *рукобитья*. Въ назначенный день двѣ *позыватыя* со стороны жениха, и двѣ со стороны невесты, съ самого утра, ѣздили изъ дома въ домъ съ

приглашеніями къ роднымъ и всѣмъ знакомымъ. Въ *позыватѣля* обыкновенно избирались молодыя женщины, которыя умѣли *хорошо упрашивать*, были веселы, развязны, разговорчивы. Въ каждомъ домѣ онѣ должны были *сказать поклонъ отъ отца и матери и просить на сговоръ*, непременно прибавляя: « *да пожалуйста же мои родненькія*; въ каждомъ домѣ ихъ угощали сладкимъ винцемъ и также *просили непременно выпить*, такъ что не рѣдко онѣ возвращались домой очень навеселѣ. Въ вечеру, обыкновенно къ 6 и 7 часамъ, собирались въ домъ невесты, собственно къ ней дѣвицы, а къ ея родителямъ замужнія женщины и мужчины. Дѣвушки помѣщались въ особой комнаѣ; всѣ прочіе гости, которыхъ всегда называли *стариками*, въ залѣ, посреди коей былъ

раскинуть большой столъ, покрытый скапертью; угловой столикъ, былъ уставленъ пряниками, орѣхами; сахарными закусками и *сѣмезками*. Все собрание садилось, въ ожиданіи жениха.

Въ его домѣ собирались его знакомые; здѣсь пригошовляли 10 или 20 и болѣе блюдъ съ кренделями, пряниками, орѣхами, винными ягодами, финиками, и всякими сластями, да нѣсколько дюжинъ бупылокъ лучшаго меду и вина. Всѣ гости отправлялись съ сею хлѣбомъ солью въ торжествѣ въ домъ невесты: впереди несли блюда, за ними шли женатые мужчины, потомъ замужнія женщины, и наконецъ женихъ съ молодежью. Хозяинъ и хозяйка встрѣчали ихъ на крыльцѣ, вводили въ залу и сажали сватушку, свашиньку и родню ихъ въ первыя мѣста; женихъ съ товарищами спавовиляся у порога;

принесенными блюдами и напцтками уставляли раскинутый по срединѣ столъ, чтобы всѣ видѣли обильную хлѣбъ-соль. Ошечь невѣстникъ, попомъ мать, обносили всѣмъ гостямъ по спакану. За симъ сваты требовали, чтобы юная чета въ виду всего собранія *была сговорена*. Жениха и невѣсту сазвали посреди залы и повторяли тотъ же обрядъ, который наблюдался при рукобшнѣ: родственники жениха и невѣсты, поздравляя, дарили другъ друга. Свекоръ и свекровь, въ семь случаѣ, должны были превзойти всѣхъ щедростію. Сговоръ оканчивался тѣмъ, что женихъ и невѣста подносили всѣмъ гостямъ вино или медъ, и принимали отъ всѣхъ по поцѣлюю.

Отъ послѣдняго гостя невѣста убѣгала въ другую комнату къ дѣвуш-

камъ, стараясь, чтобъ женихъ не успѣлъ ее упредить и помѣщалась между своими подругами, кои сажались сколько можно шѣсѣе, дабы не дать мѣста жениху. Это было ему наказаніемъ за чѣмъ вынудилъ изъ рукъ невѣсту. Женихъ, опоздавшій занять мѣсто возлѣ своей суженой, долженъ былъ купить его у ея сосѣдокъ. Начинался торгъ; женихъ набавлялъ цѣну по немногу, дѣвицы не уступали ничего, говоря, *что ихъ невѣста золотая, и недешево ему достанется.* Этошъ торгъ забавлялъ всѣхъ: старики осматриваяли свои стаканы и наполнялись изъ залы, чтобъ посмотрѣть на молодыхъ проказницъ; ихъ шушки приводили въ смятеніе жениха, и часто заставляли его соглашаться на все, чтобъ получить мѣсто подлѣ невѣсты. Молодежь не оставляла ошъ жениха;

но ей нельзя было садиться между дѣвицами, а надлежало помѣщаться въ особомъ углу, или стоять у порога; только къ родственницамъ можно было подходить и вступать съ ними въ разговоръ, не нарушая благопристойности. Полчаса, часъ, и болѣе продолжалась пишина: молодежь въ своемъ углу шептала; черноокія красавицы неподвижно сидѣли на своихъ мѣстахъ, не смѣя посмотрѣть въ спорону, и только изрѣдка поглядывая на свой нарядъ, и поправляя полы алыхъ или малиновыхъ кубельковъ и плашки на шеяхъ, голубые съ бѣлыми каймами или алые съ зелеными. Всякая щеголиха старалась выказать при семъ случаѣ свои жемчуги, золотыя серьги, чиклики.

Опять привычки ли, или опять того, что въ нашихъ обществахъ тогда не

знали еще нынѣшнихъ свѣтскихъ приличій, никто не скучалъ общимъ молчаніемъ. Мало по малу хозяйка, или кто нибудь изъ ея родственницъ заводила игры: въ *короли*, въ *контики* (*) и т. п. Общество оживлялось: смѣялись, шутили, рѣзвились. Въ пѣкопныхъ домахъ танцовали подь баламайку, а послѣ подь звуки оркестра, состоявшаго изъ двухъ скрыпокъ, дудочки, цымбаловъ и баса и привезеннаго на Донъ Малороссіяниномъ Марковичемъ. Сначала *казатекъ*, и *журасель* были у насъ единственными танцами;

(*) Въ *контики* обыкновенно играютъ четверо, двое мужчинъ и двѣ дѣвицы: одинъ изъ играющихъ сложивъ вмѣстѣ концы карманнаго платка, подноситъ оные прочимъ; каждый выбираетъ для себя любой и развертываютъ платокъ: тѣ, коихъ концы придутся на крестъ, должны цѣловашь другъ друга.

потомъ введены: *Барыня*, *Какъ у нашихъ у воротъ*, и *Хлопушка*. Мужчины танцовали оплочно; напрошивъ того женщины вовсе не обращали вниманія на танцы: всякая ходила, или прыгала какъ умѣла, и наши прелестныя, не смотря на свою неловкость въ семь дѣлъ, умѣли привлекать взоры и сердца. *Журавль*, *Барыня* и *Уворотъ* танцовались въ четыре пары на подобіе кадрили, только безъ вальса; дѣлали однакожъ круги, шень, кресы; прошивущія пары сходились, расходились и кружились, перемѣняя дамъ. Въ *Хлопушкѣ* становились въ два ряда, какъ въ экосезѣ. Не скоро привыкли дѣвицы танцовать въ обществѣ. Въ кругу подругъ своихъ онѣ любили это невинное увеселеніе; но здѣсь, какъ рѣшиться спастъ рядомъ съ мужчиною, дашь ему свою руку, кружишься

съ нимъ? Почти всегда при началѣ бала, лишь только мужчина подходилъ къ ней, она наклоняла голову и закрывала лице руками или платкомъ, такъ что хозяйка принуждена была насильно увлечь ее съ мѣста, и поставить въ пару. Невѣста въ сей вечеръ должна была перемѣнить два, или три нарядныя плащя, показывая шѣмъ свой избытокъ,

Но что дѣлали *старики*? У нихъ было свое веселье. Какъ скоро женихъ получалъ мѣсто возлѣ своей невѣсты, родители его просили свапушку, свашиньку, и всѣхъ гостей къ себѣ въ домъ *смотрѣть пези*, какъ они говорили: шамъ посреди залы накрытъ былъ сшоль. Всѣ гости сажались ужинать. Хозяева, стараясь отличашся изобиліемъ, подавали блюды шридцать и болѣе; за каждымъ пили вино и медъ;

и чтобы не было отговорокъ, ко всякому спакану придумывали посиль: начинали обыкновенно здоровьем сва-
пушки, потомъ свашиньки, будущей
чепы, всѣхъ гостей порознь, и на-
онецъ пили за упокой умершихъ род-
ственниковъ. Во время десерта весе-
лые госпи пѣли пѣсни, сначала *бога-
тырскія*, потомъ плясовыя: *А кто въ
моемъ во садику; Ахъ матушка же-
ниха; Утушка луговая. Тутъ была
перепелогка* и проч. Женщины пуска-
лись въ пляску, двигаясь вокругъ
стола и стуча въ ладъ каблуками
туфлей. Пиръ продолжался за полночь:
женщины уходя пѣли по улицамъ,
чтобъ во всѣхъ концахъ города, узна-
вали о бывшемъ сговорѣ.

Женихъ долженъ былъ заплатить за
всѣ издержки сего вечера, даже въ
домъ невесты. *Послѣ сговора*, родствен-

ицы невѣсты оставались при ней безошлочно до самой свадьбы и шли для нее приданое. Если бы какую вещь вздумали отдать въ постороннія руки за деньги, то это ставилось въ укоризну *гиберкамъ*. Женихъ съ друзьями бывалъ у невѣсты каждый вечеръ и имѣлъ право оставаться въ ея домѣ ночевать. Невинная молодость рѣзвилась въ этомъ обществѣ: проводя весь день за работой, дѣвицы ввечеру съ нетерпѣніемъ ждали жениха, который, являсь съ уломъ закусокъ, приносилъ съ собою веселіе. До полуночи и далѣе продолжались игры: жмурки, чешки, короли, кончики и проч.

За два дня до свадьбы смотрѣли приданое или праздновали *подушки*; на канунѣ *дѣвизникъ*.

Первыя происходили такимъ образомъ: ввечеру собирались въ домъ

невѣсты знакомыя дѣвицы и женихъ съ молодежью. Изъ пожилыхъ мужчинъ и женщинъ участвовали здѣсь одни только родные. Сперва гости, одинъ послѣ другаго, входили въ комнату, гдѣ находилось приданое невѣсты: богатая постель и множество плащя въ сундукахъ; *гилберки* предлагали имъ *садиться на подушки*. Женихъ съ невѣстою сажались первые; шутъ швеи подносилъ жениху стаканъ меду, который онъ выпивалъ въ нѣсколько приемовъ, за каждымъ цѣлуя свою возлюбленную, и приговаривая: *медъ горекъ, надобно подсластить*. Осушивъ бокаль, онъ клалъ *гилберкамъ* деньги на подносъ. Потомъ *садилась* вся молодежь, одинъ послѣ другаго; каждый просилъ къ себѣ въ сосѣдки изъ присутствовавшихъ дѣвиць шу, которая ему нравилась, также пилъ медъ, цѣловалъ красавицу

сколько хотѣлъ, и платилъ поднощицамъ деньги. Отпустивъ отъ себя выбранную, могъ онъ просить садиться другую, шрепью и такъ далѣе. За всякимъ разомъ, когда мужчина оканчивалъ бокаль, поднощицы бросали въ сидящую пару подушками, приговаривая: « *раса сага басень* (*) ».

При всей застѣнчивости нашихъ красавицъ, ни одна не могла совершенно отказать отъ *сидѣнія на подушкахъ*; но всякая, или почти всякая, непременно отговаривалась нѣкоторое время изъ стыдливости, и наконецъ какъ будто уступала принужденію. Изъ всѣхъ нашихъ общественныхъ собраний, на одномъ только этомъ дозволялась мужчинамъ нѣко-

(*) По Татарски: и вамъ того желаемъ.

шорая свобода въ обращеніи съ дѣ-
вушками. Такимъ образомъ, до полуночи
и позже, продолжали *садиться на по-*
душки. Иногда бывала здѣсь и музыка;
но она не препятствовала сидѣнью :
пока одни танцовали въ залѣ, другіе
не переснавали срывать жаркіе поцѣ-
луи съ свѣжихъ дѣвственныхъ устъ.

Дѣвизникъ былъ для невѣсты по-
слѣднимъ праздникомъ въ ея дѣвче-
скомъ состояніи. Доселѣ она невинно
предавалась движеніямъ душевной ра-
дости, воображая будущее счастье.
Наконецъ наступилъ тотъ день, ко-
торый издали казался ей столь бла-
гоприятнымъ, и душа ея невольно тре-
петала при мысли, что завтра она
должна оставить семью свою, въ ко-
торой образовались ея наклонности
и привычки, гдѣ она умѣла быть люби-
мою дочерью; завтра должна она будетъ

вступитъ въ кругъ новыхъ людей, должна принявъ на себя обязанности, ей мало извѣстныя. Невольная грусть появлялась на свѣпломъ лицѣ неопытной дѣвы. Невѣста, на канунъ свадьбы плакала во весь день. Ввечеру, передъ захожденіемъ солнца, одна съ нянюшкою, ходила она на могилы своихъ предковъ; здѣсь въ безмолвіи гробовъ, принавъ къ землѣ, со слезами призывала усопшихъ родныхъ, въ свидѣтельство клятвы, которую завтра произнесетъ предъ олтаремъ Всевышняго; просила отъ нихъ себѣ благословенія, предстательства ихъ у престола небснаго Отца, да благословишь Онъ новое поприще ея жизни.

Между тѣмъ невѣстныны позывашыя звали родственниковъ ея и знакомыхъ мужчинъ и женщинъ на вечеръ, *наволакивать подушки*, и на другой день

на *выданье невесты*. Со стороны жениха *свахи и дружка* просили гостей къ нему *каравай сажать*, и на завтра *встрѣтить новобрачныхъ*.

У жениха съ самаго утра начинали готовить каравай: когда сажали большой каравай въ печь, все собраніе держалось за лопату; дружка и свахи освѣщали печь, и свѣчи ихъ, обвитыя лентами, на другой день вручались жениху и невестѣ для заженія предъ олшаремъ.

Вечеру, всѣ гости жениха, набравъ караваевъ, отправлялись въ домъ невесты. Здѣсь грустная дѣва въ слезахъ сидѣла посреди подругъ своихъ, въ той же убранной комнатѣ, имѣя на головѣ уже не плапокъ, и не челоучь, но высокую шапку изъ черныхъ смушекъ съ краснымъ бархашнымъ, или нарчевымъ верхомъ, украшенную цвѣ-

шамп и перьями; въ косѣ золошой косникъ. Подруги напѣвали ей жалобныя пѣсни о разлукѣ съ родными и предстоящей перемѣнѣ жизни. Старики въ другой комнатѣ изрѣдка опоражнивали бокалы, въ ожиданіи жениха. Съ его приходомъ пѣсни замолкали, и молодые *садились* опять попарно на *подушки*, какъ на канунѣ. За симъ всѣ гости шли къ столу, послѣ котораго женщины входили въ комнату съ приданымъ и *припѣвая: «Сестрицы, подружки, несите подушки и проч.»* разбирали постель и другія легкія вещи изъ приданаго, и всемъ обществомъ *справлялись* къ жениху.

Съ наступленіемъ дня свадьбы (это бывало всегда въ воскресенье), въ домахъ жениха и невесты все было въ движеніи. Дѣвицы убирали невесту въ брачную одежду: богатый парче-

вой кубилекъ и шакую же рубаху; на голову надѣвали шу самую шапку, которую она имѣла на *дѣвигникѣ*, и косу заплепали по *дѣвиги*; самыя лучшія украшенія изъ жемчуга и золота блистали на ней. Съ благовѣстомъ къ обѣдинѣ, отецъ и мать благословляли святою иконою невесту, которая, положивъ передъ иконою три земныхъ поклона, цѣловала свяшій ликъ, кланяясь въ ноги плачущимъ отцу и матери, и прощалась со всѣми родными и домашними, сама заливаясь слезами. Между тѣмъ женихъ, получивъ отъ своихъ родителей благословеніе, отправлялся къ невестѣ: впереди шель священникъ со крестомъ; попомъ мальчишки несли благословенные образа съ *пеленами*; за ними женихъ между дружкой и свахами въ парчевомъ кафтанѣ, въ алой суконной черкесѣ,

обширой серебряными позументами, въ красныхъ сапогахъ, шипыхъ золо-
 шомъ, держа подъ рукою высокую шапку изъ сѣрыхъ смушекъ съ крас-
 нымъ бархатнымъ верхомъ. Рядомъ съ нимъ *храбрый потѣдъ*, или *потѣжанные*, т. е., холостые друзья жениха, отда-
 ющіе ему послѣдній *молодеческій* долгъ; они сопутствовали ему къ невѣстѣ, въ церковь и назадъ домой, иногда верхомъ на борзыхъ коняхъ въ серебряномъ убо-
 рѣ. Впереди или подлѣ жениха шелъ *вѣдунъ* (збережатыи), котораго дружка обязанъ былъ пріискашь за благовремен-
 но, и который не оплачивался отъ жени-
 ха до окончанія брака, наблюдая, что-
 бы на порогахъ и приполкахъ, гдѣ ему подлежало проходить, не было чаро-
 дѣйства, и чтобы въ пищу и питье не примѣшала кто *порги*. Обыкновеніе наряжать жениха и невѣсту въ бога-

шья плащя было всеобщее ; брачная одежда сохранялась въ семействахъ , какъ нѣчто священное и переходила къ потомству. Не рѣдко видали внука и правнука передъ брачнымъ олпаремъ въ дѣдовскомъ вѣнчальномъ кафтанѣ. Во многихъ станицахъ , гдѣ въ спарину вовсе не умѣли или не любили наряжаться , было по одному общественному вѣнчальному плащю : краснаго сукна чекмень , цвѣтной кафтанъ и красные или желтые сапоги ; всѣ жители той станицы вѣнчались въ этомъ плащѣ , возвращая оное по совершеніи брака въ станичную избу.

Женихъ находилъ невѣсту уже на посадѣ , въ переднемъ мѣстѣ подъ свѣтлыми. Подлѣ нее одинъ или два мальчика , братья ея съ державою , *т. е.* , съ просною или шелковою плеткою , шишою золотомъ и убранныю серебря-

ными бляшками и снурками. Малютки, грозя пѣшью, не допускали жениха къ невѣстѣ; дружка долженъ былъ купить у нихъ мѣсто. Отсюда юная чеша въ большомъ шоржесивѣ отправлялась въ церковь. Въ церковномъ притворѣ пригошовляли невѣсту къ вѣнцу: снимали шапку, расплетали косу, раздѣляли на двоедлинные волосы. По окончаніи духовнаго обряда, у новобрачной заплетали косу уже по женски на двое, обвивали ими голову, надѣвали ей соболью шапку или *повойникъ*, и прежнимъ порядкомъ всѣ отправлялись въ домъ жениха. Тутъ на крыльцѣ встрѣчали *молодыхъ* родители съ хлѣбомъ и солью, подъ которою вся процессія должна была пройти; когда проходили *молодые*, сыпали на нихъ пшеницу или другія хлѣбныя зерна, перемѣшанные съ хмѣлемъ, орѣхами, пряниками, мѣл-

кою монешою и проч., дабы новачеца жила въ избыткѣ и счастіи. Угоспивъ свиню молодыхъ, отводили послѣднихъ на брачное ложе. Нѣкогда существовалъ у насъ обычай, что новая супруга должна была разуть мужа своего, который въ правомъ сапогѣ имѣлъ плётку, и при снятіи онаго, ласково, не говоря ни слова, грозилъ ея своей любезной.

Между тѣмъ званые гости собирались къ обѣду, въ которомъ хозяйка старалась блеснуть числомъ блюдъ и изобиліемъ. Пили шоты Царя, ашамана съ войскомъ Донскимъ, *молодаго князя съ княгиней*, ихъ родителей и каждого гостя порознь, а попомъ по обыкновенію, доходило дѣло и до покойниковъ. Передъ жаркимъ *поднимали молодыхъ*, обрядъ устроенный для женской непорочности, который въ

по время соблюдался у насъ такъ строго, что когда подавали первое жаркое, то все общество требовало, чтобъ имъ показали *гестъ новобратной*, а безъ того не разрывали жаркаго. Въ знакъ радости одобромъ имени молодой, дружкѣ навязывали на руки плашки, а свахъ окутывали разными матеріями крестомобразно черезъ плечи, и всѣ гости прикалывали къ головному убору или къ груди кисточки свѣжей камшны, какъ символъ невинности. Дружко и сваха, которые по большей части не садились за столъ, а ходили кругомъ гостей, прося покушать и наблюдая, чтобы заздравные бокалы осушались до дна, начинали пѣть свадебныя пѣсни, прославляющія честь *молодой*: попомъ потчасъ отправлялись, какъ были въ *перевязкахъ*, къ родителямъ

новобрачной съ извѣстіемъ о порже-
ствѣ дочерней чести и съ приглаше-
ніемъ на общій пиръ и *веселіе*.

И здѣсь также перевязывали ихъ
мастеріями и плашками. Однакожь не
долго сохранялся у насъ сей обычай:
скоро стали приглашать родителей
молодой прямо къ столу, и въ ихъ
присутствіи *поднимали молодого кня-*
зя съ княгиню.

Коль скоро уносили столы, вводили
въ собраніе *молодыхъ*: впереди дружка
нёсъ на блюдѣ, покрытомъ шелковымъ
или парчевымъ плашкомъ, изрѣзанный
кусками большой каравай, котораго
каждая частичка была украшена се-
ребрянымъ лебедемъ или золоченою
сосенкою, и на каждой положено было
по немногу сыру; за нимъ сваха вела
за руки *молодого князя и княгиню.*
Сошворивъ молитву, дружка откры-

валь каравай, разносилъ оный по порядку гостямъ, прося именемъ молодого князя и княгини , *сыръ-каравай принимать и молодыхъ надѣлать*, а молодые въ слѣдъ за нимъ подчивали ихъ виномъ или медомъ. Каждый изъ гостей, принявъ частичку каравая и бокаль, обнималъ новобрачныхъ, поздравлялъ ихъ, изъявляя различныя желанія и дѣлалъ имъ какой нибудь подарокъ. Дарили новобрачнымъ пабуны, куски богатыхъ матерій, копорыя вѣшали молодой на плечо, дорогія вещи, оружіе, деньги. Если тещѣ хотѣлъ одолжить зятю, то отдавалъ ему своего залетнаго скакуна съ сѣдломъ и ронзыкомъ. Объ этихъ подаркахъ говорилъ цѣлый городъ; рассказывали: такой-то *положилъ на каравай пабунъ*, такой-то 500 овецъ, шоптъ домъ съ садомъ, отецъ *покрылъ молодую парчею*, мать роб-

раномъ. Родители *молодой* также получали въ это время подарки отъ сватовъ своихъ: отецъ сукно, а мать бархатъ, или парчу, всѣмъ прочимъ гостямъ дарили: мужчинамъ сафьяны, или платки, а женщинамъ красныя шуфли. Остальную часть дня проводили въ самомъ шумномъ пированьи: подносили вино гостямъ, то старшій сынъ хозяина, уже славный на поприщѣ военномъ, то малюшка внукъ, то дочь красавица, изъ жалованнаго царскаго ковша, или изъ завѣшнаго дѣдовскаго бокала, или изъ прадѣдовской чары, добычи Азовскихъ походовъ. Завистливое время бѣжало для нихъ быстро: разсвѣтъ другаго дня начинался прежде, нежели веселая бесѣда успѣвала окончить нѣсколько разъ повторяемые тосты въ честь живыхъ и усопшихъ. Никто, или почти никто

не выпивалъ своего бокала, не изъ-
явивъ громогласно желанія въ пользу
того, чье здоровье онъ пилъ. Для
разныхъ случаевъ были различныя по-
здравленія : « желаю здравствовать
князю молодому съ княгинею, » гово-
рилъ шепещущимъ голосомъ старый
воинъ, кланаясь на всѣ стороны; « кня-
жему опцу, мапери, дружку съ свахами
и всѣмъ любящимъ гостямъ, или *всей*
гостной компаніи на бесѣдѣ, не всѣмъ
поименно, но всѣмъ поравенно ; что
задумали, загадали, опредѣли Господи
паланъ и счастье ; слышанное видѣть,
желаемое получить, въ чести и въ ра-
дости нерушимо. » Собраніе отвѣ-
чало ему : « опредѣли Господи ! »

На другой день по утру, мать мо-
лодой присылала новобрачнымъ супъ
изъ курицы съ изюмомъ и коренья-
ми, и шакъ называемое *вареное*, приго-

шovenное изъ вина съ сахаромъ и ароматными веществами. Блюда сѣ носили: няня молодой и бывшія ея прислужницы; всѣ онѣ были перевязаны штуками маперій, и одна въ карикатурномъ нарядѣ; проходя по улицамъ, онѣ немолчно пѣли свадебныя пѣсни, часто останавливаясь, чтобы поплясать и привлечь вниманіе народа. Угощенія продолжались цѣлую недѣлю: участвовавшіе въ брачной церемоніи, переходя изъ дома въ домъ къ каждому изъ гостей по очереди, пировали до самаго *нелъзя*.

Наконецъ назначались такъ называемые *отводы*. Родители молодой давали у себя для всѣхъ прежнихъ гостей обѣдъ, на который являлись и новобрачные, въ первый разъ послѣ свадьбы показавшіеся тушь въ чужомъ домѣ въ обществѣ. Разумѣется послѣ обѣда все

собрание провело какъ слѣдуетъ : хлѣбосольные хозяева починали за стыдъ не угостить *тестную компанію* такъ, какъ она угощаема была на прежнихъ пирахъ.

Таковы были въ старину главные свадебные обряды у *Низовыхъ казаковъ*, и преимущественно въ Черкасскѣ, гдѣ они исполнялись во всей точности, какъ въ высшемъ сословіи, такъ и между самыми бѣдными казаками. Въ станицахъ *верховыхъ*, обряды сіи имѣли нѣкоторыя измѣненія; въ каждой было что нибудь свое собственное.

ДОНСКІЯ ПѢСНИ.

*Здѣсь предлагаются пѣсни для нотъ,
приложенныхъ въ концѣ книжки; про-
гид помѣщены въ текстъ.*

І.

Какъ на славныхъ на степяхъ было
Сараповскихъ,
Что пониже было города Сарапова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они братцы во единый кругъ:
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе;
Апаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимо-
фѣевичъ,
Есаулъ у нихъ, Аспашка, сынъ Лав-
ренщевичъ,
Они думали думушку все единую:
Ужъ-какъ лѣпо проходитьъ, лѣпо теплое,
А зима наспаетъ, братцы, холодная,

Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимо-
вать будетъ ;

На Яикъ намъ иппить, да переходъ
великъ ,

Да на Волгѣ ходить намъ, все ворами
слышь ,

Подъ Казань градъ иппить, да тамъ
Царь стоитъ ,

Какъ грозной-та Царь Иванъ Васильевичъ.

У него тамъ силы много-множесиво.

Да тебѣ Ермаку быть тамъ повѣшену,

А намъ казакамъ быть переловленнымъ,

Да по крѣпкимъ по шюрмамъ поразсо-
женнымъ.

Какъ не золотая трубушка воспрубила,

Не серебряная рѣчь громко возговорить,

Рѣчь возговорить Ермакъ сынъ Тимо-
фѣвичъ :

Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,

И меня Ермака, братцы, послушайте :

Зазимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,

А зимою мы, братцы, поисправимся ,

А какъ вскроется весна красная ,

Мы тогда-то, други братцы, во походъ
пойдемъ ,

Мы заслужимъ предъ грознымъ Царемъ
вину свою :

Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы, корабли,
Какъ и шѣ-то корабли, братцы, не
орленые,

Мы убили посланничка Всецарскаго ,
Какъ шаво-то вѣдъ посланничка Пер-
сидскаго.

Какъ во славномъ было городѣ во Астра-
ханѣ,

На широкой , на ровной было площади,
Собирались казаки други во единой кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую :

Какъ зима-то проходитъ все холодная,
Какъ и лѣто настанетъ, братцы, лѣто
теплое ,

Да пора ужъ намъ, братцы, въ походъ
идти ;

Рѣчь возговоришъ Ермакъ Тимофѣевичъ:
 Ой вы гой еси братцы Апаманы молодцы,
 Эй вы дѣлайте лодочки каломенки,
 Забивайте вы почеша еловые;
 Накладайте бабаички сосновые,
 Мы поѣдимте братцы съ Божьей
 помощью;

Мы пригрянемте братцы вверхъ по
 Волгѣ по рѣкѣ,

Перейдемте мы братцы горы крушыя,
 Доберемся мы до царства бусорманскаго,
 Завоюемъ мы царство Сибирское,
 Покоримъ его мы братцы Царю Бѣлому,
 А Царя-то Кучума во полонъ возьмемъ,
 И за то - то Государь Царь насъ
 пожалуетъ.

Я тогда - то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
 Я надѣну тогда шубу соболиную,
 Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
 Принесу я Царю Бѣлому повинную,
 Ой - ты гой еси Надежа православный
 Царь,

Не вели меня казнить, да вели рѣчь
говоришь :

Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ;
Какъ и я-то воровской Донской Ашаманушка;

Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому;
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы,
корабли ,

Какъ и тѣ-то корабли все не орленые ;
А теперича Надежа православной Царь
Приношу тебѣ буйную головушку ,
И съ буйной головой царство Сибирское.
Рѣчь возговоришь Надежа православ-
ной Царь ,

Какъ и грозной-то Царь Иванъ Ва-
сильевичъ :

Ой-ты гой еси Ермакъ сынъ Тимофѣе-
вичъ ,

Ой-ты гой еси Войсковой Донской Ашаманушка ,

Я прощаю тебя да и со войскомъ
пвоимъ ,

Я прощаю тебя да за твою службу,
 За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
 И я жалую тебѣ Ермакъ славной пшхой
 Донъ.

2.

Приуныло, приумолкло войско Донское,
 Приужаснулась армейюшка Царя Бѣлаго,
 Безъ вѣрнаго служителя Государева,
 Безъ Ивана Матвѣича Краснощокова.
 Взяли Краснощокова въ полонъ Шведы,
 Повели добраго молодца къ Левен-
 гаупцу.

Какъ и спалъ его Левенгауптъ спра-
 шивать:

« Ты скажи, скажи доброй молодецъ,
 не утай ничего:

« Ты чѣмъ служилъ Царю Бѣлому,
 какъ ты жалованъ,

« Сопникомъ, полковникомъ иль брига-
 дирушкой? »

Рѣчь взговорилъ Краснощоковъ Левен-
 гаупцу:

« Я служилъ Царю Бѣлому ровно прид-
цапъ лѣпъ ,

« И не сопникомъ , полковничкомъ ,
бригадирушкой ,

« Я служилъ Царю Бѣлому рядовой
козакъ. »

Нѣтъ , не правду разудалой открываешь
мнѣ ;

На тебѣ , молодецъ , управушка не казачая ,

На тебѣ-то управушка командирская ,

Я хочу тебя младца просипъ прозьбою :

Ты служилъ Царю Бѣлому ровно прид-
цапъ лѣпъ ,

Послужи ты Царю Шведскому хоть
при года. —

Какъ воскликнулъ Краснощокъ Ле-
венгауппу :

« Ахъ , еслибы была при мнѣ сабля
оспрая ,

« Послужилъ бы я надъ твоей буйной
головушкой .

К О Н Е Ц Ъ .

С С Ы Л К И.

Частная жизнь Императора Петра I.

1) См. мѣру роста Императора Петра I въ Музеумѣ Импер. Академіи наукъ въ кабинетѣ сего Государя.

2) Scheltema Russland en Nederlanden. Amsterdam 1817. II.

3) Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго, рукопись Андрея Нарпова § 22. Отрывки помѣщены были въ С. О. 1819 года.

4) Scheltema — III.

5) Scheltema.

6) Нарповъ; Кашинъ; рукопись его помѣщена въ Рускихъ анекдотахъ, изданныхъ С. Глинкою. Москва 1820 года, ч. I. стр. 31.

7) Кашинъ, 31. Нарповъ § 80.

8) Tagcbuch von Bergholz 2er Theil;
въ Бюшинговомъ магазинѣ ч. 20,
стр. 332..

9) Scheltema III.

10) Bergholz — Busching, ч. XIX; Bas-
sewitz въ Бюшинговомъ магазинѣ ч. IX.

11) Нарповъ § 60.

12) Извлечено изъ дѣлъ сенапскаго
архива..

13) Нарповъ.

14) Нарповъ.

15) Büsching T. XX.

16) Büsching T. IX. Bassewitz; — XXI
Bergholz..

17) Нарповъ..

18) Нарповъ.

19) Кашинъ — въ Р. А. стр. 32.

20) Нарповъ.

21) Origina-lanekdoten v. Stählin. —
Duclos.

22) Anecdotes sur le règne de Pierre

le Grand, современная рукопись, находящаяся въ библиотекѣ кн. А. Я. Лобанова-Ростовскаго. Жизнь Петра Великаго, изд. Галема III. 185.

23) Das veränderte Russland, von Weber, II. 23. Нартовъ § 80.

24) Weber, тамъ же.

25) Нартовъ.

26) Тамъ же § 6.

27) Тамъ же.

28) Тамъ же.

29) Галемъ III. 147. Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго.

30) Bruce 5. Reisen 138. Нартовъ § 80. Кашинъ.

31) Галемъ III. 177. Нартовъ.

32) Нартовъ, § 38.

33) Graf Lynar I. 34. Галемъ.

34) Bruce. — Нартовъ.

35) Bassewitz.

36) Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго.

37) Нартовъ § 80.

38) Bruce 138.

39) Тамъ же.

40) Нартовъ. Bergholz.

41) Bergholz.

42) Нартовъ.

43) Нартовъ.

44) Bergholz.

45) Нѣмецкая рукопись изъ библіотеки графа Сухтелена, подъ заглавіемъ:
Ueber die veränderungen zu Zeiten Peter's
des Grossen.

46) Нартовъ § 88.

47) Bergholz.

48) Нартовъ § 80.

49) Журналь Ив. Ив. Неплюева въ
рукописи.

50) Bruce 138. Weber ч. II.

51) Bergholz. Богдановъ. Описание С.
Петербурга.

52) Нартовъ.

53) Basswitz.

54) Stählin.

55) Наршовъ. Bergholz.

56) Образъ сей и рубашка хранятся до сихъ поръ въ семьѣ Гг. Мухановыхъ.

57) Галемъ.

58) Scheltema II.

59) Тамъ же II.

60) Тамъ же II.

61) Тамъ же.

62) Тамъ же.

63) Въ собраніи собственноручныхъ писемъ Петра I, находящемся въ Московскомъ архивѣ коллегии иностранныхъ дѣлъ.

64) Stählin.

65) Bergholz.

66) Наршовъ.

Спальни объ увеселеніяхъ и первыхъ балахъ почерпнуты изъ Беркгольца, Бассевица, Вебера, и Штелина (Ueber die Musik und Tanzkunst in Russland), Нарпова, Кашина, изъ писемъ Гжи Рондо (Letters of an english Lady who

resided many years in Russia), изъ статьи
А. О. Малиновскаго о Россійскомъ
театрѣ, помѣщенной въ Сѣверномъ
Архивѣ 1822 года.

*Частная жизнь боярѣ при
Петрѣ I.*

- 1) Нартова рукопись.
- 2) Bergholz.
- 3) Weber.
- 4) Weber.
- 5) Leben des Grafen Scheremetef, von
Müller.
- 6) См. Сокольничій уставъ въ Древн.
Визавіоениѣ.
- 7) Описание С. Петербурга Богданова.
- 8) Bergholz.
- 9) Тамъ же.
- 10) Bergholz.
- 11) Weber.
- 12) Bergholz.
- 13) Leben des Gr. Scherem., v. Müller.

- 14) См. планъ С. П. бурга 1716 года.
- 15) Нартовъ.
- 16) An account of Russia as it was in 1708, by Lord Whitworth.
- 17) Описаніе С. П. бурга Богданова.
- 18) Bergholz.
- 19) Mémoires sur Pierre-le-Grand, par un ministre étranger.
- 20 } Все это заимствовано изъ Берк-
- 21 } гольцава журнала: многое такъ-
- 22 } же изъ преданій.

Въ статьяхъ о Донскихъ казакахъ помѣщены нѣкоторые слова національ-
ныя, которыя не для всѣхъ читате-
лей, можетъ быть, равно понятны.
Здѣсь слѣдуетъ ихъ объясненіе.

Тула. Такъ называли у казаковъ
пришлеца Таттарскаго племени, вновь
поступившаго въ ихъ общество.

Шертованіе, у Татаръ и Калмыковъ

присяга, совершаемая по обрядамъ Магомешанскаго или Ламанскаго законовъ.

Юртъ, всѣ земли и воды, принадлежащія какой нибудь спаницѣ.

Чеканъ, родъ молотка съ рукояткою, имѣющею длины около полутора аршина. Съ симъ оружіемъ обыкновенно гонялись за волками.

Тарпанъ, дикій конь.

Чикилики, женское украшеніе, связанное сѣпкою изъ жемчуга, которое обвивая чело, спускалось подъ ушами.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе..... v

Отдѣленіе I.

О частной жизни Императора
Петра I. I

Объ увеселеніяхъ Рускаго двора при
Петрѣ I. 55

О первыхъ балахъ въ Россіи..... 99

О частной жизни Рускихъ при
Петрѣ I. 127

Отдѣленіе II.

Вступленіе 173

Рыцарская жизнь казаковъ..... 178

Частная жизнь Донцевъ въ концѣ
XVII и первой половинѣ XVIII вѣка 242

Свадебные обряды..... 298

Донскія пѣсни..... 336

ПЯТЬ

*пѣсенъ Донскихъ національныхъ
положены на музыку Т. Кольбе.*

въ лит.: фот. Петерс.

Andante

Nº 1. *Solo.* *Vivo.*

Choir

Piano

Forcel.

нашъ вѣче на Де... ну. во Чер...

на... вѣче... ре... ду... при... а... си... на... и... на...

вѣче... при... ре... на... а... ну... жи

№ 9. *Andante quasi Allegretto. Solo:*

Chant:

avec
Piano-
Forte.

ff *p* Как не травушка не ка-вы мушка въ поле та-та-
f *ff* та — — — ся; а та-та-ся во-ло-чи-ся
у-да-чь до-брой по-ло-ди-ць.

[illegible]

Andantino.

Solo

№ 4.

Chant

avec

Piano

Forcé.

Tutti

Приутиху при - - - ч - - - на - - - ко Вей - - - ско Дон -

ско - - - приу - жасти - - - лась ар - - - ко - - - ша

Па - - - ре - - - сь - - - ло - - - ва .

Allegretto.
 N. 5. *Solo*
 Chant.
 avec
 Piano
 Forte.

Ой вы брат — цывы бра — цы. А та — жа — ны

Tutti.
 но — ло — цы. не по — жинь — те же — нз. же — и — цы.

ца при вѣд — но — сты.

и